

Владимир Печенкин
«Мустанг» против
«Коломбины», или
Провинциальная мафия

Леонид Словин
Зеленое море, красная
рыба, черная икра

Владимир Печенкин
«Мустанг» против
«Коломбины», или
Провинциальная мафия

OCR: Олег-FIXX (fixx10x@yandex.ru)
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162123
Журнал «Урал», №1; Екатеринбург; 1992

Содержание

1	4
2	18
3	26
4	32
5	45
6	58
7	65
8	80
9	89
10	96
11	120
12	128
13	138
14	164
15	170
16	181
17	198

Владимир Печенкин

«Мустанг» против «Коломбины», или

Провинциальная мафия

1

Просыпаться не хотелось. Но и опять уснуть тоже не удалось, хоть он и старался, угадывая в тяжком, болезненном полусне, что окончательное пробуждение не сулит ничего хорошего. А и без того тошнехонько, во всем теле разбитость, каждая жилка ноет, к горлу подступает тошнота. Где же это вчера перебрал? Какой сегодня день? Идти на работу или выходной? Хоть бы выходной, никаких сил нет. Утро сейчас или вечер? Может, вечер, тогда еще ничего, до завтра полегчает. Кто это кашляет, хрипит рядом? Странно...

Владимир Павлович приоткрыл глаза. Голая лампочка под серым низким потолком. Унылые стены, кровати какие-то... В больницу, что ли, попал? На соседней койке сидит незнакомый субъект, надрывно кашляет, трясая встрепанными волосами, сплевывает на пол. Господи, куда же это занесло? Владимир Павлович зажмурился. Стал вспоми-

нать, что же было вчера...

Седьмое число было, вот что. Получка. Выдали ему на руки... Так, минус алименты, минус кредит, подоходный, за профсоюз... Девяносто пять на руки, не жирно. Ах да, еще за халтурку выплатили, с напарником вышло по сто двадцать на нос. Собственно, с халтурной деньги и началось, обмыть же надо. Тем более у напарника подруга работает в винном отделе, так что для него бутылка не проблема. Сперва посидели в сквере. Но там холодно, ветер. Не лето лее, хотя и с бутылкой. Напарник сбегал за второй. Ее пили в городском туалете. Больше ничего не помнит Владимир Павлович... Опять будет Клава стонать: да когда это кончится, да чтоб ты сгорел от своей водки, да уйду к маме, ну и прочее.

– Ты! Закурить есть?

Почему этот кашлюн сразу на «ты»? С ним, что ли, вчера пили? У-у, морда, такие в белой горячке мерещатся. Майка грязная, трусы тоже, сам трясется весь. За ним, на другой койке, еще ворочается кто-то и кряхтит. Угораздило в такую компанию...

Изморщившись от множества болей во всем теле, Владимир Павлович приподнялся, огляделся...

– Где это мы?

– Ха, не узнал! – оскалился сосед. – Слышь, Толик, он не узнал! В вытрезвилке мы, понял? Курить есть?

Владимир Павлович чуть не застонал... В вытрезвителе... Надо же так вляпаться! Обмыли, называется, халтурку, те-

перь сам не отмоешься. Из милиции на завод пришлют «телегу»: «...Механик ремонтно-строительного цеха Ничков В. П. доставлен в состоянии опьянения...» Надо было после первой бутылки идти сразу домой, а то без закуски, наско-ро...

Боль клонила голову на тощую, десятой свежести, подушку. Владимир Павлович съежился, закрылся скверно пахнущим одеялом, дабы в горьком одиночестве переживать душевные и телесные страдания, не слышать матерного бормотания соседа.

Но и это призрачное одиночество было нарушено. Взвизгнула, хлопнула дверь, кто-то вошел. Голос громкий, начальственный:

– Ну что, ханурики? Как вы тут? Продрыхлись или косые еще? Сможете домой уехать или до утра погостите?

Ага, значит, еще вечер. Владимир Павлович высунул голову из-под одеяла. Молодой милицейский сержант стоял у двери.

– В порядке мы, начальник, – лениво прохрипел патлатый. – Выпускай, пока трамваи ходят.

«Значит, нет еще двух часов ночи, – обрадовался Владимир Павлович. – До работы можно отоспаться. Ах, опохмелиться бы, чтоб голова прошла и не тошнило».

– А третий как? – Сержант подошел к койке Ничкова, отдернул одеяло. – А? Очухался?

– Да-да, я хорошо себя чувствую, – виновато, заискиваю-

ще улыбнулся Владимир Павлович.

– Тогда по-одымайсь! На выход шагом марш!

Солдафон... Владимир Павлович, пожалуй, остался бы здесь до утра – отлежаться малость, перетерпеть ломоту в теле, отдалить разговор с женой. Тем более если в палате – или как называется здешний вертеп? – останется он один: вон, оба соседа уже пошлепали босиком по бетонному полу к двери.

– Эй, ты идешь или нет? – окликнул сержант.

– Да-да, сейчас, – засуетился Ничков.

«Нужно вести себя вежливо, тогда, может быть, не сообщат в цех. С кем бы поговорить, чтобы не сообщали? Объяснить, что я механик, то есть итээр, неудобно перед подчиненными... Но только не с этим сержантом...»

В коридоре сержант велел двоим «приставить ногу», а патлатого кашлюна увел в дежурку. Второй парень, белобрысый, с бледным одутловатым лицом и водянистыми равнодушными глазами, почесывался, зевал, шмыгал носом. Его позвали вторым, когда патлатый вышел из дежурки, одетый в мятую болонь-евую куртку и еще более мятые штаны, полосатые, как матрац, в короткие сапоги из кожзаменителя. Он сразу закурил, уже свысока оглядывая Ничкова, дрожащего в майке и трусах, босиком.

– Ты чо, и верно в первый раз подзалетел?

Отвечать этой обезьяне Ничков не посчитал нужным.

Сержант высунулся, кивнул ему: заходи. В дежурке осмот-

рела пожилая фельдшерица, спросила о чем-то, он угодливо ответил, соображая лихорадочно, как бы попросить ее, чтобы не сообщали... Но и фельдшерица, и дежурный офицер говорили и глядели так официально, что отповедь можно было предвидеть заранее. Ну надо же, надо же!

Ему велели расписаться в журнале, и он послушно расписался, за что – не обратил внимания. Сержант выложил на скамью одежду, перевязанную ремнем. Пока Владимир Павлович одевался, дежурный казенным голосом проводил с ним профилактическую беседу о вреде пьянства и алкоголизма. Из-за головной боли Владимир Павлович мало что понимал, однако лепетал «да-да» и «не повторится».

Наконец лейтенант перешел к практическим делам:

– У вас, Ничков, при задержании изъято на хранение: часы наручные марки «Ракета», так? – получите ваши часы; пропуск на завод – получите; денег при вас было сто девяносто два рубля тридцать две копейки, так? Двадцать пять рублей удерживаю за услуги, вот квитанция. Остальные получите. Сто шестьдесят семь, так? Ничков, что же вы этак небрежно суете по карманам, деньги ведь, не бумажки. Потеряете, потом скажете, что в милиции захамили.

– Да-да... То есть нет-нет, я потом дома сосчитаю, спасибо.

– На здоровье, Ничков. Сейчас без десяти час ночи, садитесь на трамвай, езжайте прямо домой, понятно?

– Да-да, конечно. Товарищ лейтенант, позвольте, э-э...

попросить...

Тут из коридора крикнули:

– Дежурный! Еще одного привезли, лыка не вяжет. К вам или сразу на койку?

Сержант заторопил:

– Давай, Ничков, давай по-быстрому. Шагай да больше не напивайся.

Пришлось уйти, не высказав заветную просьбу.

Две уныло согбенные тени стояли во дворе, курили молча. Была мартовская оттепель. Но Владимира Павловича и в демисезонном пальто, в ондатровой шапке-боярке была мелкая похмельная дрожь. Поеживаясь, он двинулся на трамвай. Ехать семь пролетов, выходить на восьмой остановке, там пройти два квартала, и будет он дома, где ожидает скандал...

– Чо, мужик, мандраж, берет? Кто это? А, тот, патлатый.

– Да-да, знаете, холодновато.

– Не-е, это оно с похмелюги. Счас бы пузырь на троих, и порядок. Скажи, Толик?

Второй парень что-то утвердительно буркнул. Владимир Павлович представил, как берет в руку стакан, как глотает... К горлу снова подступила тошнота... и отступила. Да-да, вот что нужно сейчас! Отпустила бы боль в висках, ломота в теле. Увереннее говорил бы с Клавой. Пошел бы утром в цех при нормальном самочувствии. Но, к сожалению...

– К сожалению, нечем это... подлечиться. Нету в городе

ночных баров-ресторанов, хм.

– Были бы деньги, выпить найдем.

– Как, ночью?

– А ты думал! Четвертак, и пузырь счас будет. У тебя ж есть, чо жмешься. Двадцать пять рублей давай, сообразим на троих и разбежимся.

Владимир Павлович выпить любил... Но был не алкашнее других, на работе всегда в норме, прогулов нет... Однако именно сегодня объяснить все это жене окажется весьма затруднительно, потому что не в форме, самочувствие паршивое. И если человек берется где-то достать... Правда, человек-то грязный, несимпатичный. Господи, да кто может показаться симпатичным с такого похмелья!

– Собственно, двадцать пять рублей я мог бы...

– Ну и порядок. Счас сообразим. Во, трамвай идет.

– Мне не в эту сторону.

– В эту, друг, в эту. До вокзала доедем, чердак подремонтируем, там видно будет, кому куда. Аида садимся.

И покатился Владимир Павлович Ничков в обратную от дома сторону, терзаемый, с одной стороны, похмельем, с другой – угрызениями совести.

К счастью, и в крошечной тьме бывают удачи. Как приехали на вокзал, патлатый парень взял у Ничкова две десятки и пятерку, побежал рысцей к стоянке автотранспорта. И тут же вернулся с бутылкой под полюю.

– Во, видал? На хрена сдался ночной ресторан, когда есть

бомбежники круглые сутки. Какие-какие! Которые бомбят. Водкой, значит, торгуют, балда ты бестолковая. Пора бы знать, не в детсадике, в вытрезвилке бываешь. Не бойсь, счас подлечимся:

Зашли в зал ожидания. Тепло, малоллюдно. Все сидят, дремлют. Милиции не видать. Устроились за киоском Союзпечати. Патлатый ловко скovyрнул пробку, взболтнул бутылку, протянул Владимиру Павловичу.

– Тяни первый.

– Э-э, я из горлышка не привык.

– Хы! Тоже мне, интеллигенция. Слышь, Толик, он не привык. Ладно, счас сделаем.

Сорвался с места, мелким бесом подкатился к молодой женщине, дремавшей с девочкой на коленях. Поулыбался, пошептал. Женщина осторожно, чтобы не разбудить дочурку, расстегнула хозяйственную сумку, вынула и подала эмалированную кружечку с картинкой: зайка с морковкой под елочкой.

Выпили. Поправились. Загрызли по очереди черствым пряником, сохранившимся от прошлых подобных пиршеств в кармане у Толика. Владимир Павлович старался укусьить с краю, где не тронуту зубами собутыльников, которые хотя и славные ребята, но несколько грязноваты. Черт возьми, какие контрасты подбрасывает человеку жизнь! Всего полчаса назад было все так скверно, и вот стало гораздо лучше. Серая тоска вытрезвителя отодвинулась в прошлое, до-

машинный скандал – в будущее, а «телега» из милиции в цех – ерунда, переживем! Патлатого, как выяснилось, зовут интеллигентно – Макс. Он не такой уж отвратительный тип, как показалось там, в дурацком заведении. С ним приятно беседовать, он умеет слушать. И второй, Толик, тоже ничего. И ночной вокзал по-своему уютен, романтичен даже. Будто и сам ждешь поезда, и прошлое отошло, оставив грустноватые воспоминания о цехе, жене... да-да, и о вытрезвителе, будь он проклят, потому что, как говорится, быть молодцу не укор...

– Ну чо, мужики, резину-то тянуть, допьем? – Макс наклонил бутылку над кружкой, прищурил глаз, как снайпер на мишень. Но Толик вдруг шепнул:

– Атас! Мент!

По проходу меж эмпээсовских жестких сидений в их сторону направлялся милиционер.

Владимир Павлович, будучи не всегда умеренным в выпивке, относился к милиции с опаской. Сегодня же, напуганный вытрезвителем, просто взмок от страха, хотя и не видел за собой никакой особенной вины. Опытный Макс с ловкостью иллюзиониста мгновенно спрятал бутылку под курткой, кружку сунул в карман и встретил милиционера невинным взглядом. Однако и вокзальные службы не лыком шиты: бутылку милиционер, может, и не заметил, но подозрительную компанию сразу отличил от потенциальных пассажиров. Подошел, ладонь к шапке:

– Куда едем? Или приехали?

– Приехали, начальник. Друга вот встретил, вместе работали на комсомольской стройке. – Макс обнял Владимира Павловича, потряс за плечи.

– Да-да, – растерянно промямлил Ничков.

– И до утра тут обниматься намерены, друзья-комсомольцы? – явно не поверил постовой.

– А чо, уже поздно? Вовка, сколь на твоём хренометре? О, третий час! Айда, мужики, по домам, кабы на работу не проспять. Берем тачку и... Спасибо, начальник, что подсказал.

Милиционер следовал за ними до самого выхода из вокзала.

На улице похолодало. После тепла опять заколотила дрожь. Собутыльники прытко пошагали через площадь. Кругом ни души. Трамваи не ходят. Спит город. Никому нет печали до Владимира Павловича Ничкова, заблудшего механика ремонтно-строительного цеха. В отдалении, на автостоянке, коротают ночь с десятков машин, на некоторых по-кошачьи светятся зеленые огоньки. Можно взять такси и уехать домой, к жене... Однако Владимир Павлович, как многие слабовольные люди, понимая неизбежность объяснения, желал хотя бы отдалить его, сколь возможно. И поспешил вслед за Максом и Толиком в подъезд дома у площади. Здесь голо, тускло, но более-менее тепло.

– Эх, допьем, чтоб не гребтелось, – сказал Макс, садясь на ступеньку в пролете между первым и вторым этажами. По-

ставил рядом бутылку и кружку. – Где закусь? Вовка, ты пряник сожрал? Нет? Толик, ты? Гад ты, понял? Вовка у нас интел-ли-гент, без закуси не пьет, понимаешь. Черт с ним, нам больше достанется. Ладно, шутю я. – Разглядел на кружке зайца с морковкой. – Ну, заяц, погоди!

– Кружку надо будет отдать той женщине, у нее ребенок,

сказал Ничков вяло.

– Ага, там мент попутает. Ничо, перебьется баба.

– Нехорошо получится, – слабо проявил честность Ничков.

– Да пошел ты знаешь куда... На, глотай. Нехорошо ему. Водяра кончилась, вот это нехорошо. ГУ, дай бог, не последняя. – Он вылил в себя остатки водки не глотая.

Вот и все. Финита ля комедия. Надо идти домой. Через пять часов механик Ничков должен быть как штык у себя в цехе. Лица собутыльников в блеклом свете подъездной лампочки казались постаревшими, измятыми, далеко не такими дружескими, как на вокзале. Макс лениво ругался, Толик слушал, сопел. И выдал:

– Еще бутылку, и нормально будет.

– Точно! – будто того и ждал Макс. – Вовка, гони еще четвертак, не жмись. Счас сбегаяю.

Это бы отсрочило Клавин скандальный крик. Однако после «лечения» и прогулки по холодку голова у Ничкова уж не так тупо болела, появилось в ней кое-какое здравомыслие.

– Довольно, товарищи, – поднялся он со ступеньки. – Так и до прогула долечиться можно. Вы как хотите, а я домой.

– Да брось, Вовка, успеешь к бабе под бок, куды она денется. Еще одну раздавим и разбежимся, а?

Макс опять разонравился Ничкову. Наглый тип. Вот и кружку у женщины захамил, и малознакомого человека называет Вовкой. Еще поить их за свои кровные. Владимир Павлович помотал головой, надвинул глубже шапку-боярку и решительно потопал вниз.

– Эй, ты! Не хошь пить, не надо. Ты нам дай четвертак, слышишь? Взаймы. Я отдам, сука буду. Скажи адрес, завтра принесу, не боись. Чо, не веришь? Да чтоб я из-за четвертной марался, совесть терял!

Про совесть Максому услыша, Владимир Павлович приостановился, оглядел его мятую куртку, сальные сосульки волос, детскую кружечку в руке – заяц с морковкой. Еще раз мотнул головой. Оставалось пяток ступенек, когда сверху по лестнице застучали поспешные шаги. Не успел испугаться, как в голове зазвенело от тупого удара. Владимир Павлович упал, его ударили еще – в лицо кулаком, в бок ботинком.

– Жлоб, мать твою...

Он не кричал, инстинктивно понимая, что будет хуже. Наглая рука залезла в карман – не протестовал: жизнь дороже. Ткнули еще раз в бок, сорвали с руки часы – лежал, притворяясь потерявшим сознание. Хлопнула дверь. Владимир Павлович еще полежал для верности. Ни звука. Тогда он со

стоном сел на бетонную ступеньку. Тело ныло еще надсаднее, чем там, в вырезвители. Из подъездной двери тянуло сквозняком. Поискал шапку – нету, утащили. Полез в карман – и застонал от боли, обиды, от жалости к себе: Макс выгреб деньги, сколько ухватила его грязная пятерня, от полочки и халтурки осталось – сколько? Четыре десятки, пятерка, рубли... Алкоголики, мерзавцы, подонки!

Вечером другого дня, все перетерпев и как следует осердившись, Владимир Павлович поехал в милицию. Трехэтажное здание райотдела пробудило нехорошие воспоминания. Вон они, ступеньки вниз, в подвальное помещение... Но было жалко денег, шапки-боярки из ондатры. Ничков все-таки спустился в дежурку нырезвителя.

На месте вчерашнего лейтенанта сидел пожилой старшина. Владимир Павлович, заикаясь и путаясь, рассказал ему, что вчера по нелепой случайности его забрали, водворили...

– Сегодня-то зачем пришел? Понравилось у нас?

Тоже, юморист казарменный... Но Ничков униженно хохотнул, сразу на себя за это озлившись. И продолжил уже несколько грубовато: мол, милиции лучше бы грабителей отлавливать, чем хватать почти трезвых...

– Да в чем, собственно, дело? – насупился старшина.

Ничков рассказал, опустив подробности о распитии бутылки, но подчеркнув циничность грабежа. И попросил адреса тех двоих отбросов общества, с кем пришлось вчера делить казенный кров.

– Тут тебе не адресное бюро, – отрезал старшина. – И ни каких справок частным лицам мы не даем. Ограбили, так пиши заявление, как положено.

– Да-да, конечно. Я напишу и принесу.

Владимир Павлович нахлобучил старую ушанку, носимую теперь взамен утраченной ондатровой боярки, и торопливо удалился. Писать заявление он не собирался: все равно, судя по аппетитам Макса на выпивку, денег не вернуть, только затаскают повестками в милицию. Надо же! Какая невезучая жизнь!

2

В кабинет заглянул Костя Калитин.

– Здравствуй, Миша. Говорят, ты меня искал?

– Ага. Заходи, садись, – поднялся ему навстречу Мельников.

Калитин сел, поправил очки, обратился к товарищу продолговатое высоколобое лицо:

– Что вам угодно, коллега, как сказал продавец продмага продавцу промтоварного магазина.

– Ну, ты изъясняешься прямо в стиле Ильфа и Петрова. Вот что значит работать в ОБХСС, общаться с интеллигентным жульем. А мы, чернорабочие угрозыска, от грабителей да путан слышим один мат.

– Завидуешь? Так и быть, пиши заявление о переводе к нам, замолвлю словечко по знакомству. Только ведь скоро обратно запросишься. Посидишь месяц над липовыми счетами, бестоварными накладными, в которых сам черт с высшим экономическим образованием не разберется, да и возопишь: где мои простые и понятные грабители да путаны! Лучше говори, зачем искал.

– Скажу. Мы тоже умеем изъясняться красиво, в стиле римских ораторов. Например: доколе, Калитин, будут злоупотреблять нашим терпением барыги-бомбежники?

Калитин сразу поскуучнел.

– Вон ты о чем. Доколе? А дотоле, пока им бомбежка выгодна. Или покуда не примет правительство действенный против них закон.

– Костик, насчет действенных законов и я не прочь поплакать тебе в жилетку, да что толку? Ныне существующие законы и те бездействуют во имя гуманности, а ты жаждешь новых – зачем?

– Никак не могу привыкнуть к упрекам в бездействии.

– И не привыкай. Без нас с тобой многие держат шаткость законов за ширму для собственного ленивого житья. И вообще, не надо заводитьсь, Костя, эмоции для нас излишняя роскошь.

У капитана Калитина выдержки хватало и на затяжные беседы с матерыми аферистами, и на оголтелое вранье дешевых ловчил. Но изредка он позволял себе излить скопившуюся на душе горечь другу Мише Мельникову.

– Эти водочные дельцы – как комары, всюду вьются, а к задержанию не даются. Но когда и задержим, так меры принимаются символические. Они же наглеют безнаказанно, потому что штраф в сотню рублей им что слону дробинка, за одну ночь наверстают. Но и этот штраф судьи назначают редко. Помнишь, рассказывал тебе про бомбежника матерого Яликова Дениса? Кличка у него пикантная – Денька Уксус. Было дело, всучил алкашу на опохмелку вместо водки бутылку уксуса, двадцать рублей содрал. Так вот, в феврале мы его взяли с поличным. Полмесяца выслеживали. Нашли и того кли-

ента, что укуса хлебнул за двадцатку. Передали дело в суд. Один потерпевший, который за укус осердился, подтвердил спекуляцию и обман, остальные двое от собственных первоначальных показаний отреклись на суде, наши фотоснимки судья посчитал нечеткими и недоказательными. В результате за одноразовую попытку обмана – десятка штрафа. Деня Укус хохотал над обэхээсниками...

– А если подтверждается свидетелями систематическая спекуляция?

– Хрен редьки не слаще. Есть такой Садриддинов, водитель райпищеторговского «газика», так мы, наученные опытом, вменили ему в вину шесть эпизодов. Тот же, между прочим, судья разбирал дело. И виноватыми у него получились мы, обэхээсники: знали-де, а не пресекли своевременно, тем самым способствовали спекуляции. А сколько времени и сил тратим, гоняясь за их «Волгами» и «Жигулями»! Честное слово, лучше раскапывать хищения в особо крупных размерах, с ними тоже много мороки, зато возвращаем в казну нахапанное и сам хапун несет заслуженное наказание, что для нестойких наших сограждан тоже профилактика.

– Однако ловить водочных барыг надо, от них много уголовщины заводится. В прошлом месяце четыре ночные драки, одно тяжкое телесное повреждение, не считая легких, два грабежа.

– А если ближе к делу? – Калитин снял очки, протер их носовым платком, близоруко моргая карими глазами.

– А дело такое. – Мельников вкратце пересказал ему историю незадачливого механика Ничкова.

– Ничего, полезно для перевоспитания пьяниц, – невесело улыбнулся Калитин. – Будет знать, что глупость – дорогое удовольствие... Бомбежник кто: таксист, частник? Номер машины ограбленный не запомнил? Конечно, ему не до этого было.

– Водку покупал один из грабителей. Ничков бомбежника и не видел. У потерпевшего отобрали деньги, часы, шапку. Не исключено, что отнятое продали бомбежнику за водку же.

– Личность грабителей установлена, разумеется?

– Слушай дальше. В регистрационном журнале значится, что вместе с Ничковым очухивались в богоугодном нашем заведении рабочий холодильника Макс Ленцов и временно не работающий Анатолий Зуйков.

– Тогда все просто.

– Да не сказал бы. Ленцов с холодильника уволен за прогулы, по месту прописки не проживает, хозяйка квартиры намерена выписать его как неплательщика. Зуйков живет в селе Шайтанке, запрос о нем направили в Пригородный районный отдел.

– Миша, что-то я не улавливаю, какую роль в этом детективном сюжетике ты отводишь ОБХСС. Если ты забыл, то напоминаю, что служба наша называется «отдел борьбы с хищениями социалистической собственности». Искать без ве-

сти пропавшего Макса Ленцова не по нашей части.

– Его и искать не надо, вчера опять доставлен в вырезатель. Дежурный утром позвонил мне, я Ленцова допросил. Он активно пропивал отнятые у Ничкова деньги и что-то очень прытко их растранижил. Шапку и часы отдал за две бутылки тому же бомбежнику, у которого отоваривался всегда. Макс говорит, что это честный бомбежник, воду или уксус клиенту не всучит. Номер и марку его машины Макс, естественно, не помнит, самого бомбежника знает только по кличке – Носарь, так его зовут клиенты из «пятой бригады»¹. Вопрос: что известно твоей службе о бомбежнике по кличке Носарь?

– В наших святцах таковой не фигурирует. Что, у него фамилия звучит похоже? Или длинный нос?

– Макс с похмелья обмолвился, что нос у того честного барыги на семерых рос. На повторном допросе заявил: я, дескать, нос ему не мерил, мне лишь бы градусы были.

– Макса опять выпустили на все четыре стороны?

– На сей раз есть основания задержать его как подозреваемого в грабеже.

– Очень хорошо! Зло в лице грабителя Макса будет наказано, добродетель в лице пьяницы Ничкова восторжествует. Осталось пожалеть, что никто не запомнил номер машины,

¹ На предприятиях с непрерывным производственным циклом (металлургия, шахты) имеются четыре сменные бригады. Тунейцев в народе презрительно именуют «пятой бригадой».

где водка лежит.

– Макс говорит, что может показать машину Носаря. Вот тут, Костик, и начинается твоя роль в этом, как ты говоришь, детективчике. У меня есть Макс, у тебя транспорт – «Коломба»...

– Все понятно! «Суум квикве» – как говорили в Древнем Риме, то есть каждому свое: мне бомбежник, тебе скупщик шапки и часов, добытых преступным путем. Но нас двое, а тут надо скинуться на троих, – зови сюда Сашу Хромова.

– Почему именно Хромова?

– А как думаешь, кому из следователей подкинет начальство твоих алкоголиков?

– Кому? Да, пожалуй, Хромову.

– Вот и зови его. Сработаем изящно, на опережение.

Через минуту в кабинет явился следователь Хромов, невысокий крепыш в несколько мешковатом сером костюме.

– Садись, Саша, в ногах правды нет, – обратился к нему Калитин. – Садись и вникай в очередное дело. Пока начальство на совещании.

– Ребята, я и так загружен – во!

– Но еще не перегружен, как все остальные. Ничего, вон ты какой румяный, сразу видно, что рос на парном молоке и деревенском чистом кислороде.

– Молоко на село с гормолзавода возят. А кислород пока свой, не привозной, это верно. С навозным запахом. Если хочешь им дышать, переводись в Пригородный РОВД на мое

место, оно еще вакантное.

– Ага, сам оттуда удрал, других агитируешь.

– Я бы ни за что не удрал сам, но раз закончил юридический, велят расти...

– Ну и правильно! Садись и расти. Кстати, Саша, ты, бывший шайтанский участковый, знал такого Зуйкова Анатолия?

– Зуйков? Толик? Его вся Шайтанка знает.

– И что он за фрукт?

– Не фрукт, а трава, навроде лебеды. Нет, лебеду в военные годы в хлеб примешивали, а Толик вроде осота. Работать ему здоровье не позволяет, пьянствовать здоров.

– Такой диагноз врачи поставили?

– Можно сказать и так, поскольку его мамаша – врач-ветеринар. Толик туповат, но физически здоровее нас с вами, а мама чуть чего – базлает на всю Шайтанку: сыночек хворает, не смейте его в поле наряжать!

– Сыночек, между прочим, участник грабежа.

– Кто, Толик? Да у него и на грабеж трудолюбия не хватит.

– Наставник был хороший у него. В общем, я думаю, надо возбуждать уголовное дело.

Мельников второй раз изложил историю с Ничковым. Хромов совсем по-крестьянски почесал в затылке.

– Сколько раз говорил я нашей ветеринарке: пристраивай обормота к какому-нибудь делу, иначе суд рано или поздно пристроит. Дослонялся Толик... Но с каких это пор, Кали-

тин, ограблением алкаша занимается ОБХСС?

– Ограбили ради выпивки, водку покупали у матерого спекулянта, который снабжается в каком-то винном отделе. Борьба со спекуляцией, со злоупотреблениями в торговле – обязанность ОБХСС. Кроме того, элементарная справедливость требует разобраться в данном преступлении. Ничков не ангел, но деньги, шапка, часы им заработаны, бомж Лендов отнял результат чужого труда. Наконец, если Макса сейчас отпустить с миром, it следующий раз придется уголовному розыску расследовать более крупный грабеж с его, Макса, участием. Понятно объясняю?

– Так что, Саша, будем возбуждать уголовное дело? – спросил Мельников.

– Так что, Миша, ты пойдешь к потерпевшему за письменным заявлением? – засмеялся Хромов.

– Наше поручение принято, товарищ следователь, – кивнул Мельников. – Любопытно получается: подозреваемый есть, а потерпевшего ищи-свищи.

3

Теплый мартовский вечер. Суббота. В кинотеатре «Россия» крутят вторую неделю американский боевик, с огромной афиши мордастым гангстер целится из кольта прямо в заинтригованного зрителя, на втором плане завлекательно улыбается красотка и купальничке, под ними кричат багровые буквы: «Схватки! Убийства!! Секс!!!» Внизу мелко: «Дети до 16 не допускаются». Упомянутые дети и молодежь заполняют маленькую площадь-пятачок между ступенями в фойе и автостоянкой.

Возле афиши скушает с сигаретой в зубах Макс Ленцов. Перед «выпуском в свет» его умыли, побрили. Но бомжеская помятость все равно бросается в глаза, болоньевую куртку словно коза жевала да и выплюнула за несъедобностью, из-под облезлой кроличьей шапки сосульками виснут сальные волосы. В соседстве с заморским гангстером отечественный Макс проигрывает по всем пунктам.

Возле металлической ограды, отделяющей автостоянку от пятачка ожидания, прохаживается Мельников в штатском костюме и куртке. Смотрит лениво на автомашины, их тут с десяток разного цвета и типа, на молодежную толпу любителей острых фильмов. На Макса не глядит, но преотлично его видит. Мельникову и такой Макс хорош, лишь бы скользкий бомж не сдрейфил, не словчил, указал бы бомбежника

по кличке Носарь. Сам вызвался помочь, но вот стоит, курит, условного знака не подает. Ладно, подождет Мельников, оперативник должен уметь ждать.

Сегодня у «России» на стоянке одна «Волга», три «Москвича», четыре «Жигуля». Кого привезли, кого ждут? Под чьим сиденьем или в каком багажнике таится дефицитная водка? Вчера вот так же слонялись здесь весь вечер, но Макс не углядел знакомой ему серой машины. В сумерках поехали к вокзалу, где, по его словам, тоже бомбит Носарь. Задержали там двоих предприимчивых «гостей города»: привезли с юга фрукты, распродали выгодно, показалось вырученных денег маловато, сунули взятку – кому? – закупили водки, пристроили в автоматической камере хранения, брали по бутылке, продавали за двадцатку. При задержании с личным было изъято из камеры хранения четырнадцать бутылок. Сколько продано, какие деньги у южан «фруктовые», какие «водочные», в том Кали-тину предстоит разобраться.

А Носарь не появился. Или Макс не пожелал его указать? И сегодня стоит, глядит, затягивается дымком... Между прочим, курит сигареты Мельникова. Сам Мельников некурящий, но пачку всегда имеет в кармане: что поделаешь, у разных таких вот максов давняя традиция – стрелять сигаретку у оперативника, а не дашь – и разговаривать не пожелают.

Солнце опускалось за крыши пятиэтажек. Неподалеку от афиши рослый парень в джинсовой амуниции, ловя вечерний свет, в который уж раз фотографировал «Зенитом» трех

смеющихся подружек, они принимали картинные позы на фоне «Волг» и «Жигулей», и очень им это нравилось. Если бы сейчас подъехал Носарь, то Макс подошел бы к его машине, купил бутылку. Между прочим, на личные Мельникова двадцать рублей. Пока еще «Зенит» может запечатлеть и номер машины, и лицо водителя, но через полчаса вряд ли что получится.

В «России» кончился сеанс. На площадке перед входом толпа загустела, забурлила. Мельников протолкался к афише: за Ленцовым глаз да глаз.

– Начальник, сигареты кончились, – сообщил ему Макс. – Давай еще пачку.

– Много курить вредно, об этом и Минздрав предупреждает.

– Раз вредно, ну и айда обратно в камеру. Без курева тут вам сексотничать дураков нет.

– Не торопись в камеру, еще насидишься. Дыши свежим воздухом без никотина, покуда есть такая возможность. Что, так и не видно твоего снабженца?

– Может, он и не приедет. Я чо, нанимался тут мерзнуть?

– Содействие следствию зачтется...

– Да брось, начальник. Вторая судимость мне зачтется, это точно.

– Так и старайся занять смягчающие обстоятельства. Хватит ворчать, гляди в оба. Вон серый «Жигуль», не он?

– Не-е.

Толпа рассосалась, разбрелась, кто по домам, кто в фойе на сеанс. Мельников перешел на другую сторону улицы. Ему не улыбалось ехать сегодня еще и к вокзалу, терять впустую второй вечер подряд, отрывать сотрудников от законного отдыха. Что-то Макс темнит. Уверял, что Носарь у «России» каждый вечер бомбит, у вокзала каждую ночь, а где он? Или кто-то предупредил Носаря? Обэхээсники считают, что существует утечка информации из райотдела, кто-то из своих проговаривается то ли нечаянно, то ли с целью. Или Носарь просто заметил слежку?.. Ого!

К Максy подошли две молодые женщины. Одна без головного убора, высоко вздыбленные волосы окрашены в сизо-седой цвет, короткое пальто широко в плечах, узко в коленках, хлястик на заду. Вторая в дубленке с расшитым подолом, в красной вязаной шапочке, в сапожках на высоком. Макс перед ними, что воробей перед попугаями. Кто такие? Что общего? О чем говорят? Что он им такое сказал, что заглядывались? Посредницы в водочном бизнесе? Ага, уже уходят. Ну-ка, к какой машине направляются? Ни к какой, на перекрестке свернули по Мичуринской. Понаблюдать бы, оставив Макса под надзором оперативника...

А где Макс? Нет у афиши, как растаял! Оперативник с «Зенитом» тоже оставил удивленных подружек, рыщет среди поредевших группок кинозрителей. Мельников перебежал улицу Дзержинского, завернул за угол «России», за лестницу к кинобудке... и отлегло: навстречу ему шел элеган-

ный Костя Кали-тин под руку с еще более помятым Максом.

– Эх, Макс! Тебе нужны смягчающие обстоятельства для суда, а ты набираешь отягчающих.

Молчит, сопит, в глаза не смотрит.

– Что за девицы к тебе подходили?

– Я чо, всех телок должен знать?

– Что они тебе сказали?

– Чо? Ну, дай сигарету, да кого жду.

– А ты им?

– А я чо? Они вон какие, а у меня в кармане всего два червонца, и те не мои.

– Свои-то, не ворованные, у тебя когда были в последний раз?

Калитин похлопал Макса по плечу:

– К всеобщему сожалению, наш подопечный не оправдал высокого доверия. Пора ему домой, в камеру, здесь его неизвестные красавицы подбивают на побег.

Во дворе квартала ожидал их старенький бежевый «Москвич-412», или «Коломбина», собственность капитана Калитина. На «Коломбине» хозяин ездил чаще по служебным надобностям, чем по личным. Рослый паренек с «Зенитом» проводил машину взглядом и побежал к трамвайной остановке.

В райотделе приунывшего Ленцова водворили в ИВС (изолятор временного содержания). И, несмотря на поздний час, долго еще сидели в кабинете Мельникова. Беседовали,

советовались. От Ленцова, ясно, толку не будет, его готовность помочь объясняется желанием удрать. Толик Зуйков с превеликими заминками, с долгим обдумыванием каждого вопроса кое-как набормотал Мельникову свои показания: видел, как Макс покупал водку у бомбежника в машине серого цвета, номер не запомнил, самого спекулянта не видел, пьянствовал на отнятые у Ничкова деньги, кому Макс загнал шапку и часы, не интересовался. Вот и все.

У Калитина и его сотрудников давно имелось подозрение, что в городе кроме мелких водочных спекулянтов-бомбежников орудует кто-то очень осторожный, законспирированный, имеющий связи в торговле. Но только подозрение, ничего конкретного.

Зазвонил телефон. Мельников взял трубку:

– Зина, извини, мы тут с Костей засиделись. Нет, нет, ничего особенного, сейчас еду домой, разогревай ужин.

Калитин поднялся:

– В самом деле, пора, мой друг, пора, покоя сердце просит. Твоя Зинаида вообразила уже, что мы ведем бой с мафией. Женщин беречь надо, пойдем подброшу тебя к супруге на моей «Коломбине».

– Тебе же не по пути. И так ты, Костя, будто не от мира сего: большинство начотделов используют служебный транспорт в личных целях, а ты – наоборот.

– На милицейском служебном далеко не уедешь, так что...

4

Кавказский человек – порох с перцем. Кавказский человек горяч, темперамент взрывной. Но сидевший перед Мельниковым азербайджанец вел себя сдержанно, хотя по тому, как вздрагивали губы под черной щеточкой усов, как комкали шапку большие руки, угадывалось, что выдержка даётся ему нелегко. Демисезонное пальто, застегнутое на все пуговицы, сидело на его плотной фигуре словно форменная шинель военнослужащего. Такая выдержанность и выправка остались у Асхата Мамедова, видимо, еще от армии, закрепились милицейской службой: работал Асхат участковым в большом горном селении. Да не повезло младшему лейтенанту милиции Асхату Мамедову: судили, посадили, потом увезли от родных гор в чужой город «на химию», то есть на стройку народного хозяйства – взамен отсидки искупать вину трудом.

А вины его не было. Не было! И поэтому, когда кончился срок «химии», домой не вернулся, остался на Урале, где тоже горы, где рабочие руки нарасхват. Поступил на металлургический завод электросварщиком, заработок приличный, а главное, честный заработок, не надо ловчить, взятки совать, должность по знакомству выпрашивать. Асхат и «сел» как раз из-за того, что словчил. Как словчил? А вот как, не своей волей.

Из армии в запас ушел в звании старшего сержанта. Хотел работать механизатором в своем селе. Но в районном центре служил в милиции родственник со стороны матери, он сказал: «Слушай, что хочешь в совхозе делать? Зачем тебе селянки-веялки, иди работать участковым, я помогу устроиться». Наверно, хотел родич иметь в том селе своего человека. Вся родня говорила: «Правильно, иди служить в милицию, форму дадут, пистолет дадут, первым человеком на селе будешь!» Сначала все хорошо сложилось. Но чем дольше служил Асхат участковым, тем меньше нравился он тому родственнику со стороны матери. Асхат старается – тот сердится: почему Алекпера оштрафовал, он хороший человек, почему директор совхоза на тебя обижается, надо старших уважать. Хотел Мамедов из милиции уволиться, раз такое дело. Не успел...

Случилась кража со взломом в поселковом магазине. Взяли два ящика коньяка, две куртки, еще разную хурду-бурду, всего рублей на триста. Наверно, чужие «гастролеры» мимоходом напакостили, свои селяне такими делами не занимаются, в поселке дома без замков: хозяин ушел – дверь палочкой припер. И все знают, что его дома нету, никто не зайдет.

Кража обнаружилась – участковый Мамедов первый прибежал. Все делал как надо: осмотр места происшествия, протокол, ревизия, подсчет ущерба, показания завмага. И рапорт в райотдел. Рапорт начальству не понравился. Родственник приехал, ругал: «Кто украл, ты знаешь? Воры на

твоём участке завелись? Цх, плохо профилактикой занимаешься!» Асхат говорил: «На моем участке воров нет, проезжие это были». Родственник-начальник головой качал: «Проезжих как искать будешь? Хурду-бурду украли на триста рублей – слушай, какие деньги?! Тьфу! Хороший завмай за неделю погасит триста рублей. Мы боремся за снижение преступности, за раскрываемость хвалят нас в приказе министра республики, а ты хочешь дохлое дело на родной райотдел повесить, да? Зачем такое придумал?! Порви свои бумажки, Асхат, сынок, не нужно протокол. Не было кражи, понимаешь?»

Начальник говорит, родственник советует – что будешь делать? Сжег участковый Мамедов протокол о краже, сжег акты ревизии. Хорошо. Месяц прошел, два месяца, три месяца. В другом районе взяли преступную группу, много воровства, грабежей вскрылось, из Баку следователь приехал. Дознался про кражу на участке Асхата. Запросили их райотдел, начальник ответил: не было у нас кражи. Прокурор приехал, Асхата спросил: была кража? Не смог Асхат солгать прокурору. Начальник райотдела кричал: «Почему ты, Мамедов, скрыл преступление, почему покрывал воров, вводил в заблуждение начальника? Ты с ворами заодно? Или карьеру себе делал? Может, сам пил краденый коньяк?» Асхат слушал, терпел. Потом брал со стола чернильницу, в начальника бросал. Начальник остался на своей должности, Асхата за сокрытие преступления выгнали из милиции, за хулиган-

ские действия против должностного лица осудили на два года «химии», спровадили отбывать подальше, на Урал, в город Шиханск. Срок кончился, Асхат вольный человек, домой ехать не хочет, там родич предал, а Урал всех принимает. Жалко вот, что не только работающих, много здесь всякой погани, нормально жить мешают людям...

Вчера, седьмого апреля, Асхат не пил ни грамма, честно! Он вообще на это дело не падкий. Ну, в праздник немножко, если в хорошей компании. Вчера он у кинотеатра «Россия» ждал Ольгу. Кто такая? Ну, женщина. Она тут ни при чем. Хорошая женщина. Асхат одинокий, Ольга тоже, Асхат живет в общежитии, Ольга тоже. Асхат азербайджанец, Ольга русская – слушай, почему нельзя?

– Понимаешь, старший лейтенант, противно говорить про это, мужчина не должен жаловаться, должен сам отомстить, так у нас старики учат. Но я же в милиции служил, всем говорил: нельзя самосудом мстить, пусть закон разбирается. Других так учил, разве могу сам нарушать, подонков бить?!

– Понимаю, Асхат. Давай рассказывай дальше.

Накануне они с Ольгой договорились встретиться около «России», вечером, в половине седьмого, пойти посмотреть американских бандитов. Почему Ольга, хорошая женщина, любит смотреть чужие драки? Асхату интереснее кино, где наша милиция ловит наших подонков... Но если женщина хочет про гангстеров, пусть будет так. Асхат пришел – Ольги нет. Купил билеты – нет ее. Скоро начало – нету. Тут эти две

шалавы подошли. Не то что знакомые, а у «России» постоянно ошиваются. Как звать, Асхат не знает, зачем ему. Раньше... Ну, если честно, имел с ними год назад... Нет, не то, что думает старший лейтенант Мельников, совсем не то. Тогда еще «химию» отбивал. И пришло письмо из дому. Писали, что родственник тот, Асхата предавший, выслужился, в начальники выбился, хочет со временем в Баку переехать. Обидно стало Асхату: почему плохие люди преуспевают, хорошие от них терпят?! И тогда он тоже хотел в кино пойти, наш фильм в «России» крутили про милицию. И вот так же эти двое подошли... Говорят: водки хочешь? Вообще-то он про водку и не думал, но такой день выдался: и письмо из дому, и полочки меньше, чем ожидал, из-за этого с мастером поругался... Купил у них бутылку за двадцать рублей. Выпил половину, еще горше стало. Водка не лекарство от обид...

Но то было год назад. А вчера эти девицы опять тут: «Эй, иностранец, водяры надо?» У Асхата и без них нервы натянуты: Ольги не видно, сеанс вот-вот начнется... И почему «иностранец»? Асхат советский человек, рабочий человек! Сказал им: «Уходите отсюда, а то позвоню куда следует, посадят за спекуляцию». Но они же нахалюги! Говорят: «У тебя, чурка, давно морда не битая...» – и матом.

– Слушай, старлей, почему русские женщины себя не уважают, плохие слова говорят? У нас на Кавказе за это муж или отец нагайкой бил бы и правильно бы делал.

– Сам же ты земляков убеждал, что самосуд нельзя применять. Рассказывай дальше.

Дальше получилось так. Асхат не мог больше ждать. Из фойе уже слышался звонок. Ольга хорошая женщина, но ему все же вообразилось пакостное... Он побежал звонить из телефонной будки в женское общежитие. Дежурная ответила, что у них тут сотня разных Ольг, за всеми бегать к телефону звать лакеев нету. И трубку бросила. Асхат совсем расстроился, билеты порвал, пошел на стоянку такси ловить, в женское общежитие ехать.

Когда очень надо, такси не найти. Но вдруг «Жигуль» подрулил, водитель Асхату рукой махнул: подойди, мол.

– Чего тебе? – спросил Асхат.

– Привет.

– Ну, привет. Дальше что?

– Садись, дело есть.

– Какое дело?

– Поговорить надо. Садись, не бойся.

– Я не боюсь. На Пихтовую улицу подбросишь? Тут недалеко.

– Можно и на Пихтовую.

Водителя этого Асхат никогда не видел. Лет под тридцать на вид, крепкий, спортивный такой, и лицо крепкое, без особых примет, как говорится в протоколах. Разве что нос как будто длинноват.

– Нос длинный? А кличку не слышал? «Жигуль» какого

цвета? Номер не помнишь? – закидал вопросами Мельников.

– Цвет серый. Номер – сперва ни к чему было, потом не до того было. Одет в куртку коричневую, перчатки кожаные... Ты, старлей, его знаешь?

– Нет, но хотел бы познакомиться. Продолжай, Асхат.

От «России» выехали на улицу Дзержинского, свернули на Ударную.

– Зачем сюда поехал, направо надо, – сказал Асхат.

– Там «кирпич», проезд закрыт.

Водитель лихой: на оживленной улице скорость держит за восемьдесят.

– Чего сказать хотел, говори.

– Успеется.

– Слушай, куда едем? Вон там Пихтовая, направо надо.

– Успеется. Не дергайся!

Стало ясно: лихач что-то задумал. Но Асхат не испугался. Еще с армии знал кое-какие приемы, реакция неплохая, чего бояться? И какие могут быть недоразумения у миролюбивого Асхата с мужиком, которого в первый раз видит? Если у него просто так кулаки чешутся, то и у Асхата настроение подходящее. Или... или как раз из-за этого носатика и не пришла Ольга к «России»? Ладно, поглядим, что дальше будет. Больше Асхат ничего спрашивать не станет.

Миновали последние пятиэтажки довоенной постройки, девятиэтажные новейшие коробки, блоки гаражей. Кончи-

лась улица, впереди тракт меж березовых стволов. Почти стемнело, водитель включил фары.

– Ты можешь сказать, куда едем, зачем едем? – не утерпел Асхат.

Водитель покосился на него с ухмылкой. Круто вывернул руль влево, свет фар скользнул по голому придорожному подросту, запрыгал, закачался по ухабистой лесной колее. Минуты три машину валяло с боку на бок, пока не выбрались на лесную поляну. Скрипнули тормоза.

– Приехали, – сказал водитель. – Что, струхнул, сексот? Выходи.

Асхат был уверен, что, если предстоит драка – а иначе зачем было сюда мчаться, – он справится с этим типом, хоть тот и спортивный, коренастый. Только объяснил бы для начала, с какого угару драться.

– Так ты куда звонил?

– Куда надо, туда и звонил. Твое какое дело?

– Мое дело. В легавку ты звонил, сука. На кого ментам капал? Колись, гад, покуда с тобой еще говорю, а то отсюда не уйдешь, понял?

– Не уйду, так уеду, на твоём «Жигуле» тебя в больницу доставлю.

– Но-о? Рисковый ты фраер. Гляди не ошибись, тут не скоро тебя найдут.

Асхат хотел ответить, что, мол, если драться, так начинай. Но от тракта послышался звук двигателя, приблизился,

свет фар полоснул по веткам кустов, и на поляну, скрипя и фыркая, выполз «Москвич», тормознул метрах в шести. Фары погасли. Вылезли двое. Молча медленно пошли к Асхату. Возле «Москвича» смутно маячили еще две фигуры, вроде женские. Ага, вот в чем причина! Ольга ни при чем! Несмотря на угрожающую обстановку, стало на сердце веселее: Ольга ни при чем!

– Слушай, погоди, давай разберемся, – поднял Асхат ладони, пятясь.

– Эй, вы, стопори, – сказал водитель. Один остановился, но второй, мелкий, плюгавый, как подросток, подскочил и ударил в лицо. Асхат отпрянул, в спину уперлись ветки кустарника. Когда против тебя трое, надо успеть ударить... Плюгавый отлетел в сторону...

Свалили, пинали, матерясь и грозя убить. Водитель «Жигуля» наблюдал. Только когда Асхат изловчился подняться и двинуть в скулу плюгавого, так что тот взвизгнул по-собачьи, водитель дал подножку, и те двое еще азартнее принялись месить лежачего.

– Все, кончайте.

Облило жутью: меня кончать?!

– Хватит, сказано вам!

Еще пинок, матерок – и шаги прочь. Голос водителя:

– Ну, ты понял? Еще сексотничать будешь, пришьем, суку! Полежи, подумай.

Включились фары, завелись двигатели, рванулся с места

«Жигуль», закрипел следом «Москвич». Дверца его приоткрылась, женский голос выкрикнул глумливо:

– Иностранец, ты зас...

Уехали. В тот вечер Асхат был одет в теплую куртку, в шерстяной свитер, думал после кино постоять у дверей женского общежития. В таких случаях он набрасывал куртку на плечи Ольге, ей это очень, кажется, нравилось. Через толстую одежду удары не причинили переломов, сильных ушибов, синяками отделался Асхат да разбитым носом. Утерся снегом, похромал на тракт. Запоздалый мотоциклист довез его до города. В вестибюле общежития рядом с бабкой-вахтершей сидела Ольга, его ждала, тревожилась. Оказывается, не вышла на работу ее сменщица в цехе, оттого и к «России» не пришла Ольга. Все просто. А последствия сложные.

Вахтерша в порядке исключения позволила Ольге пройти в комнату, и от ее забот, от ее рук, гладивших синяки медным пятакон, стало легче. Даже решил было Асхат послушаться Ольги, не заявлять, не связываться в подонками. Но...

– Слушай, я не свяжусь, ты не свяжешься, все не станут связываться – что будет? Страшно жить будет! Тогда и в лес не повезут, при людях буду убивать, грабить, мучить! Найди их, пожалуйста, старший лейтенант! Серые «Жигули», модель шестерка. Номер смотреть не догадался, ишак я глупый, на силу свою надеялся, не думал, что их четверо будет. Почему говорю – четверо? В «Москвичонке» с девками вроде

еще кто-то сидел. Нет, не видел. Но кто-то «Москвичка» вел! Двое, которые били, от них сильно водкой пахло, девки вряд ли права имеют. Которые били, тех узнать могу, девок тоже. И водителя, у которого нос... Старлей, давай поедем вечером к «России», девки там часто вертятся, там настоящая мафия водкой торгует, почему милиция их не пресекает? С рабочего человека дерут три кожи... нет, шкуры, да?

Когда Мамедов ушел, Мельников еще раз перечитал показания. Поморщился, повздыхал. И за телефон:

– Костя, привет. Ты как распланировал вечер?

– Иными словами, нужна моя «Коломбина».

– И ты, и «Коломбина». Извини, но...

– Извиняю. Мы в твоём распоряжении. Дружба ОБХСС с угрозой нерушима.

Подержанный «Москвич-412» капитан Калитин приобрел через комиссионный отдел автомагазина два года назад, когда внутренний рынок страны был если не насыщен, то хотя бы до некоторой степени удовлетворен новыми машинами, и с Калитина запросили по-божески. Но за эти два года денег на запчасти и ремонт ухлопано не меньше, пожалуй, чем уплачено за машину. Начальник отдела БХСС Кировского РОВД города Шиханска капитан Калитин в свои «чуть за тридцать» не удосужился обзавестись семьей, жил один в однокомнатной квартире, и если прежде оставалось у него от службы немного свободного времени для чтения, телеviso-

ра, кино, то с покупкой «Москвича», ласково окрещенного «Коломбиной», весь досуг занимала возня в гараже или поездки опять-таки по служебным целям. «Коломбина», будто чувствуя доброе к себе отношение, ломалась не чаще служебного, тоже не молоденького «газика». Впрочем, иногда капризничала, показывала свой машинный норов. Она довольно исправно возила оперативников ОБХСС и угрозыска. Но как-то раз инструктор политотдела, временно прикомандированный к Кировскому РОВД, старший лейтенант Репеев, торопясь на семинар, попросил Калитина подвезти его к Дому политпросвещения. Безотказный Калитин тотчас согласился, но «Коломбина» подвела: двигатель заглох в весьма неподходящем месте, посреди лужи, и исполнительный Репеев вынужден был под дождем поспешать рысцой, но все равно опоздал на семинар, чем вызвал неудовольствие вышестоящих. Больше он не просился в пассажиры.

– Мы сломались? – спросил Мельников, когда «Коломбина» замедлила ход и причалила к обочине.

– Мы в исправности, – успокоил Калитин. – Но хороший бомбежник знает «Коломбину» в лицо. Поэтому советую вам с Мамедовым дальше идти пешком.

– А ты?

– У коммерсантов теневой экономики я тоже знаменит. Посижу тут, газетку читаю. Жду вас с искомыми дамами.

Пока было достаточно светло, чтобы через очки разбирать газетный текст, Калитин успел дочитать «Литературную Рос-

сию», подремать. В десятом часу его разбудили Мельников и Мамедов. Вернулись они без дам, серого «Жигуля» не видели. Вообще у кинотеатра тишь да гладь, не считая обычной для Шиханска пьяноватой расхлябанности и матерщины, что давно перестало считаться правонарушением.

– Поехали, Костя, по домам. Завтра...

– Завтра я дежурю. Придется вам на свидание с хулиганками ехать трамваем.

– Не нужно, слушай, – покачал головой Мамедов. – Не хочу тебя, старлей, каждый вечер от жены уводить. Я один их найду, тебе позвоню, скажу: помоги, пожалуйста! Меня за что били? За телефонный разговор. Так чтоб не напрасно кровь из носа проливал.

Возле мужского общежития высадили Мамедова. Мельников сказал:

– Били Асхата, а уголовному розыску по самолюбию пнули. Обнаглела бомбежная мафийка.

Дмитрий Максимович Жуков с некоторых пор перестал понимать, что творится вокруг и почему все это творится, казалось бы, вопреки всякой логике, здравому смыслу. Вопреки гуманистическому курсу нашего государства, наконец. Ему никогда не приходило в голову, что человек может иметь не только право на труд, но и право на тунеядство.

Жизнь текла по восходящей: после койки в общежитии – комната в квартире на трех хозяев, в цехе повышение разряда, вступление в партию, далее вузовский диплом, бригадирство на участке. Подошла очередь на трехкомнатную квартиру, пригласили на работу в заводоуправление, затем повысили до заведования отделом. Жизнь текла логично, жизнь была понятна. Труд каждого вливался в богатство страны.

К своим способностям Дмитрий Максимович всегда относился самокритично, не преувеличивая. Но и не преуменьшая. Работая слесарем, был уверен, что сможет и большее исполнять, оттого и рвался к вузовским знаниям, не жалея на это свободного времени. Учеба и общественные нагрузки вводили от семейных дел. Предполагалось – временно, пока не закончит институт. Училась в вузе и жена Екатерина Матвеевна. Никому никакого ущерба от этого не предвиделось, потому что хозяйством и воспитанием дочери Светланы занималась бабушка Аксинья Тимофеевна, старушка еще

бодрая и энергичная.

Дойдя до руководства отделом, Дмитрий Максимович определил для себя, что это потолок, на более высокой должности он не потянет. Оказалось, что и в этом ранге возможны лестные и престижные перемены: Жукову предложили контракт на два года в одну из стран народной демократии. Интересно, ново, выгодно, наконец. Жена к тому времени закончила свой вуз, работала в заводской лаборатории. Ничто не мешало отъезду супругов, тем более что Аксинья Тимофеевна все равно занималась всеми делами семьи.

Контракт был подписан, но незадолго до отъезда дочка Света, только что окончившая десятилетку, внезапно объявила, что выходит замуж.

– Господи милостивый! – всплеснула руками бабушка. – Да какая из тебя жена! Рано тебе...

– А когда не рано будет? Когда начнутся твои немощи да хворобы? – Внучка с бабушкой не церемонилась.

Екатерина Матвеевна, опомнившись от неожиданной вести, спросила:

– Кто же он, твой избранник?

– Валерка, ты его как-то видела, такие вот волосы, вьются красиво, еще крест вот такой на золотой цепочке.

– Кроме креста что у него есть? Профессия, образование?

– На заводе работает, забыла кем, спрошу сегодня же. Зарабатывает? Нормально. Джинсы, куртка – все фирма! Ну мама, ну ты его видела, красивый такой! Завтра он к нам

придет, ладно?

Красоты в Валерке родители не усмотрели, ума тоже не заметили. На семейном совете под всхлипы бабушки все же произнесены были расхожие слова: «Им жить-то».

Юная семья поселилась у Жуковых. Старшие приняли зятя с интеллигентной терпимостью, старались не вмешиваться в дела молодых. Очень скоро Света забеременела, все озаботились, чтобы ее не волновать, исполнять желания. Впрочем, муж Валерка время от времени убегал в компании-ки один, возвращался поздно и навеселе. Света взрывалась скандалом, родителям приходилось до утра слушать брань из комнаты молодых, причем дочка выкрикивала такие выражения, что Екатерина Матвеевна в ужасе закрывалась одеялом с головой, а Дмитрий Максимович еле сдерживался, чтобы не нарушить политику невмешательства. Утром обычно проходили собеседования: матери с дочерью, отца с зятем. На некоторое время восстанавливался мир, как солнечная погода после вихря с градом.

Родился у Жуковых внук. Бури утихли, воцарилась в семье умирительная благодать. Тут как раз и подоспело предложение о заграникомандировке на два года. Зять Валерка взирал на тестя с почтением, просил привезти японский видеомагнитофон. Светлана млела от перспективы поехать с родителями «за бугор». Бабушка растерянно всплескивала руками.

Уехали. Туда и оттуда шли хорошие письма. Оттуда –

просьбы вести себя хорошо. Туда – просьбы не забыть японский «видик», дубленку, кассеты, сапожки.

Вдруг – телеграмма о тяжелой болезни бабушки. Жуковы срочно прилетели в Шиханск. Аксиною Тимофеевку в живых не застали. Молодую семью нашли в стадии полураспада. На девятый день после бабушкиной смерти, на поминках, зять Валерка сильно перепил. Светлана тоже была на взводе, учинился такой ночной скандалище, перешедший в драку, что Дмитрий Максимович запоздало уразумел: терпимость не самое лучшее средство против пьянства и глупости. Взбешенный, без стука распахнул он дверь в комнату молодых. Валерка бил наотмашь дико визжащую супругу. Дмитрий Максимович схватил зятя за руку, тот ударил и его, Светка с бранью вцепилась мужу в длинные полосы... В дверях плакала и причитала Екатерина Матвеевна. Зятя изгнали общими усилиями. Распад семьи состоялся.

С тяжелым сердцем уехали Жуковы снова за рубеж: начальство дало понять Дмитрию Максимовичу, что расторгать контракт было бы нежелательно. Екатерина Матвеевна, не связанная контрактом, одна оформила отъезд на родину. За те недели, что ее не было дома, Света успела бросить работу в заводской лаборатории, завести охламона-любовника и еще с полдюжины «друзей». Пришлось матери в одиночку воевать с этим наглым, нетрезвым, вороватым сбродом, вдобавок и с дочерью. Да еще ходить на работу в лабораторию, в детский комбинат за внуком, в магазинные очереди, очень

обременительные после заграницы, в детскую поликлинику – внук здоровьем слаб и с пеленок нервен. И еще писать мужу благополучные письма, чтобы не расстраивать. Но Екатерина Матвеевна надеялась, как многие слабохарактерные родители, что все само образуется, без помощи со стороны, без крутых мер.

Дочь пропадала где-то по нескольку дней, частенько заявлялась домой пьяная, с очередным «другом» или с компанией «друзей», протест матери вызывал у нее ярость. Обзывала площадно, бросалась с кулаками при ухмылистом нейтралитете «друзей».

Дмитрия Максимовича сдержанные вести из дому не очень-то обнадеживали, и продлить контракт с фирмой он не согласился. Когда же вернулся в Шиханск, Света окончательно сбилась с пути: быстро спиваются женщины, падают еще ниже и грязнее, чем мужчины. По многолетней привычке от отца пытались скрыть истинное положение, мать отделивалась полунамекками, изолгавшаяся дочь воздерживалась от «показательных выступлений». Еще месяца три Дмитрий Максимович, встречаясь с приятелями, вникая в проблемы своего прежнего отдела, все только намеревался поговорить с дочерью, устроить ее на работу, потребовать большего внимания к ребенку. Но Света, освоившись с присутствием в доме отца, перестала осторожничать.

Однажды воскресным вечером она закатила скандал: не стесняясь, выкрикивала грязные слова вперемешку со злоб-

ным визгом. Отец в тот вечер узнал от нее, что именно он виноват в неудачах дочери, потому что позволил рано выйти замуж, потому что плохо воспитал, и вообще – кто же в ответе за несчастья детей, как не родители... и так чуть не до утра.

Возразить было нечего. Совестьливый человек всегда берет на себя и тень вины, не говоря уже о самой вине. Порядочный человек всегда безоружен перед наглостью. Молча слушал Дмитрий Максимович вопли из соседней комнаты, плакала в подушку Екатерина Матвеевна.

Утром Жуков рано ушел на работу. А Света, наевшись впрок родительского харча, исчезла на целую неделю. И пришла, почти приползла, крепко избитая, вся больная, несчастная, повинная, так что не время было ее перевоспитывать – жалеть в пору.

Екатерина Матвеевна упросила мужа: пусть доченька отдохнет, оправится, авось после такой трепки образумится. Смазывала доченькины кровоподтеки, поила травяными отварами, как маленькую гладила по головке, внушала... Через два дня Светлане стало лучше. Но заболел ребенок. Зачатый во хмелю, прокуренный в материнской утробе, рос он слабеньким, подверженным всякой хвори. Из-за этого Екатерина Матвеевна месяца два назад оставила работу, посвятила себя воспитанию внука, и жила теперь семья только на зарплату Дмитрия Максимовича и нерегулярные алименты от бывшего зятя Валерки, которые Екатерина Матвеевна ухит-

рилась перевести на себя.

Температура у мальчика подскочила до тридцати девяти и шести. Вызванный участковый врач не смог без анализов поставить диагноз, но выписал лекарства, посоветовал завтра с утра, если температура снизится, прийти на прием в поликлинику. Екатерина Матвеевна поручила ребенка Свете, сама побежала в аптеку. Вернувшись, увидела внука дремлющим в жару у телевизора. Одного.

– А где мама?

– Пришли два дяди и тетя, мама велела мне смотреть телевизор и ушла с ними. У них было пиво.

Бросить тяжелобольного сына и уйти с мужиками пить!.. Екатерина Матвеевна сама заболела от негодования. Когда с работы вернулся муж, излила ему все накопившееся против дочери, о чем долгое время умалчивала, опасаясь, что Дмитрий Максимович примет какие-нибудь суровые меры. Рассказала, что пьяная Света пыталась ее душить, что требовала денег на модные брюки, как у подружки Наташки, что из домашней библиотеки исчезают книги.

– Что же я, по-твоему, должен делать? – раздраженно спросил Дмитрий Максимович, понимая, однако, что именно он, глава семьи, обязан принимать решение.

– Делай что хочешь! Мы терпим за какую-то нашу вину, а в чем виноват ребенок? Что хочешь, но делай что-нибудь!

Прежде, до заграничного контракта, Дмитрий Максимович председательствовал в заводской антиалкогольной ко-

миссии. По возвращении хотели было сотрудники вновь навесить на него хлопотное председательство, но он отвел свою кандидатуру под разными предложениями, умолчав, конечно, о том, что не считает себя вправе бороться с пьяницами на работе, не совладав с алкоголичкой у себя в семье.

Вот теперь пришла нужда вспомнить прежние связи, порыться в старых записных книжках. Самый подходящий теперь телефон – наркологического стационара, в котором лечат заводских выпивох. Кажется, главврач там тот же, что и три года назад, мужиковатый, неуклюжий, лысый толстяк, всегда хмурый, чем-то недовольный. Дмитрий Максимович позвонил ему, излишне веселым голосом напомнил о былом сотрудничестве. И попросил аудиенции.

Врач слушал хорошо, внимательно, не перебивая. Дмитрий Максимович забыл, как его зовут, и от этого чувствовал себя еще стесненнее. Он заторопился, скомкал конец своей истории, потупился.

– М-да, – вздохнул врач. – Обычная карусель: склонность к пьянству приводит в сомнительные компании, общение с пьющей компанией усугубляет алкогольную запрограммированность. И так по возрастающей... Сколько вашей дочери лет? Двадцать три? Будем надеяться, что еще не поздно. Как она, согласна на стационарное лечение? Или попробуем амбулаторно?

– В том-то и трагедия, доктор, что она и слышать не желает о лечении, сразу крик, скандал: я не алкоголичка, я луч-

ше удавлюсь! Надо в принудительном порядке, иначе не получится.

Большие карие глаза врача выразили разочарование, морщины на лбу поднялись к самой лысине.

– Как же принудительно? У нас не лечебно-трудовой профилакторий, куда направляют по суду. Наши пациенты ходят свободно на работу и домой, если надо. Конечно, кроме тех, кто доставлен в состоянии острого алкогольного отравления или психоза.

– Да если они больны, обращают свободу во вред себе и окружающим, разве не логичнее, не человечнее, наконец, изолировать их на время лечения ради их же пользы?!

– Кто даст такие санкции?

Доктор все говорил правильно. И все было в корне неправильно, потому что не решало вопроса. Дмитрий Максимович провел ладонями по горящим щекам.

Он сел в трамвай, идущий к заводууправлению. За окнами проходила уральская, прокопченная заводскими дымами, пропыленная колесами машин, но все же веема – утро года. На теневой стороне улиц еще сереет лед, на проезжей части уже пылевой вихрь. По нежно-голубому апрельскому небу от заводских труб протянулся грязный шлейф... Возле магазина, у винного отдела, топталась толпа, ждали с нетерпением открытия... Дмитрия Максимовича толкнули:

– Ну, выходите или нет?

Жуков посторонился, пропуская женщину к дверям.

Трамвай стоял перед светофором. На перекрестке у обочины гаишник в черной кожаной куртке с белой португеей и в белом шлеме, молодой и очень важный, что-то внушал водителю «Жигулей». И тут у Жукова снова появилась надежда: милиция – вот кто может принудить, если без этого не получается. Надо пересесть на встречный трамвай, проехать две остановки, как раз будет Кировский РОВД.

– Так в чем заключается ваше дело?

Крупноголовый круглолицый крепыш в ладно пригнанном милицейском кителе смотрел на Жукова доброжелательно, обращался как со старым знакомым. Не так уж трудно было во второй раз говорить о дочери. Но где-то с середины рассказа заметил Жуков, что полковник, совсем как врач-нарколог давеча, поскучнел, по углам рта обозначились складки. Рука, вертевшая на столе карандаш, замедлила движение и вовсе замерла, как бы ожидая, скоро ли посетитель отхнычнется.

– В общем, товарищ полковник, мы с женой согласны на любое меры, на любые, – зашепшил Дмитрий Максимович. – Чтобы только спасти дочь от компании пьяниц, пока она не скатилась до преступления.

На круглом лице полковника вскинулись брови, поджались губы.

– Что тут советовать... Извините, забыл ваше имя-отчество. Да, так вот, уважаемый Дмитрий Максимович, вы, как

активист антиалкогольного движения...

– Бывший. Бывший активист.

– Почему? А, ну да, не считаете для себя возможным при данных обстоятельствах? Понимаю. И сочувствую. Но вы знаете, что принудительное лечение все равно лечение, и без медицины тут не обойтись. Вам следует обратиться сначала к наркологу.

– Сначала я к наркологу и обратился.

– Правильно. И что же?

– Сказал, что сначала мне следует обратиться в милицию.

– Гм. Значит, где медицина бессильна, там уповают на милицию? Что же я, по-вашему, могу предпринять!?

Дмитрий Максимович потерянно молчал. Полковник продолжил:

– Арестовать вашу дочь? Как говорится, посадить? На каких основаниях? Что незамужняя женщина иногда не ночует дома, за это наказания законом не предусмотрено, ибо тут нет состава преступления. Грубит родителям? Ну, если у вас есть свидетели, можно применить административные меры: официальное предупреждение, штраф в размере до десяти рублей. Но вы ведь не этого хотите?

– Но позвольте, позвольте! Эта их шайка тунеядцев, на что-то они существуют, пьянствуют! Ее видели в ресторанах – на какие средства?!

– Минуточку. – Полковник снял трубку, нажал клавишу, набрал номер. – Виктор Петрович, посмотри-ка в своих ан-

налах, не числится ли, э-э... Дмитрий Максимович, как фамилия вашей дочери?

– После развода вернула себе девичью фамилию, нашу, к сожалению: Жукова Светлана.

– Виктор! Жукова ее фамилия. Светлана Жукова. Не числится? А ты вспомни, вспомни. Проходила по делу Хомяка? Свидетельницей? Ясенько. Нет, просто интересуюсь, спасибо.

Полковник положил трубку и посмотрел на Жукова так, словно разрешил по крайней мере половину проблемы.

– Среди девиц группы повышенного риска она не числится. Имеются в виду замеченные в проституции. Но приятели у нее действительно с уголовными наклонностями. Некий вор по кличке Хомяк судим за грабеж. Жукова Светлана проходила по делу свидетельницей. Ее личной вины следствием не установлено. Сажать не за что, как видите, – развел руками полковник.

– Значит, ждать, пока будет за что? Не гуманнее ли принять профилактические меры заранее? Хотя бы обязать устроиться на работу, ведь есть, кажется, статья...

– Есть, – поморщился полковник. – Статья двести девятая. Никто ее пока не отменял. Но в связи с гуманизацией общества она практически не применяется...

На высоком крыльце райотдела Дмитрий Максимович едва не столкнулся с чернявым старшим лейтенантом, тот успел посторониться. Если бы старший лейтенант вернулся с

происшествия и зашел к полковнику на полчаса раньше – кто знает, возможно, Дмитрий Максимович и обрел бы в рай-отделе знакомого решительного, не уклоняющегося от проблем, а Мельников взял бы на заметку любопытную информацию...

6

Старинный уральский город Шиханск искони стоит на «гулящей» тропе: четыреста лет назад по здешним вогульским урочищам прошел атаман Ермак с ватагой волжских гулебщиков; через полтора века после Ермакова похода укрывались в дебрях старообрядцы, спасая древнее благочестие от гонений патриарха Никона; брели в сии места и дале крестьяне земли российских в поисках воли; бежали сюда от расправы воры да разбойники. Два с половиною века тому заложили первые Демидовы шиханский железодельный завод. Цепкие, хваткие промышленники и их приказчики привечали старообрядцев, приманивали и «гулящих людей» да пригоняли из российских губерний крестьян, всех пригибали жесткой рукой к рудничным и заводским работам. Когда же на Среднем Урале, кроме железных и медных руд, сыскалось богатое рассыпное золото, набежали сюда золотоискатели, на их добычу слетелись перекупщики, держатели тайных кабаков и притонов, игроки, мошенники, ворье. Так еще во времена отдаленные расслоилось население Шихане ка на талантливых работяг и на свору паразитирующих ловкачей.

Вихрь революции развеял жителей старого Шиханска в разные концы страны, им взамен прибыло много иногородних. В годы репрессий среди уральских лесов и гор выросли

заборы с колючей проволокой, с вышками охраны. И те, кому посчастливилось дожить до конца срока, оседали в ближних к зоне городах и поселках. Война пригнала сюда десятки тысяч новых поселенцев, вольных и подконвойных. И после, в мирные годы, катились на Урал спецвагоны с арестантским контингентом. На станции Шиханск выходили люди в ватниках, встречали их солдаты с овчарками, провожали в приземистые бараки зон. Все короче становились «срока», все чаще объявлялись амнистии, все больше вливалось «вставших на путь исправления» в городские общежития и улицы, изменяя на свой лад нравы Шиханска.

Поток уголовных дел захлестывал отдел, возглавляемый старшим лейтенантом Мельниковым. Только что закончили распутывать серию краж, взяли в одном из притонов преступную группу, раскрыли убийство с корыстной целью, взлом магазина с хищением на десять тысяч, разобрались с массовой дракой подростков, а в производстве еще несколько материалов по грабежам, кражам, по двум тяжким телесным повреждениям, по четверем хулиганским действиям... В большинстве случаев катализатор драки или конечная цель хищения – водка.

...В этот майский вечер Мельников вознамерился сочетать профессиональный интерес с культурным мероприятием: посмотреть фильм в кинотеатре «Россия». Во-первых, американский детектив знакомит советских сыщиков с методами их заокеанских коллег, во-вторых, не встретятся ли

у «России» те девицы, что перемолвились с Максом Ленцовым в прошлый раз, понаблюдать бы за ними. Наконец, надо же иногда выходить «в свет» с женой Зинаидой.

Но, как часто случается в сыщицкой судьбе, личные планы были порушены: детективный сюжет подоспел не американский, а отечественный, местный, шиханский, и не на экране, а на улице Учительской, где пришлось прогуливаться не с женой Зиной, а с потерпевшим Иваном Сахарковым. Конечно, этот Сахарков и сам не сахар, и потерпевшим стал, можно сказать, по собственному желанию, но от этого кража не перестала быть преступлением. Ему же впредь наука: пусть прочувствует, каково быть обворованным.

Иван этот Сахарков полгода назад и сам у кого-то что-то спер по пьянке, тут же попался, присудили ему «химию», то есть работать, где и кем укажут, а проживать в общежитии спецкомендатуры под надзором. Так что Иван ничего теперь не нарушал, работал относительно добросовестно, если и выпивал, так самую малость, и у коменданта к нему претензий не было, В качестве поощрения «вставшего на путь» Сахаркова отпускали на воскресенье домой, благо дом в трех кварталах от спецкомендатуры. Там Иван поступал под надзор супруги Надьки, бабенки ядреной, горластой, способной и отлупить мужа в случае чего.

Теща Ивана жила в деревне, километров за сто от Шиханска. И пришла телеграмма: старушка тяжело больна. Надька взяла в цехе три дня в счет отпуска и уехала в деревню. По-

скольку у Сахарковых сын первоклассник, администрация спецкомендатуры разрешила подопечному жить эти дни дома.

Наверно, Иван очень благодарен был теще, что она захворала. Оказавшись без надзора, он первым делом поставил брагу в пятилитровой бутылки, на что извел семейный паек сахара и дефицитные дрожжи, хранимые Надькой к лету на квас. Брага, заботливо укрытая телогрейкой возле батареи отопления, ходила бодро, и хозяин по вечерам, припадая ухом, с улыбкой внимал шипящим звукам брожения. Терпения хватило аж на два дня. На третий после работы состоялась дегустация. И терпение вознаградилось: после трех стаканов появилось у Ивана неудержимое человеколюбие, тяга к задушевному общению, хотелось кого-то уважать и чтоб его уважали, обнимали, благодарили. Иван посидел-посидел над стаканом, заскучал вконец, оделся и поволокся на улицу искать родственную душу.

Имея в активе четыре с лишним литра браги, найти в Шиханске лучшего друга можно и среди ночи. Не прошло и полчаса, как обнаружили аж три родственных души, два парня и молодая девка, все свои в доску. Общий интерес возник на почве воспоминаний: оба новых знакомых судились в том же райсуде, «тянули срока» в местной колонии. Дабы продлить общение, Сахарков пригласил друзей к себе на квартиру. Они тоже высоко оценили качество браги, за-уважали ее творца, а деваха, выпив стакан, поцеловала Ва-

нечку, чем навек покорила сердце «вставшего на путь». Сахарков так растрогался, что прослезился, вылакал еще два стакана и уснул.

Пробудился от крика вернувшейся поутру Надьки. Башка разламывалась... И сперва его опечалило только то, что в бутылки осталась одна бурая гуща. Но головная боль усугубилась еще и тошнотой, когда дошли до сознания Надькины громкие вопросы. Куда делись дрожжи и сахар, ей ясно. А где магнитофон «Аэлита» с кассетами? Где импортный женский плащ? Где куртка Ивана, почти не ношенная? А туфли на высоком где? Иван не знал, куда оно все девалось. Испив два ковша холодной воды, он бежал от женина допроса на работу. Там мастер тоже матюкнул за опоздание. Жена грозит разводом, мастер – жалобой в спецкомендатуру, вместо новой куртки осталась ватная старая телага, облитая бражной гущей...

Сам Сахарков этот очередной подвох судьбы перенес бы молча. Но Надька побежала в милицию, настрочила заявление. Вот и пришлось Сахаркову на пару с сыскарем Мельниковым гулять весь вечер по улице Учительской. На черта бы сдались Ивану такие гуляния, но куда деться? Дома Надька заест. В спецкомендатуре лучше, но жена и там накапала, воспитывать начнут. Чтобы отдалить вечернюю накачку, Иван клялся Мельникову, что вчерашние собразники живут где-то поблизости, что он, Сахарков, и раньше встречал их на улице Учительской, а то неужели связался бы совсем

уж с незнакомыми. Но вору на вечерний променад не вышли. И около полуночи Мельников препроводил потерпевшего в комендатуру, жалея о напрасно потраченном вечере. Конечно, можно было послать с Сахарковым кого-нибудь из сотрудников отдела. Но начальника УРа Мельникова «пьяные» происшествия задевали за живое.

Было пацану Мишуньке Мельникову двенадцать лет, когда умер отец. Умер в больнице, от раны. Не на работе травма, не в Афганистане пуля – ударил ножом в спину пьяный сопляк, почти мальчишка. Не сумел, не захотел шахтер Сергей Иванович Мельников обойти стороной, когда шестеро юнцов на улице прилюдно, с похабными выкриками жестоко избивали двоих. Словом не образумить наглуую стаю. Одного отбросил Сергей Иванович, другого уронил наземь, третий отбежал прочь, а четвертый подскочил сзади и ножом... Так бессмысленно Миша лишился отца, а убийца свободы. Впрочем, суд не признал того юнца убийцей: умер-то Сергей Иванович в больнице, промучившись еще несколько предсмертных часов, и по закону это уже не убийство, а всего лишь «тяжкие телесные повреждения», и, учитывая, что подсудимый считается несовершеннолетним, что под судом второй раз, что его мать представила суду хорошие характеристики с места жительства... В общем, тот подлец через два года вышел на свободу и вскоре сел за новое преступление. Семиклассник Миша Мельников в школьной мастерской тайком изготовил из обломка ленточной пилы нож.

Получилось мало похожее на холодное оружие, но мальчик ярко представлял, как, дождавшись освобождения убийцы, подойдет и ударит самодельным клинком в грудь, прямо в сердце. Это будет честный удар, месть за отца, за ранние седины матери. Это будет справедливая кара за подлость.

Но Миша-десятиклассник уже понимал: для мести мало иметь нож, еще надо иметь решимость вонзить его в человека, пусть и подонка, но все же человека. И будет ли это справедливым наказанием – внезапная, мгновенная смерть за несколько часов предсмертной муки отца, за пожизненное горе семьи Мельниковых?

Тот нелепый нож изоржавел, исполняя обязанность скребка по хозяйственным надобностям. А у офицера милиции Мельникова навсегда осталось личное, особое отношение к «пьяной» преступности, будь это изуверская жестокость или просто глупость, ценой ли в человеческую жизнь или с утратой всего лишь магнитофона «Аэлита» и женского плаща.

В свете фар сеялось что-то. Снег или дождик, все ли вместе – слякоть, в общем. Оседало оно на голые ветви тополей, на зонты, пальто и шляпы редких прохожих. С утра сияло солнце, было тепло, как и подобает весной, но после полудня наволокло тучи и похолодало, а к ночи обернулся май октябрем – добрый хозяин собаку из дому не выгонит.

Человек не собака, его в любую погоду гонят из дому дела или, сильнее того, желания. Возле стоянки такси топчутся, ежатся человеческие фигуры. Ждут, мокнут. Мимо с угрюмым рычанием проходят тяжелые грузовики к заводу или от завода, проезжают служебные пустые автобусы и «рафики», личные легковушки поднимают из луж веера брызг. Изредка частник-«извозчик» остановится, возьмет пассажира и умчится в темноту улицы Дзержинского или Мичурина.

Николай Зворыкин, не сбавляя скорости, наметанным глазом оценил четыре фигуры, обрисованные слабым светом из окон: баба с сумками, мужик с тросточкой, инвалидного вида, молодежная парочка. Все – дешевая клиентура. Езды ка рубль, оплата по счетчику, пятак сдачи ждать будут – этак и на план не наездишь. Зворыкин проехал мимо.

Светофор у перекрестка мигал одним желтым, путь был свободен, но Зворыкин остановился. Справа кинотеатр «Россия». Возле него пусто. Лишь под колоннами централь-

ного входа резвится группка долговязых подростков, испуская крики, смехи, сигаретные дымы. На стоянке ждут кого-то два старых «Москвича». Зворыкин подумал, поозирался и выехал к стоянке, припарковался в сторонке от «Москвичей». Выключил фары, устроился поудобнее. Устал он, Коля Зворыкин. С шести утра за баранкой. Можно бы и в гараж. Но под сиденьем остались непроданными две бутылки «Русской», не везти же их обратно. Здесь, если подождать конца последнего сеанса, покупатели найдутся. Да и во всем микрорайоне известно, куда бежать, если ночью выпить приспичит.

Лучше бы промышлять у железнодорожного вокзала, там место бойкое. Но за бойким местом и милиция пуще приглядывает. Сегодня вечером Зворыкин привозил пассажира к электричке и сразу понял: шерстит бомбежников бригада ОБХСС. Самих оперативников не видать, они тоже парни ушлые. Нету и всегдашних водочных барыг, а уж они опасность чувствуют, есть у них в милиции кто-то свой. Не успел пассажир выйти из такси, как к Зворыкину двое подскочили: «Шеф, есть пузырь?» Пришлось помотать головой, хотя под сиденьем... Штраф – не велик расход, да мороки много: покатит милиция «телегу» в таксопарк, начальство вызовет на ковер «снимать стружку» за неосторожность – кому это надо? Зворыкин уже нарвался зимой, попутал его капитан Калитин из ОБХСС, чуть не перевели в слесаря на два месяца. Так что сегодня рванул Зворыкин от вокзала без калыма.

Возле «России» бомбить тоже не следовало. Ходит слух среди таксистов, мол, можно тут так вляпаться, что милиция покажется родной мамой. Зворыкин обычно бомбил на ходу, не искал клиентов, его сам клиент останавливал понятной каждому комбинацией растопыренных пальцев. Только иногда Коля с устатку парковался где-нибудь и ждал. Так случилось в начале марта здесь, у «России». Так же вот подрулил на стоянку, расслабился, глаза закрыл. Правая дверца вдруг настежь, мягкий баритон спросил:

– Друг, бутылочка имеется?

Наш, отечественный, продавец дефицита не склонен отвечать покупателю вот так сразу, он его поманежит, поглядит еще, стоит ли вообще тратить слово, и если это в магазине, то процедит сквозь зубы: «Все на витрине, ослеп, что ли», а коль барыжит из-под полы, тогда обязательно выдержит многозначительную паузу. Зворыкин приоткрыл один глаз, увидел коричневую болоньевую куртку, руку в черной кожаной перчатке. Помедлил, сколько посчитал нужным, и томно промолвил:

– Садись.

– Сядем, когда посадят. Есть или нету?

– Да есть, есть, садись.

Тут мягкий баритон бросил жесткие слова:

– Так вот, друг, чтобы не было, ты понял? В другом месте бомби, здесь чтоб тобой и не пахло. Пока добром предупреждаю. Еще увижу, не обижайся.

Дверца хлоп, и нету его. Коричневая спина мелькнула и исчезла за кузовом стоящей рядом «Нивы».

Коля Зворыкин и сам на слово хамовит, клиенту иной раз так скажет, как по уху смажет. Но тут не осмелился вдогон баритону и матком запустить. Не то чтоб испугался, а так как-то. Шибко голос впечатляющий, что ли. Может, на понт берет, но, может, верно в таксопарке треплются, будто мафия город поделила, чужих бомбежников не допускает, чуть чего – морды бьют. Мордой своей Коля дорожил, обижался, когда говорили, что она у него «кирпича просит». Стал он объезжать «Россию» стороной, хоть и не признавался себе, что боится мафии.

– Извозчик!

Коля вздрогнул. И тут же обозлился: за стеклом гримасничали две жвачные рожи неизвестного пола, из-за них тянула шею, хихикала девчонка.

– Извозчик, вези нас в филал... в филармонию!

Девчонка что-то шепнула одному.

– А, точно! Мисс желает в ночной бар.

Зворыкин сказал, куда бы мисс следовало пойти. В ответ юнец подскочил и, как Брюс Ли в видеофильме, но с русским матом, лягнул машину. Зворыкин распахнул дверцу, выскочил – всю шайку будто ветром сдуло, убежали с издевательским хохотом. Подрастает мразь, через год-другой сам от них побежишь. В сырой волглости расплывается мертвенный свет фонарей. Накатывает дрема. До конца сеанса еще

с полчаса. Нет, минут двадцать осталось. Что-то плох сегодня «жор» – спрос на выпивку. «Жор» хорош, когда получают на заводе, на других крупных предприятиях. Или в мелких шарашках, где заработки хреновые, зато принимают на работу всякую пьянь. Но и в «жор», и в безденежную пору две бутылки загнать не проблема. Сейчас кто-нибудь прискачет: «Пузырек есть?»

– Э, таксер! Пузырек найдется?

Ну вот. К стеклу прильнула круглая рожа, мелкозубо щерится, то ли зарычать наладилась, то ли улыбнуться, а глаза шустрые.

– Чего надо?

– Пузырь надо.

– Четвертак гони.

– Ты чо! Везде по два червонца.

– Везде и покупай.

Рожа отлипла. Ну и ладно. Невезучий вечер, тоскливый. Погода, что ли, действует. Ничего уже не надо, домой охота, домой. Зворыкин тронул ключ зажигания.

– Э, таксер! Ладно, даю четвертак. При себе не хватает малость, отвези домой, там за дорогу и за бутылку сочтемся, лады?

Закачалось, как на весах: послать эту рожу к... и домой рвануть или загнать за двадцать пять рублей одну «Русскую» из двух оставшихся?

– Куда ехать?

– Улицу Учительскую знаешь? Ну и порядок.

Зворыкин еще и не кивнул, а уж круглорожий свистнул, обе задние дверцы раскрылись, влезли два парня и молодая женщина, справа же от таксиста шлепнулся сам редкозубый шустрик. В салоне «Волги» запахло спиртным.

– Айда, поехали.

Зворыкин таких не любил. Пассажир такси должен быть смирным, заискивающе-вежливым. Еще не любил, когда его называют «таксер». «Шеф» – другое дело. «Шеф» – звучит. И сейчас в душе поднималось все накопленное за день раздражение: высадить нахалюг к чертовой матери! Но, во-первых, попробуй высади, когда их трое, не считая девки. Во-вторых, чистой выручки пятнадцать рублей да хоть рублевка сверх счетчика. Ладно, перетерпим, завтра на других отыграемся.

Кончилась улица Дзержинского, поворот, улица Зерновая. Справа слепо промерцали витрины универмага с манекенами, в голубоватом свете дневных ламп похожими на оставшие трупы. Пассажиры на заднем сиденье молчали, а тот, который рядом, все заговаривал, хотя Зворыкин отвечать ему и не думал.

Изредка женщина подавала голос: «Да ладно тебе! Да отвали!» Зворыкин жал на акселератор. Отделаться поскорее и домой, домой.

– Э, таксер! На красный свет гонишь, ментов не боишься? Рисковый ты, гляжу.

Его какое дело. Сволочь, видать. Такие могут смяться, по счетчику не заплатив. Зря связался.

Проехали центр города, миновали серую коробку главпочтамта с освещенными дверями междугородной. Зворыкин, сокращая путь, дворами выехал на захолустную улицу Токарей, потянулись слева двухэтажные домики детских садов с павильончиками-теремками, справа – облупленные жилые трехэтажки довоенной постройки. Сейчас в переулочек, там начало Учительской, и пусть вытряхаются. Сказать, что горячее на исходе...

– Э, стоп! Останови, таксер!

– Не доехали же.

– Тебе говорят, стоп!

– Пож-жал...

Мелькнула перед глазами, сдавила горло жесткая рука, в правый бок уперлось что-то острое...

– Тихо, понял? Жить хочешь, не рыпайся, понял? Э, веревку давай.

Колоть бок перестало, ноги под коленями туго стянула веревка. Трудно было дышать, сердце колотилось, страх обессилил облитое потом тело...

– Руки, руки давай! Э, кольцо? Золотое, а? Сымай. Сымай, не кобеняся! То с пальцем обрежу. Сам? Валяй сам. У нас самообслуживание, гы-ы! Порядок, отпускаяй его, то задушишь. Э, вылазьте, расселись, как в кино. Н-ну, таксер, водка где? Под задницей у тебя? Не обмарал ее, гы-ы? Сколь

загнал сѣдня, сколь набомбил? Не хошь говорить? Гляди, я иначе спрошу.

– Тридцать рублей с чем-то... В кармане, в правом...

– Чо, за весь день тридцатка?

Сзади сказал угрюмый бас:

– Темнит, падла. Бардачок обшманай.

Круглорожий деловито обыскал карманы Зворыкина, пересчитал деньги. Обшарил вещевой ящик-бардачок. Сунул руку в кармашек на левой дверце – у Зворыкина сердце екнуло.

– Э, тут боле сотни! Нехорошо, таксер, обманывать, даа... За такое поведение, знаешь?.. А ну вытряхайся.

Выволокли с водительского места, затолкали на заднее сиденье.

– Покемарь, покудова мы покатаемся. Не возражаешь? Чо молчишь?

– Катайтесь, пожалуйста.

– А-а, вежливый стал. Счас тебе шмареху подсадим, чтоб веселее было. Галька, садись с ним, приглядывать будешь. Э, ты тоже.

Зворыкин покорно съезжился между женщиной и замухрышистым парнишкой, похожим на подростка. Круглолицый сел за руль, угрюмый рядом. «Волга» дернулась, вильнула в сторону, повело ее вбок, на штакетник детсадика. Грабитель выругался. Это ему помогло справиться с машиной. Толчками, рывками выехали на середину улицы. Зво-

рыкин малость опомнился от первоначального испуга. Ясно, эта сволочь готовила захват машины заранее, вон и веревку припасли. Но ведь не убьют же, нет?! Даже и не били. Что им вообще-то надо? Водку? Деньги? Покататься? Эх, сейчас бы патруль ГАИ попался! Видно же, что за рулем балбес, машину водить не умеет. Впервые в жизни таксист Зворыкин мечтал о встрече с ГАИ. Но грабитель выбирал такие улицы, где и днем гаишников сроду не бывало.

Тонкая бельевая веревка больно врезалась под коленями. От «дамы» справа несло дешевым одеколоном, от замухрышистого слева – чесноком разило. Унизительная зависимость от настроения пьяных подонков терзала сильнее веревки. Пугала мысль: вылакают две-то бутылки, что им в головы взбредет?

Выехали на прямую магистраль Краснознаменную. Водитель-грабитель гнал «Волгу» не жалея, ее бросало на ухабах, Зворыкина кидало то на замухрышку, то на женщину...

Вдруг машина тормознула со свинячьим визгом, ткнулся Зворыкин лицом в спинку переднего сиденья. Двигатель заглох, водитель завелся длинным матом:

– Ты чо.....?! Жить надоело.....?!

– Шеф, бутылочка найдется? Не хватило, понимаешь...

– Хватил бы тебя по кумполу бампером, и душа вон! Чо лезешь под колеса?!

Зворыкин глянул на парнишку слева. Вытолкнуть его, вывалиться на дорогу, крикнуть...

– Бутылочку, понимаешь, – клянчил нетвердый голос.

Нет, с этим не спасешься, ханыга еще и поможет грабителям...

– Бутылку ему.....?! Самим мало! – рявкнул круглоротый, захлопывая дверцу. Двигатель заурчал, прыгнула «Волга», понеслась. На ходу грабители закурили взятые из «бардачка» сигареты. Редкие, дорогие сигареты «Честерфилд», купленные у знакомого фарцовщика по двадцать пять рублей за пачку. Зворыкин сам их курил, только чтобы пофорсить перед знакомыми бабенками. Теперь все раскурят. Вон, даже их девка руку тянет:

– Гиря, а мне?

– На, не скули. А ты хошь, таксер? На, я не такой жлоб, как ты.

Грабитель Гиря крутил пачкой, щерился.

– Развяжите хоть руки, – противным голоском попросил Зворыкин. – Никуда ведь от вас не денусь.

– Это точно, – захихикал Гиря. – Мы сами тебя денем, понял? – Он сунул пачку в карман и дал газу.

Куда же их понесло? Семенихинский тракт, деревянные избы, окраина, скоро городская застройка кончится, и до самого поселка Семенихи – пустыри да перелески... Но раньше поселка, километрах в двух от городской черты, – кладбище...

– Слушайте, мужики! Деньги забрали, водку забрали, чего еще надо? Машину? Берите! Только если до часу ночи в

гараж не вернусь...

– Сид-ди, сука!

– Сижу... Кабы вы не сели... – Тут же пожалел, что сказал: молчаливый грабитель обернулся и так поглядел, что по спутанным ногам до пят холодок... Кругом тут пустыри, ткнут ножом, сбросят подальше в овраг, в мусор... Лучше помалкивать.

На миг появилась надежда: сейчас пост ГАИ на выезде из города, остановят, освободят... Ах, с каким бы удовольствием Зворыкин двинул кулаком по круглой роже! Вот, сейчас, ну же, гаишники! Высокая будка поста с неосвещенными окнами проплыла слева. Конечно, им только и видно, что ночной таксист везет пассажиров в Семениху, Когда их не просят, они тут как тут, а когда надо, дремлют или анекдоты травят.

Перед самым кладбищем свернули влево. Зачем?! Кладбищенским проселком по весне, в непогоду, в ночь никакой водитель не рискнет пускаться, машину жалея. В добрую-то погоду таксисты высаживают пассажиров, приезжающих на родные могилки, у центрального входа. Из Гири шофер как из дерьма подшипник. Засадит машину в грязи... Машина – черт с ней, а вот зачем сюда приехали? Убивать?.. Нет, нет, убить могли сразу, нет! Пускай берут куртку, деньги, есть еще деньги в заначке, только пускай не убивают!

Женщина, всю дорогу молчавшая, спросила хрипловатым прокуренным голосом:

– Чо сюда приперлись? Помирать, что ли, собрались?

– Надо, не твое дело, – ответил Гиря. – Друга помянуть, допустим. Его менты пришили, тут где-то похоронен. Вы таксера караульте. Станет рыпаться, по морде, понятно? Таксер, стакан у тебя где? Стакана нету? Сука ты, понял? Ладно, из горла глотнем, не в первый раз.

Гиря и молчаливый пошлепали куда-то во мглу, где смутно виднелись кресты, железные пирамидки памятников. Через открытую переднюю дверцу в прокуренный салон вливался пахнувший гнилью влажный воздух. Женщина закашлялась, вылезла из машины. Парнишка тоже убрался из салона. Они стояли рядом, нахохленные, равнодушные и к могилам, и к пленнику. Так и будут стоять, как животные, если при них начнут мучить, убивать... Зворыкин сам всегда предпочитал не встречать, когда лично его не касалось, и вообще смыться втихую. Но здесь, на краю кладбища, да можно сказать, на краю могилы, тупое безразличие этих дебилов к его судьбе казалось таким подлым, мерзким! Он вертел кулаками, чтобы ослабить веревку, развязаться, убежать, пока не вернулись парни, бухие от выпитой бутылки. Ничего не получалось, веревка только натирала запястья.

Сколько времени так прошло, он не мог определить. Часы на панели «Волги» сломались давным-давно, часы с руки грабители сняли. Хотелось курить, Зворыкин крикнул об этом желании. Не ответили, будто не слышали. Тянулось время...

Дождик заморосил. Ни слова не говоря, женщина и парень влезли в салон. Дождик пригнал и поминальщиков с могилы убиенного друга. Сперва проверили, тут ли вторая бутылка, не вылакали ли «охранники». Гирия от водки стал еще разговорчивее, его кореш еще угрюмее.

– Э, таксер! Не подход еще со страху? В штанах не мокро? Во-от, сука, предупреждали тебя: у «России» не бомби. А? Предупреждали? Чо молчишь?

– Предупреждали.

– Дак какого ты ... опять у «России» торчал? У, я бы вас, барыг, душил на месте, вы с трудящего человека последний рублевик тянете, падлы.

Вон оно что! Как не хотелось парковаться у «России», сердце чуяло – так нет, две бутылки последние подвели. Накрылись бутылки, сам чуть не накрылся. Но убивать не станут, нет.

– Айдайте домой, спать же охота, – заныла женщина.

– Спи, вон с таксером в обнимку, гы-ы. Он к тебе не приставал? Ла-адно, таксер, живи пока. Ну, если еще за бомбежкой накроем, все, хана, понял? Нет, ты понял?

– Да понял, понял, – осмелел Зворыкин. – Хватит базарить, не кочевать же тут.

– Вот выкину тебя, привяжу к кресту, и ночуешь, падла, понял?

Но угрюмый сказал что-то, и Гирия сел на водительское место. Нажал стартер. «Волгу» опять дернуло, бросило влево,

вправо, движок заглох, вновь завелся, поехали кое-как. Зворыкин уже не обращал внимания на тычки с двух сторон, когда валило машину то в ту, то в другую сторону. Под натужный рев двигателя, под ругань Гири выехали на Семенихинский тракт, повернули к городу. Он перевел дух: обошлось!

По мере того как страх отступал, накатывалась злость, жажда отплатить за унижение, какого в жизни не испытывал Зворыкин. Пост ГАИ при въезде в город ожидался уже не как спасение, а как справедливое возмездие подонкам. Но пост опять глянул пустыми темными стеклами и остался позади.

Вот и город. Миновали плотину пруда, кончились избяные порядки по обеим сторонам, начались многоэтажные кварталы. И тут «Волга», будто и у нее наступил нервный срыв от ночных кладбищенских переживаний, зафыркала, закашляла, стихла, прокатилась немного по инерции, стала. Гиря ругался, пинал акселератор, включал-выключал зажигание.

– Бензин кончился, – сказал ему Зворыкин злорадно.

– Без тебя вижу, – огрызнулся Гиря. – Э, вытряхивайтесь все. Дале пехом добежим. А ты посиди, подумай. Нет, ты понял?

– Развяжи руки, затекли совсем.

– Ничо, до утра и так сойдет. Чтоб не бомбил в другой раз. Аида!

– погоди, – сказал угрюмый. Вытащил из-под сиденья ве-тошь, протер баранку, дверцы, ручки, даже чехлы сидений.

Сунул тряпку в карман, захлопнул дверцы. Гирия прильнул к стеклу широкой рожей, ощерился, облаял на прощанье.

Четыре темные фигуры исчезли в ночи. Зворыкин выбрался из машины, заскакал, как стреноженный конь, к ближайшему дому. Припрыгал в подъезд, позвонил в одну, в другую квартиру. Его спрашивали: «Кто?» Он просил помочь, и за дверью намертво замолкали. Третья дверь приоткрылась на длину цепочки. Хозяин удостоверился, что пришелец один, еще и связан. Его приняли, распутали. Хозяин в пижаме и его жена в халате проклинали расплодившихся бандитов, бездельную милицию и ко всему сволочей бомбежников, торгующих водкой. Это из-за них алкаши грабят честных шоферов. В порыве гнева и жажды мести Зворыкин позвонил в милицию, заявил о грабеже. Минут через сорок приехали из райотдела, усадили потерпевшего, увели на буксире «Волгу».

В дальнейшем Зворыкин жалел, что стгоряча связался с милицией, недолюбливал он блюстителей порядка. Надо бы промолчать, черт с ними, с грабителями. Каждый ловчит по-своему, время теперь такое. Да и не обнаружили придурки-грабители тайничка, где хранил он водочную выручку за неделю, благо ездил на этой машине один, сменщик в отпуске.

8

– Нет, Костя, ты увлекаешься, по-моему, спекулянты у тебя в печенках сидят, бомбежники в частности, но в данном случае чистое ограбление. В показаниях Зворыкина ни слова о водке.

– Еще бы он так написал: дескать, я спекулирую водкой, поэтому меня иногда грабят.

– Костя, это только твои домыслы.

– Да, почти домыслы. Но когда полковник на оперативке упомянул фамилию потерпевшего, я на всякий случай полистал протоколы наших рейдов. И точно: два месяца назад таксист Зворыкин оштрафован за спекуляцию водкой у вокзала. Изъята всего одна бутылка, сколько продано, выяснить не представлялось возможным. Сообщили в таксопарк. Ответа о принятых мерах так и не дождались. Надо полагать, мер и не принималось. И вот продолжение бомбежки... – Калитин взял со стола лист с показаниями потерпевшего. – Зворыкин тут пишет: «Эта компания сразу показалась мне подозрительной». Однако посадил в машину, повез. Почему такая покладистость?

– Водитель такси обязан, нравится – не нравится...

– Это в теории, Миша. Теория и практика, как тебе известно, часто расходятся, тем более в нашей сфере обслуживания. У таксистов, если пассажир невыгоден или просто

не понравился, сколько угодно вариантов отказа: горячее на исходе, время ехать в гараж, еду по вызову, машина неисправна и так далее. А тут повез нетрезвую, возможно, неплатежеспособную, подозрительную, в общем, компанию – почему? Потому что надеялся продать им водку.

– Возможно. Но улик-то нет.

– Улики будут, когда задержишь грабителей. Есть у тебя на них какие-нибудь наметки?

– Пока ничего определенного. Криминалист обнаружил отпечатки пальцев на задней дверце, но в нашей картотеке их не идентифицировали. Городской золотоскупке даны приметы обручального кольца Зворыкина, но не дураки же грабители, чтобы нести чужое кольцо на продажу в ювелирный магазин. Еще такая деталь: со слов Зворыкина, грабитель по кличке Гирия первоначально велел везти на улицу Учительскую, на днях же некий Сахарков на Учительской встретил подобную компанию, двух парней и женщину, которые пьяного Сахаркова и обокрали. Приметы участников кражи и ограбления схожи. Но с этой версией надо еще работать.

Капитан Калктин слушал приятеля, щурясь через очки на веселые весенние солнечные зайчики по потолку – отблеск лужи на дворе. Каждый год в апреле личный состав райотдела выходит на субботник благоустраивать территорию, засыпать щебенкой выбоины. Через месяц-другой щебенка растаскивается скатами машин, выбоины остаются, заполняются водой, и после дождя долго стоят лужи. Забетонировать

бы капитально. Но в повседневной текучке такая разумная идея забывается, и следующей весной опять субботник, и щебенка завезена впрок на пятилетку...

В Кировском РОВД капитан Калитин служил сравнительно недавно, переведен из горотдела. Официально – для укрепления районного отдела БХСС, фактически – «не сошелся характером» с начальством. Интеллигентный, всегда корректный даже с явными преступниками, Константин Васильевич Калитин как-то ухитрялся портить отношения как раз с теми, с кем портить их не следовало. Кое-кто считал его излишне принципиальным, иные просто неразумно упрямым. При этом не отрицались его работоспособность, разносторонние познания, необходимые при расследовании многообразных хищений. На новом месте он ближе всех сошелся с начальником отдела уголовного розыска Мельниковым. Как выдавалась свободная минута, они беседовали, обычно в кабинете Мельникова, о работе, о новостях.

– Я могу понять психологию заурядного уголовника, – сказал Мельников. – Уличного хулигана, к примеру, толкает на гнусные подвиги комплекс собственной неполноценности. А что движет твоими подопечными, Костя? Растратчиками, взяточниками, махинаторами с высоким положением? Публика все неглупая, работать они умеют, неплохо зарабатывают. Они рискуют несравненно большим, нежели прощелыга-тунеядец, который не имеет ни служебного положения, ни уважения окружающих, ни имущества, ни семьи. Тот же

таксист Зворыкин, если он, допустим, в самом деле бомбежник. Спекулянтов штрафует милиция, грабят и бьют алкаши-покупатели, так стоит ли игра свеч?

– Ну, во-первых, всякий мнит, что в неприятные обстоятельства попадают другие, а он, такой умный и удачливый, никогда. Это свойственно и твоим блатным, так ведь? Во-вторых, доход от спекуляции многократно превышает сумму штрафа в случае провала. В-третьих, стирается грань между законным и незаконным занятием: в государственном магазине говяжья тушенка по так называемой договорной, весьма высокой цене продается открыто, так почему бомбежнику не заниматься водочным бизнесом? Заурядный вор все же сознает, что совершает проступок, а бомбежник видит в преследовании лишь каприз милиции. Закон, между прочим, ограничивает наши права куда суровее, чем спекуляцию водкой, пугая бомбежника символическим штрафом...

В дверь кабинета коротко стукнули, заглянул старший лейтенант Репеев.

– Здравия желаю, друзья. Как жизнь? – Репеев подал руку Мельникову, Калитину, сел верхом на свободный стул.

– Жизнь, Лев Николаевич, бьет ключом. И все по голове. И нельзя ее привлечь за хулиганство по двести шестой статье. – Мельников подмигнул Калитину. – Поэтому обэхээсник высказывает недовольство существующими законами.

– То есть как недовольство? – дружелюбно усмехнулся Репеев. – Закон требует неукоснительного исполнения, а не об-

суждения.

– Вот и я ему то же. А он говорит, что закон охраняет спекулянтов. Ты ему объясни, Лев Николаевич.

– А что, собственно, не устраивает капитана Калитина?

– А он считает, что водочных барыг надо этапировать прямо на каторгу, чтоб другим неповадно было.

Мельников проговорил это с серьезной миной, Калитин изобразил на лице непреклонную хмурость. Репеев посмотрел на них обоих и поверил – «купился».

– Это, товарищи, обывательское заблуждение. Доказано, что жестокость наказания не исправляет, а только усугубляет преступные наклонности.

– Да что ты?! И кем же это доказано? – притворно изумился Мельников.

– Ну, наукой доказано. – Политотделец уловил наконец иронию в глазах собеседника, сам охотно засмеялся. – Что, вам потрепаться захотелось? Сами газеты читаете, что вам объяснять.

– Лева, на то ты и прикомандирован к нашему отделению, чтобы приобщать нас к новейшим достижениям науки. Рас толкуй, сделай милость, какими же экспериментами ученые мужи установили бесполезность жестких наказаний?

– Дело не в жестокости, а в неотвратимости кары, понятно объясняю? Ленин учил, что надо сначала убедить, потом уж принудить.

– Где это Ленин сказал?

– Ну, я не помню... На курсах усовершенствования нам говорили...

– Оно и видно, как там тебя усовершенствовали: повторяешь цитату, как попугай, не осмысливая.

– Мельников, я попросил бы...

– погоди, Лева, не ерпенься. Ты мне понятно объясни: если сперва убедили, так зачем же потом принуждать?

– Ты, Михаил Сергеевич, и мысль из трудов Ленина ставишь под сомнение?

– Хочу прочитать эту мысль в контексте, а не в изложении инструктора политотдела. Но ты продолжай, Лева. Итак, жесткие кары преступника не исправляют? Так что же с ним делать, с убийцей, вором, насильником, чтобы он стал полезным членом общества?

– Какие-то детские вопросы ты ставишь!

– И детские вопросы требуют взрослого ответа. Видишь ли, Лева, мы практики, реалисты. А мудрецы вроде тебя почему-то все надеются, что будет как в песне: «Вдруг у разбойника лютого совесть господь пробудил». И разбойник тот песенный «бросил набеги творить», в монастырь подался. Я вот, грешный, во внезапную совесть от господа не верую. Не верю и в нашу нынешнюю «гуманизацию», при которой преступность растет как на дрожжах.

– Верь не верь, а на политзанятия ходи, Миша. Два пропуска у тебя в прошлом месяце. Занят был, расследовал там что-то – объективные причины каждый находит. А пока по-

литорганы не ликвидированы и политучебу никто не отменял, так что будьте добры посещать. Ну, пошутили, и хватит. Я, собственно, капитана Калитина хотел видеть.

– Меня? В чем же я грешен?

– Почему обязательно – грешен?

– Черти и политработники являются смертному лишь тогда, когда грехопадение уже свершилось. До этого не обращают внимания.

– Опять критиканствуешь, Калитин. А я ведь к тебе с добром. Слушай, на прошлой неделе приходил к тебе старший сержант Демидов из конвойного взвода? Рвется, понимаешь, на оперативную работу.

– Похвально. Только пусть он рвется в какой-нибудь другой отдел.

– Да почему? Хороший парняга, разрядник... Отслужил в армии, исполнительный. И вообще. Не знаю, чем он тебе не показался.

– Отчего влечет его именно в ОБХСС?

– Говорит, призвание чувствует в себе.

– А я сомнение чувствую в себе. Вы, Лев Николаевич, обратили внимание на его часы? Гонконгская фирма. Кольцо с печаткой, довольно массивное, не латунь, а золото 583-й пробы, поверьте моему опыту. Все приобрел на сержантское жалованье? Или расстарался, когда служил в армии кладовщиком? Да, кладовщиком, полистайте его личное дело. Не оттого ли чувствует призвание к службе в ОБХСС, чтобы

войти в контакт с дельцами теневой экономики?

– Излишнюю подозрительность надо, капитан Калитин, в себе подавлять.

– Поверхностную доверчивость тоже. Лучше посоветуйте своему протеже Демидову оставаться в конвойном взводе, там у него больше свободного времени для заочной учебы в юридическом, если пожелает, или в другом вузе. Получит диплом, тогда поговорим. А сейчас что ему делать в ОБХСС? Знания отрывочные, интеллект невысокий, отсюда и страсть к внешнему антуражу вроде перстня с печаткой, бакенбардов...

– Не нужны тебе сотрудники, так надо понимать?

– Нужны. Толковые. И обязательно порядочные.

– Ясненько, учтем. Ну, не буду отвлекать вас от... от искоренения преступности, гм. А на политзанятия ходить начальники отделов обязаны, чтобы для подчиненных являться образцом дисциплинированности.

Когда за Репеевым закрылась дверь, Мельников сказал:

– Все мне думается, что коэффициент полезного действия таких Львов близок к нулю, а в званиях они растут успешнее нас, практиков. Костя, а ты не знаешь, где это Ленин говорил насчет «убедить-принудить»? С некоторых пор фразу эту долдонят часто, но откуда взята, не слышал.

– Не взята, а выхвачена. Из речи на десятом съезде РКП (б). Речь о профессиональных союзах. В основном полемика с Троцким, Рудзутаком, другими оппонентами. Наверно,

современникам каждое слово было понятно, нам же не всегда. У Ленина фраза об «убедить-принудить» совершенно не связана с уголовной проблемой.

– Костик, ну ты силен! Тебя бы в политотдел!

– Вскоре выгнали бы. Ну, мне надо идти, Миша. Ведь я, слава богу, не политотделец, а простой ловец жуликов.

Преступники оказались куда глупее, чем полагал Мельников: они «заявили о себе» па шестой день после ограбления таксиста.

Позвонили из ювелирной скупки:

– Товарищ Мельников? Это вы интересовались золотым обручальным кольцом? Сегодня принесли одно, по приметам подходит. Кто принес? Черняхина Галина Ивановна, адрес записан с ее паспорта. Да, мы приняли и оплатили по существующим на сегодня расценкам. Обручальное, гладкое, 583-й пробы, маркировка «6 ЛЮ». Значит, изготовлено в 1986 году на Ленинградской ювелирной фабрике. Особые приметы: на внутренней поверхности выцарапана цифра «3». Или, может быть, буква «З». Скупленные у населения изделия мы отправляем в Москву дважды в месяц. Очередная отправка завтра. Придете сегодня? Хорошо, ждем.

Мельников и Хромов поехали в золотоскупку. Папка с уголовным делом об ограблении гражданина Зворыкина стала быстро заполняться документами: протокол опознания потерпевшим обручального кольца в фондах скупочного отдела ювелирторга; постановление следователя Хромова об изъятии кольца; протокол допроса гражданки Черняхиной Галины Ивановны, уборщицы столовой номер 13, проживающей в городе Шиханске, улица Учительская, дом 286, квар-

тира 18; протокол опознания ее потерпевшим Зворыкиным; протокол допроса ее брата Черняхина Вячеслава...

Мельников, конечно, нравом далеко не ангел, но он работник уголовного розыска, поэтому должен иметь терпение прочнее ангельского. Но и его измотали допросы Черняхиных. Заторможенность Гали Черняхиной могла довести до белого каления, но ее братец Славик был еще тупее, даже от вопроса: «Как тебя зовут?» – впадал в раздумье, потом переспрашивал: «Кого, меня?» – и опять задумывался, глядя в окно. Мельникова брала досада. И жалость. Жалость к этим ленивым на все путное, податливым на все пакостное взрослым несмышленишкам. Кто в этом виноват? Они? Судьба?

Отца не знали, видеть не довелось, каков он. Что ж, много есть полусемей, имеющих одну заботливую мать, где ребяташки не ощущают себя обделенными судьбой. Но у Черняхиных сын и дочь, зачатые во хмелю, рожденные по оплошности, мешали молодой тогда маме искать по свету чего-то неведомого, но хорошего, на что каждый имеет право. Хорошее не далось ей, оно на грязной дороге не валяется. Захотела поискать в дальних краях. Деток спровадила в детдом и умчалась на Дальний Восток, где, по слухам, зашибают тыщи.

Может, детдом и дал бы ребятам образование, довел бы их до ума. Но мама, не найдя добычливого мужа, воротилась в Шиханск устраивать жизнь как уж бог даст. Для начала потребовались дети. Слезами и криками о материнских правах

увела их из детдома, стала таскать за собой в райсовет, в горсовет, в женсоветы, слезами и показным раскаяньем добывала жилплощадь.

Настырность вознаграждается скорее и полнее, нежели скромность: отодвинув очередников, предоставили бедной матери двухкомнатную квартиру в доме номер 286 по улице Учительской. Грешница перестала каяться и плакать, стала веселиться. И все хорошее в детях, что получили они в детдоме, погибло в табачном дыму, порушилось в хмельной круговерти. А когда брат и сестра созрели к взрослой жизни хотя бы возрастом, тут обозначилась личная жизнь и у мамы: заморозила бойкая бабенка немолодого вдовца, ушла в его квартиру жить. А что, не имеет права? Дети устроены: дочь в столовой сама сыта и брата накормит задарма, сын учится в ПТУ на сантехника, – кто посмеет упрекнуть заботливую мать?

Когда юное существо сыто, устроено, не утомлено трудами, не озабочено проблемами, оно желает развлекаться. Стали захаживать развязные подростки к Славке, татуированные парняги к Гальке. Соседи жаловались в милицию: в подъезде шумно, матерно, от шпаны прохода нет, хотим жить спокойно! В милиции жалобщикам отвечали стандартной фразой: в каждый подъезд милиционера не поставишь. Однако, поскольку была подана коллективная письменная жалоба, поручили участковому разобраться.

Мельников знал того участкового, младшего лейтенанта,

недавнего выпускника Нижнетагильской школы милиции. Его не замотала еще рутина, и нормальное молодое самолюбие подталкивало доводить до результата любое, даже самое бесперспективное дело. Попробуй-ка собери материалы, что брат с сестрой устроили в квартире притон. Но младший лейтенант решил попробовать.

В первый вечер на его стук никто не отозвался, хотя слышались за дверью шорохи. Во второй его заход из квартиры явственно доносились шумы скандала. На настойчивые стуки участкового вышла Галька. При его появлении скандал притих. Сидели тут два парня, малость захмелевшие. На вопрос, кто они такие, заявили, что имеют право посылать всех известно куда, потому что Галька совершеннолетняя, и милиция не имеет права вмешиваться в ее личную жизнь. Только и оставалось участковому, что попросить Галькиных гостей не шуметь и не выражаться. «А кто шумит? Кто выражается? Это какая сука мильтонам накапала?!» Документов у гостей не имелось: «Мы чо, должны хоть в сортир с паспортами ходить?» О себе ничего рассказать не пожелали: «Мы не на следствии у тебя, начальник. Зашли к знакомой пивка выпить, ну на, сажай нас! Чо, не имеешь права? Ну и канай отсюда, не мешай отдыхать». Особенно был языкаст один, круглорожий, большеротый. Другой помалкивал, курил, на участкового и глянуть брезговал. Обидно было младшему лейтенанту понимать, что нетрезвые подозрительные молодчики просто куражатся над ним, а что поделаешь? Так

и ушел ни с чем.

Все же участковый через соседей установил личность Галькиных приятелей. Языкастый – Киряков Виктор, дважды судим, недавно вернулся из колонии, живет с отцом в квартале от Черняхиных, временно не работающий. Второй – Гусаков Владимир, тоже судимый, проживает где-то неподалеку, работает грузчиком на тарном складе.

Дело об ограблении пошло ходко: протоколы опознания, постановление о взятии под стражу, об обыске в квартире Черняхиных и изъятии магнитофона «Аэлита» и женского плаща, принадлежащих гражданке Сахарковой, протокол опознания этих вещей, протоколы очных ставок.

Брат с сестрой Черняхины признали на первом же допросе свое соучастие в ограблении таксиста и краже у Сахарковых. Киряков, по кличке Гирия, выслушав перечень веских улик, изволил снисходительно ухмыльнуться:

– Ну, признаю. Ну, полностью. Хотели выпить, а денег нету, тут таксист... А чо они, бомбежники, тоже, можно сказать, грабят трудящий народ!

– Ишь ты, Робин Гуд нашелся.

– Чо обзываешься! Не имеешь права всяко обзывать.

– Зачем на кладбище-то вас понесло?

– По дурости. Выпимши были.

Гусаков подтвердил показания подельника. Молено бы передавать дело в суд и докладывать о быстром раскрытии.

– Ну и передавайте, – посоветовал Калитин. – Раскрывае-

мость у нас, как доходчиво объясняет Репеев, оставляет желать. Доложите, что раскрутили дело в кратчайшие сроки.

– Сроки расследования еще позволяют покопаться, – ответил Мельников. – Ты, Костя, по-видимому, был прав, без водки не обошлось: Киряков и Гусаков уверяют, что отобрали и выпили две бутылки. Но Зворыкин стреляный воробей, у него авторитетный свидетель – тесть, заведомом в райисполкоме. Саша Хромов дважды этого свидетеля вызывал повесткой, но тот по телефону отговаривался от явки уважительными причинами. Пришлось мне к нему в райисполком ехать. Он подтвердил, что просил зятя купить две бутылки водки ко дню рождения. Паспорт мне совал, и действительно родился он в мае. Но вид у него был при этом!.. Лицо напряженное, на меня глаз не подымет. Удивительно, что среди аппаратчиков как-то сохранились совестливые мужики.

– Порядочные люди везде есть, только они негромкие.

– Знаю, Костик, знаю. А вот нагладишься всякой гнуса... Да, кстати, я теперь разделяю твои подозрения. Какие? Что это не просто так себе грабежчик по пьянке, от нечего делать. За этим кто-то стоит, по-моему. Ограбление получилось несколько громоздкое, правда? Как будто хотели хорошенько напугать, а водку и деньги забрали в качестве премиальных. Ночная поездка через весь город – ради чего риск? Нагнетание ужасов – просто блатная бравада? Для Гири такое годится, но подельник его Гусаков если не умнее, так осторожнее. Мы с Хромовым решили покопать еще, пока

сроки позволяют.

– Если найдете для меня интересное ископаемое, с меня бутылка... напитка «Байкал», ладно?

10

– Алло, алло! Мельников? Это я, Мамедов Асхат, из автомата звоню, от «России». Слушай, те телки опять здесь пасутся! Алло!

– Слышу я, слышу. Они тебя заметили?

– Нет. Алло, старлей, ты можешь быстро приехать?

Черт бы тебя побрал, Асхат Мамедов. До чего ж не хотелось на исходе рабочего дня бежать, спешить, ждать автобуса, снова спешить, а девицы тем временем уйдут, и вся суета окажется впустую. Но Асхат там надеется, горячится, жжет его недавняя обида.

– Сейчас еду, Асхат. Где тебя найду? Хорошо, у газетного киоска жди.

Обещал Зинаиде прийти сегодня вовремя, добеливать кухню, потому что в воскресенье пришлось побелку прервать и мчаться на происшествие...

– Алло! Будьте добры, пригласите, пожалуйста, к телефону Зинаиду Владимировну. Благодарю вас.

Из трубки отдаленно донеслось:

– Мельникова, тебя! Супруга твоего всегда узнаю. Наверное, во всей милиции он один такой вежливый.

Так же отдаленно:

– Кого у них знаю, все такие. (Молодец Зинуля!) Алё, Миша!

– Зинуля, понимаешь...

– Можешь не продолжать. И надолго? Известку не разводь?

– Известку? М-м... Давай отложим до завтра, Зина. Не вздумай сама белить потолок. Я завтра сделаю, хорошо?

– Но завтра мы собирались навестить маму, ей все еще нездоровится. Уж давай отложим побелку до другого воскресенья.

– Прекрасно.

Ничего прекрасного в этом, конечно, нет. А что Зина не ворчит, как некоторые милицейские жены, вот это действительно великолепно! Теперь еще один звонок... Что поделаешь, надо.

– Костя, привет! Как дела в ОБХСС?

– Примерно так же, как в угрозыске.

– Н-да, не блестяще. А какие у тебя планы на вечер?

– Иными словами, у тебя опять в плане моя «Коломбина»? Как говорят в Одессе, что я буду с этого иметь?

– Как отвечают в Одессе, а что бы вы хотели?

– Если бы мы поехали в ресторан, то я с аппетитом поужинал бы за твой счет.

– Мы поедем в кинотеатр, не в сам, но около. Звонил Мамедов, помнишь его историю? У «России» сейчас гуляют две его знакомые пиковые дамы, они тебя не привлекают?

– Нет. Потому что их нельзя привлечь за спекуляцию, нет улик. Но так и быть, спускайся во двор, отвезу тебя на сви-

дание с девицами, возьму грех на душу.

На пяточке перед «Россией» – обычная толпа ожидающих сеанса, благо вечер погожий. На автостоянке тоже обычный ряд машин, ожидающий неизвестно кого. Спросить об этом у водителей – обругают, пожалуй; предъявить им милицееское удостоверение – скажут, что ждут жену, любимую тещу, черта лысого или кто им на ум придет.

К стеклам серых «Жигулей» склонились две молодые женщины – их имел в виду Мамедов? Сели, уехали. Должно быть, не они. Где же Асхат? Возле газетного киоска его не видно. Впрочем, издалека в толпе трудно разглядеть, а ближе подъехать – «Коломбину» бомбежники знают «в лицо».

Вот и Асхат появился из двора, сел в машину.

– Здравия желаю! Поехали! Там они, уже час их пасу. Ждут кого или так балдеют, не знаю. Сейчас налево. Вон они, у фонаря! После того как меня били, в первый раз эти девки у «России».

– Что за парни с ними?

– Так, сопляки, всегда здесь толкутся, к женщинам липнут.

– «Жигуля», в котором тебя везли в лес, не видел?

– Нет, старлей. Каждый вечер сюда хожу, как на работу, нету того «Жигуля». Да я его не очень разглядывал тогда. Девочек, старлей, бери, допроси, пожалуйста! Они с бомбежниками связаны, у них тут целая мафия, клянусь!

Вот и Мамедов, бывший участковый милиционер, подо-

зревает организованную преступную группу. Только забыл Мамедов законы: «бери, допроси» – на каком основании? Спекулируют водкой, присутствовали при избиении? Все это они будут отрицать, и свидетельств против них нет, кроме показаний Асхата.

Так что же, поглядеть на них и уехать? Незачем было и «Коломбину» мучить.

– Слушай, старлей, брать их надо! Слушай, месяц я ходил, смотрел!

– Спокойно, Асхат. Выходи. Увидишь, что сажаем их в машину, беги к автобусной остановке, езжай в райотдел, жди. Костя, я иду знакомиться с дамами.

Два юных ковбоя – судя по пестрым нашлепкам на куртках и штанах, явившихся в Шиханск прямо из вестерна – ловеласничали с интересующими Мельникова женщинами. Которая повыше ростом, в мешковатом балахоне и клетчатых брюках, с высокой сизой прической, поддерживала беседу, обнадеживала игривым взглядом, отчего юнцы пуше пыжились. Подруга ее оказалась милевиднее и одета была скромнее: длинные каштановые волосы из-под красной вязаной шапочки, легкое коричневое пальто. На кавалеров посматривала насмешливо, иронически щурясь. Мельников подошел к ним.

– Добрый вечер. Девушки, можно с вами посекретничать? А вы, ребята, идите погуляйте.

– Чего-о? А ну сам гуляй отсюда, – выпятил челюсть ко-

ротко остриженный акселерат.

Чтобы не терять времени, Мельников раскрыл перед ним удостоверение. И «джентльмены» по-английски, не прощаясь, отвалили.

– Я из уголовного розыска, – пояснил Мельников. – Есть к вам, девушки, вопросы.

– В чем дело? – недовольно насупилась сизоголовая. – Нам некогда... сейчас кино начинается.

– У вас билеты куплены?

– Допустим, есть билеты.

– Допустим или есть?

– Ну, сейчас купим.

– Не купите, еще днем все проданы, так что спешить вам некуда. Документы при себе?

– Зачем в кино документы? Видно же, что шестнадцать нам исполнилось, все кина смотреть разрешается. Дома паспорта есть, конечно, не в Америке живем.

– Дома? Придется съездить.

– А если мы не хотим домой? – с вызовом спросила сизоголовая.

– Тогда приводом доставим в райотдел.

– Еще чего! В чем мы виноваты, вы можете сказать?

– Вас опознал потерпевший как соучастниц преступления.

– Господи, какая чепуха! – хохотнула сизая. Но в серых глазах промелькнула тревога. Ее подруга растерянно морга-

ла на Мельникова. – Мы вот возьмем и не пойдем, тогда как? Руки нам крутить будете?

– Потребуется – скрутим. Но лучше для вас не оказывать сопротивления работнику милиции, а спокойно помочь разобраться, справедливы ли показания потерпевшего.

– Не знаем мы никаких ваших потерпевших! – дернула плечом сизоголовая. Но Мельников ненавязчиво взял ее под руку, и она пошла, ворча и хмыкая. Следом потянулась и Красная Шапочка, держась за рукав подруги.

Подъехал на «Коломбине» Калитин. Мельников пропустил на заднее сиденье Сизую, забрался сам, жестом пригласил Красную Шапочку. Та села беспрекословно, так и не произнеся ни слова.

– Куда мы едем? – спросил Калитин у женщин. – Прошу ваш адрес. Или сразу в райотдел?

– Чего мы там забыли? – взъелась Сизая. – Везите домой, раз вам так надо. Улица Курганная... Везите, мы хотя пятак за автобус сэкономим.

Да, женщина с норовом, но в крутых переделках не бывала, с милицией неприятностей не имела, иначе так легко не согласилась бы сесть в машину. Тонкие губы кривит презрительно, от Мельникова острый птичий нос воротит, но пальцы нервно бегают по сумочке-косметичке. Красная Шапочка косится на Мельникова, как на серого волка. У нее узкое, довольно миловидное лицо, рот великоват, полуоткрыт, как бы левит слова собеседников, а в карих глазах застыл вопрос,

словно чего-то не поняла она в окружающем мире. Эта характером явно слабее подруги, вся под ее влиянием. Когда первый испуг минует, обе настрочат заявления, и начальство призовет Мельникова на ковер за нарушение законности. Но ведь надо же найти хулиганов, избивших Мамедова!

– Вот ваша Курганная. А номер?

– Тридцать первый. Прямо перед соседями совестно: милиция домой привела, как какую-нибудь...

– На нас не написано, что мы из милиции, мы же не в форме. И мужчины к вам иногда заходят, верно?

– А вот это не ваше дело.

– Не наше. Мы по уголовным делам. Приехали, выходите.

Приглашайте в гости.

– Век бы таких гостей не видеть, – фыркнула Сизая и пошла в подъезд.

Поднялись на второй этаж. По коридору направо. Дом гостиничного типа, какие строили при Хрущеве, – двери с обеих сторон длинного коридора. Навстречу, как будто ждали, две пожилые соседки. Осмотрели пристально мужчин, переглянулись, головами закачали. Красная Шапочка чуть поклонилась им с постной улыбкой: «Здрассьте». Сизая прошипела-прорычала: «Эр-рс-с». Вслед шепоток явственный:

– Опять новых привели, гос-споди батюшка, что творится ноне...

– У меня не убрано, вынести вам документы? – остановилась сизоголовая.

– Мы зайдем, если не возражаете, – дружелюбно улыбнулся Калитин.

– Хм! – прозвучало в ответ. При желании это «хм» можно принять за согласие.

Квартирка – однокомнатная келья. Крохотная прихожая, слева вешалка, справа две двери – в санузел и на кухню, прямо – комната. Для одиночки жилплощадь – вполне. На вешалке забыта мужская фуражка – не так уж и одиноко жиличке этой кельи. В комнате даме ко-холостяцкий уют: диван-кровать, зеркало с подзеркальной тумбочкой, кресло, стулья, стол. На столе фигурная пепельница с окурками.

Хозяйка достала из подзеркальной тумбочки паспорт, резко протянула Мельникову.

– Натe! Глядите, и привет. Надеюсь больше не встречаться.

Так, Вепрева Наталья Леонидовна, 26 лет. Прописка: Шихане к, Курганная, 31, квартира 28. Все в порядке.

– Где работаете, Наталья Леонидовна?

Та, нервно закуривая сигарету, процедила, что работает в парикмахерской «Гармония», в мужском салоне. Очевидно, и тут все в порядке, никакой зацепки.

– А ваши документы? – обратился Мельников к Красной Шапочке.

– У меня нету... – пролепетала она. – Нет, вообще-то есть, только дома. Я не здесь прописана, в гости пришла...

– Где работаете?

– Я... только устраиваюсь.

– Давайте поподробнее. Наталья Леонидовна, надеюсь, пригласит нас сесть? Спасибо.

– Хм! – отозвалась Вепрева и первая села в единственное кресло, дымя сигаретой.

– Итак, ваша фамилия, имя, адрес.

Фамилия ее Жукова, зовут Светлана Дмитриевна. Прописана у родителей, но с ними немножко поссорилась, временно живет у подруги Наташи. Устраивается официанткой в ресторан, даже направление выписали на собеседование, но еще не ходила. Когда выписали? В прошлом... ой, нет, в позапрошлом месяце, завтра обязательно пойдет, честное слово...

– Плохо, Жукова. Документов не имеется, не работаете, на что существуете, неизвестно. Придется нам продлить знакомство, девушки. Поедете с нами в райотдел.

– С какой стати?! – вскипела Вепрева. – Врываются, хватают, везут, как... как гестаповцы! Мы ограбили кого, зарезали?

– Потерпевший показал, что вы обе присутствовали при хулиганских действиях.

– Никаких действий не видели, ничего не знаем!

– Тем более в ваших интересах все выяснить без огласки, без вызова с места работы, не так ли?

Вепрева ткнула сигарету в пепельницу, встала.

– Ладно, Светка, съездим в ихнюю милицию, а то начнут

таскать, мороки больше будет.

В коридоре райотдела расхаживал Мамедов. При виде его Жукова приостановилась на миг, Вепрева прошла, не повернув головы.

Как и следовало ожидать, знакомство с Мамедовым они отрицали. Вепрева припомнила, что где-то в феврале или в марте этот тип в нетрезвом состоянии приставал к ним возле кинотеатра «Россия», звал в ресторан, но они не связываются с первым встречным, они ушли от него, вот и все. Водкой никогда не спекулировали, откуда у них водка, не пойдут же они стоять в очереди у винного отдела, там и мужикам ребра ломают. Все это Вепрева повторила на очной ставке с Мамедовым. Жукова подтвердила ее показания.

– Слушай, совесть иметь нужно! – пылал негодованием Асхат.

Но он был один против двоих, тут уж ничего не поделаешь. Все-таки Мельников взял на себя ответственность: Вепреву отпустил домой, а Жукову отправил в изолятор временного содержания – до выяснения личности.

– Не имеете права! – шипела Вепрева.

Мельников и сам знал, что тут его право сомнительно.

Следовало навести справки через адресный стол, в конце концов поехать по адресу, названному Жуковой, отвезти ее к родителям. Тем более что она и сама родительница, имеет пятилетнего ребенка, по которому соскучилась, похоже, только теперь.

– Больше недели жили у подруги, о сыне не вспоминали? – сказал ей Мельников. – Одно-то ночь перебьетесь. Подумайте лучше, как дальше жить при родителях и при сыне.

Мельников шел домой пешком, любуясь прозрачными весенними сумерками. Опять рабочий день в сумерках закончился. Еще повезло, что не ночью. Хотя как знать, что еще произойдет до утра. А если ничего такого не стряется, то утром, почти нормально отдохнувший, он выслушает на оперативке разнос за незаконное задержание гражданки Жуковой. А вчера ему было высказано недовольство за низкую раскрываемость. Хотя она по крайней мере не ниже, чем в других службах и других райотделах. Что ж, Мельников извинится перед Красной Шапочкой. Только бы она проговорила, где бродит Серый Волк, организовавший избиение в лесу потерпевшего Мамедова. Может быть, существует и стая волков?..

Утром, до оперативки, Мельников зашел в комнату участковых инспекторов, спросил лейтенанта Брусевича, что он знает о Светлане Жуковой, жительнице его участка.

– Знаю такую. Несчастливая, в сущности, бабенка. Красивую жизнь сильно любит, поэтому по уши в грязи.

– В общем – ясно. А в частности, поподробнее можешь?

– Поподробнее? На участке таких знаешь сколько? Эта дурочка сама-то подробностей о себе, наверное, не знает.

– Кто же знает?

– Та шобла, которая ею вертит как хочет. Но что я сделаю? Они же скользкие, а у меня ежовых рукавиц нету. Двоих поймал на грабеже, оба Жучкины дружки... Жучка – кличка Светки Жуковой. Ихний заводила Гришка Хомяк, она по его делу проходила свидетельницей. Что еще? Алкоголичка, любит гульнуть в ресторанах. Раз или два попадала в вытрезвитель. Работать не любит, с полгода тунеядствует.

– Я ее задержал вчера.

– Ну? А за что?

– До выяснения личности.

– Миша, ее надо хорошенько раскрутить, через нее можем выйти кое на кого.

– Не успеем. Сейчас на оперативке мне самому накрутят хвоста за незаконное задержание.

– Вот видишь! Работаем со связанными руками. Нет, уйду я из милиции. Какой из меня защитник униженных и оскорбленных, когда мне в глаза подонки смеются, кроют как хотят, а я что ни сделаю, все нарушением считается!

– Теряй, лейтенант, генералом будешь, и уж тогда...

– Не дотерпеть мне до генерала. Ты, Миша, прежде чем перед Жучкой расшаркаться, разизвиняться, все же допроси. Другой такой случай когда еще представится.

На оперативке Мельников, когда настал его черед, доложил среди прочего и о задержании Светланы Жуковой, вероятной соучастницы или по крайней мере свидетельницы хулиганских действий неустановленных лиц.

– Мне уже доложили об очередном вашем незаконном задержании. Жукову немедленно освободить!

– Товарищ полковник, у нее нет документов, потерпевший прямо указал на ее присутствие при избиении, на спекуляцию водкой...

– Свидетель и соучастник – вы не уясняете разницу? Если мы будем свидетелей сажать в камеру, нас самих упекут за превышение служебных полномочий. Без того люди избегают давать свидетельские показания. Повторяю, Жукову освободить» немедленно. Впредь законность соблюдать неукоснительно, иначе придется сделать выводы.

– Товарищ полковник, разрешите от вас позвонить в ИВС?

Мельников набрал номер изолятора временного содержания и попросил сейчас же привести к нему в кабинет задержанную Жукову. Полковнику такая исполнительность понравилась.

– Знаю, Мельников, знаю, что вы стараетесь для пользы дела, но закон выше всего.

– Так точно, товарищ полковник.

Поднявшись после оперативки к себе на второй этаж, он увидел в коридоре Мамедова.

– Здравствуй, Асхат. Молодец, что пришел.

– Как договорились. Отпросился у мастера на часок, после смены отработаю. Девку отпустил?

– Нет. Но сейчас отпущу. Ты сиди тут, чтобы она тебя уви-

дела.

– Я поздороваюсь, скажу ей...

– Ничего не говори, пожалуйста. Только поздоровайся. Если будет темнить, я тебя позову.

Привели Жукову. За ночь в камере она осунулась, глаза стали жалобные, губы с остатками помады скоробно изогнулись уголками вниз. Поздоровалась тихонечко, еле слышно. Села, ручки на коленях сложила покорно: вот я, мученица, пожалейте бедную девочку.

Мельников, давая ей время оглядеться и прочувствовать важность предстоящего допроса, вынул из стола и положил перед собой бланк протокола, стал заполнять графы общих сведений: фамилия, имя, отчество, год рождения, семейное положение, адрес... Жукова отвечала с готовностью, глядя в глаза: видишь, дескать, какая я честная, какая послушная, ни в чем не виноватая, вся как на ладошечке. Рольку свою играет вполне правдоподобно, недаром участковый Брусевич пожалел: несчастная бабенка. Хитренькая она, вот что. Признать, что несчастна из-за себя же, не хватает совести и ума, значит, и изменить образ жизни добровольно она не способна.

Мельников отложил шариковую ручку. Повел беседу непротокольную. И вновь услышал голубую исповедь о сокровенной мечте Светланы поскорее возвратиться под отчий кров к бесконечно ею уважаемым родителям, к горячо любимому сыночку, устроиться на работу... Куда устроиться?

Хотелось бы в ресторан официанткой. Призвание у нее такое. В какой ресторан? В «Кедр». Н-нет, еще не оформилась. Сперва пообещали, потом сказали, что нет свободных мест. Но завтра же она пойдет устраиваться в какой-нибудь другой ресторан. Или в кафе. И сегодня же вернется домой... если ее отпустят. Ой, у нее прямо вся душа изболелась, как там мамочка, как сыночек!.. И ведь слезы на глазах. Плохо ее дело. Изолгалась.

– Если вы говорите искренне, Светлана...

– Ну вот честное слово!

– ...и намерены вернуться в семью, поступить на работу, то можно вас отпустить. В трудоустройстве мы вам поможем. Не официанткой, конечно, рестораны вам противопоказаны.

– Ну почему...

– Сами знаете почему. Из «Кедра» вас в вытрезвитель увозили?

– Меня? Когда?

– Сейчас уточним, – потянулся Мельников к телефону.

– Ой, вспомнила! Случайно это, я в норме была...

– А в другой раз? Тоже в норме?

– В другой? Так ведь тогда не из ресторана. И вообще... Я сама устроюсь, не надо помогать, у вас и так дел, наверно... Завтра же пойду, честное ело...

– С кем вы бываете в ресторанах?

– Я? С кем? Муж пригласил... бывший. Еще? Знакомые. Фамилия? Чья? Знакомого? Я не знаю.

– Вот так знакомый – фамилию не знаете! А кличку?

– Как это – кличку? – невинно захлопала ресницами.

– На ваших глазах жестоко избивали ни в чем не повинного человека, пинали ногами. Когда? Седьмого апреля. Помните, Светлана, все вы помните. Потерпевший Мамедов вас опознал, сейчас его позову.

– Ой, не надо его! Я его боюсь, они мстительные, кавказцы.

– Рассказывайте тогда сами. Вы продавали ему водку?

– Один только раз, честное слово! Хотели пойти к подруге на день рождения, взяли с собой бутылку. А в «России» кино шло интересное... Денег у нас не было, даже на хлеб не было. Мы и продали бутылку эту...

– Как фамилия, имя подруги, у которой был день рождения?

– Валя. Или Вера. Она не моя, она Наташкина подруга.

– Кого вы знаете из тех, кто бил Мамедова?

– Какого Мамедова? А, того... – Пауза.

– Светлана, я знаю, что вы и Вепрева сидели в машине, смотрели, как трое хулиганов избивают человека. Возбуждено уголовное дело. Только что вы обещали изменить образ жизни, вернуться к семье, а сами продолжаете лгать. Оказывается, нельзя вам верить. Сейчас вас отведут обратно в камеру, подумайте...

– Ой, не надо в камеру! Вы же обещали отпустить!

– Так говорите честно обо всем, что видели там, в лесу.

Кого из хулиганов знаете по именам, по кличкам?

– Ну, одного называли Гирия. Больше никого, честное слово!

Вот как! Гирия и тут наследил. Не подвела интуиция!

– Вы с Вепревой сидели во второй машине, так?

– А? Во второй? Ага, кажется, во второй.

– Машина серого цвета?

– Нет. Я забыла, какой цвет.

– Кто был за рулем этой машины? Кто? Говорите правду.

– Ну, Игорь.

– Правильно, Игорь. Как его фамилия?

– Вы же знаете сами.

– Мы много чего знаем. А вы отвечайте на вопрос.

– Ну, Корнев.

– Он инициатор избиения?

– Как – инициатор? Ой нет, что вы! Он вообще никого не трогал, стоял возле машины.

– Расскажите все по порядку. Я жду.

Было, по словам Жуковой, так. Света и Наташа отправились в кино. Да, в «Россию». Повстречали знакомого, Игоря. У него машина. Какая? Светлана в них не разбирается, машина, и все. Предложил покататься. Они сели...

Пауза.

– Вы сели. Дальше.

Дальше у нее получалось не очень правдоподобно. Будто бы подбежали два незнакомых парня... Внешность? Обык-

новенная, нормальная. Как называли друг друга? Кто-то назвал одного Гирей. Нет, не Игорь, а другой парень так назвал. Парни сели в мд-шину, один рядом с Игорем, другой с девушками, и говорят: гони вон за той «Жигой». Игорь поехал. Почему поехал? Наверно, испугался тех парней, они выпивши... Приехали в лес...

Пауза.

– Приехали. Дальше. Светлана, вы ведь домой торопились?

Дальше... По голосу, по выговору девушки узнали того кавказца, его часто у «России» видели, как-то раз с ним разговаривали... ну да, когда бутылку ему... Гиря и тот, другой, стали его бить. Игорь не бил, Игорь их отговаривал: хватит, мол.

– Его и не сильно, так, несколько раз, стукнули, и все.

Совсем плохо ее дело. «Несколько раз стукнули, и все...» Нет в женщине сострадания к чужой боли, обиде, есть в ней лишь презрение к жертве. Усвоила подоночную психологию.

– За что же все-таки били?

– Я не знаю.

– Куда вы потом поехали?

– Обрато к «России».

– И вторая машина?

– Те не знаю куда.

– Где вышли двое хулиганов?

– У «России».

– Деньги заплатили Корневу?

– Нет.

– Как Корнев объяснил вам эту поездку?

– Никак. Он же ни при чем, он случайно, он их совсем и не знает, первый раз видел.

Больше ничего путного от нее Мельников не добился. Пора было закругляться и докладывать полковнику, что незаконно задержанная отпущена. Он записал показания, дал Жуковой прочитать и подписать.

– Идите, Светлана. Подумайте, на что размениваете молодость!

– Ой, я все поняла, все будет нормально! Честное слово!

Мамедов стоял в коридоре – обошла его по стеночке и застучала часто каблучками к выходу.

– Я думал, ты меня вызовешь, – разочарованно сказал Мамедов.

– Не было такой крайности, Асхат. Но ты и в коридоре пригодился. В понедельник как работаешь?

– С четырех моя смена. Что хочешь?

– Надо бы тебя. Для опознания нападавших.

– Слушай, ты их нашел?

– Они в СИЗО. В следственном изоляторе.

– Ай молодец! Когда в понедельник прийти? К десяти? Обязательно приду! Ты молодец, старлей, честное слово.

У всех честные слова. А честность разная.

Итак, Гиря-Киряков здесь тоже фигурирует. Надо пола-

гать, вместе с напарником Гусаковым – два сапога пара. Нет ли у них хозяина, давшего задание напугать таксиста Зворыкина, избить Мамедова? Кто такой Игорь Корнев? Он тут в самом деле случайно или своя у него роль? Это еще надо выяснить. А вот дело об избииении Мамедова раскрыто – в обмен на втык от полковника. Игра стоит свеч?

Мельников пошел к следователю Хромову.

– Саша, ты доложил полковнику о задержании Жуковой? Зачем так делать без согласования со мной?

– Да я и не знал, что ты ее задержал. Если бы и знал, не сказал бы. А доложил наш бдительный Репеев, я слышал сам, когда входил к полковнику.

– И откуда у него информация?

– Сорока на хвосте принесла. Фамилия сороки – Демидов, сержант из конвойного взвода. У них дружба, это весь район знает.

– Гм! Порадуемся, что рядом с нами служат такие юридически грамотные сержанты. И будем иметь в виду.

– Что ты ему еще трепанула? – Жесткие серые глаза Игоря смотрели холодно и презрительно.

Бедную Светку Жучку допрашивали сегодня во второй раз. Опять надо было напрягать извилины, чтобы не завратиться, не сказать лишнего, для себя вредного. В милиции – еще ничего, там знала, что бить не будут, а от Игоря можно ожидать...

– Игорь, честное слово, больше ничего такого! Прямо не знаю, как это у меня вырвалось, про тебя-то...

– Она не знает! – прищурилась Наташка Вепрева сквозь сигаретный дым. – Я же тебе, дура, сколько в башку вбивала: мы ничего не знаем, ничего не видели; пьяный «черный» приставал, мы от него ушли, теперь он на нас в отместку бочку катит, вот и все. Кто тебя за язык тянул Игоря впутывать?

– Да-а, тебя бы ночь подержать в камере...

– Наташка! – поднялся Игорь. – А ну выйди.

– Чего это я из своей квартиры должна...

– Выйди, сказано!

Наташка ткнула сигарету в пепельницу, собрала грязные тарелки со стола, отнесла на кухню и ушла в коридор, хлопнув дверью.

– Игорь, ты чего, Игорь!..

Жучка от удара взвизгнула, брякнулась в стену спиной.

– Игорь, не надо! Опять до синяков меня... А-а! – Жучка успела отвернуть лицо, второй удар пришелся по затылку. – О-ой, бо-ольно!

– Не ори, хуже будет. – Игорь забрал ее волосы в кулак.

– Я не ору... Ой, больно же! Игорь, ну хватит! Он же меня опять вызовет, как пойду в синяках вся!

Помогло – Корнев отпустил.

– Когда он вызовет?

– Откуда знаю? Может, завтра.

– Завтра суббота.

– Ты бьешь вон как, синяки и до понедельника не...

– Чего ему еще от тебя надо? Не знаешь. Ничего ты не знаешь, стерва патлатая. Запомни, если кроме того, что трепанула, еще чего добавишь...

– Ну, Игорь, ну, честное слово!..

– Честного от тебя не дождешься. Придушить бы тебя, Жучку дворовую, чтоб людей не закладывала! Иди позови Наташку. Сама сиди на кухне, не высовывайся.

Наташка явилась обиженная, нервно закурила сигарету. Не взглянув на Корнева, стала у окна. Он подошел, погладил ее по худущей спине.

– Не дуйся, Натаха. Это ж такая дура безмозглая, черт ее знает что вякнет на следующем допросе ментам. Заявит, что я ее бил. Не хочу, чтобы тебя свидетельницей таскали.

– Бил? А может, вы тут целовались. Бывало же.

– Ревнуешь? К ней?! – Обнял, прижал, улыбнулся. – Брось, мало ли чего бывало у меня и у тебя. Ты вот что. Если призовут опять к тому оперу, к Мельникову, надо условиться, чего говорить будешь. Что Жучка про меня твякнула, то подтверждай, чтобы не запутаться: неизвестные сели в машину, пригрозили мне, заставили ехать в лес, там была драка, кто с кем, вы не поняли, ясно? И Жучку так насобачь. Вот Гирю она заложила, гадюка! Ты узнай через Алика-сержанта, когда Гирю с Гусаком на допрос повезут из тюрьмы. Срочно узнай, сегодня же.

– Он же с Жучкой крутит, где я его найду.

– Сходи к нему в милицию, соври, что Света его видеть хочет, соскучилась. И про Гирию спроси, мол, свидетельницей вызывают, ясно? Когда их привезут в «воронке», будь там, в милиции, передай Гире записку.

– Игорь, я не...

– Заткнись. По ресторанам гулять, импортное шмотье иметь любишь, так и делай, что велю, ясно? Жучку здесь запри, пускай одумается. Сама сейчас же к Алику.

– Мне с двух на работу. И так сколько раз отпрашивалась.

– Надо будет, и еще отпросишься. Если сыскарь Мельников расколется Гирию, кончилась и твоя веселая жизнь.

– Уж с тобой веселье! Все какие-то приказы, будто мы со Светкой в рабстве у тебя.

– Не в рабстве, а в долгу. Кто тебя выручил, когда с парфюмерией погорела? Ну и все, кончай эти разговоры.

– Игорек, ты ночевать придешь?

– В другой раз когда-нибудь.

– Когда это – когда-нибудь? Опять к жене своей драгоценной побежишь?

– Не до баб мне, Натаха. Придурок Гирия перестарался, сволочь гугнявая. Надо было, как раньше в таких случаях делали, пугнуть хорошенько чужака, ну ограбить, если без навару нету интереса. Но зачем на кладбище мотаться, бросать таксера связанного? Как нарочно, чтоб он со злости заявление настрочил. Теперь Гирия с Володькой на срок загремят, а я думай, засветили они меня или нет. Ну, я пошел,

Натаха.

Обнял, притиснул, и – хлопнула дверь. Из кухни появилась Светка.

– Ушел? Ну и гад! – Сунулась к зеркалу, потерла пальцами вспухшие подглазья. Выругалась грязно. – Опять фонарь всплывет.

– Еще не так надо тебе вломить. – Наташка оттолкнула ее, принялась натирать щеки румянами. – Я ухожу, тебя здесь запрю. Чего «не», когда Игорь велел. Сиди, думай, что наболтала, накапала.

– Господи, все велят думать! Чего тут думать, когда везде невезуха. Эх, жизнь распроклятая! Натка, выпить нету у тебя?

– В честь чего тебе такая премия – выпить?

– Да ладно, еще ты будешь воспитывать. Тошно мне, Наташка, прямо хоть реви.

– Раз тошно, и пореви. Возьми вон за диваном в бутылке грамм двести.

– Гражданин начальник, я ж в признанке, чо еще резину тянуть. Пускай судят, да в зону короче.

Гиря-Киряков затягивался сигаретой и жмурился, как сытый кот.

– Чего это в зону тебе так не терпится?

– Надоело в СИЗО кантоваться. Лучше вкалывать, чем так-то, в крытке.

– Работающий ты, оказывается.

– А чо? В зоне я всегда без туфты вкалываю, можете проверить.

– Проверить кое-что надо.

Мельников списывал на бланк протокольные данные Кирякова Виктора Семеновича, ранее судимого по статьям... и так далее.

– Проверить, говорю, надо, все ли ты чистосердечно...

– Да все, начальник, раскололся полностью. Разве мелочь какую позабыл, а так все чисто и сердечно.

– У таксиста Зворыкина раньше водку покупал?

– Не-е.

– У кого покупал из бомбежников?

– Они, собаки, по четвертаку за пузырь дерут, откуда у меня деньги!

– На что жил? На какие средства?

– Галька работает.

– Значит, на ее шее сидел, здоровый мужик?

– Я устраиваться хотел.

– Долго что-то хотел. С февраля, как освободился из колонии. Ну-ка вспомни, Витя, такую мелочь: кто вас с Русаковым подстрекал напугать Зворыкина?

– Никто. По пьянке вышло. Надо было еще выпить, денег нету...

– А кто предложил избить Мамедова?

– Чо-о? Какого Мамедова? Не знаю такого.

– Память у тебя слабовата? Напомню. Вы с Гусаковым и с... с кем еще, лучше бы ты сам назвал... поехали в «Жигулях» от кинотеатра «Россия» в лес, там уже стояла другая машина. Вышли и стали избивать человека. Потом оставили его, лежащего без сознания, и уехали. Произошло это седьмого апреля. С вами в машине находились две женщины, Наталья Вепрева и Светлана Жукова. За рулем Игорь Корнев. Раз уж ты решил давать чистосердечные показания, так расскажи подробно, как все происходило.

– Брось, начальник! Нечего мне рассказывать. Таксера пощипали, придурка того, Сахаркова Ваньку, только совсем уж лопух не обчистил бы, мы еще мало прихватили. Все, боле ничо не знаю. Чужое дело вешаешь, начальник. Чужое не возьму, своего хватает.

– Витя, а если проведем опознание? Опознает вас с Руса-

ковым потерпевший, тогда вся твоя «чистосердечность» накрылась. На суде все учитывается, Витя.

– Туфта все это, начальник, будто на суде признанка в зачет идет. Вам лишь бы засадить. И на понт меня не бери

Гирия вел себя уверенно, поглядывал на Мельникова, на следователя Хромова с явной насмешечкой. Сигарета в пальцах дымится – фильтром наружу, огнем к ладони. На каждом пальце татуировка: «перстень с бриллиантом». Тем эти перстни хороши, что их пропить нельзя всю жизнь, не то что обручальное кольцо Зворыкина.

Вот оно, давление на следователя, – лживая наглость. Гирия закон позволяет врать, изворачиваться: преступник не несет ответственности за дачу ложных показаний. Такие вот Гири, не раз судимые, свои права на вранье хорошо знают и применяют часто: авось следователь поверит или поленился искать дополнительные улики или срок расследования истечет, а там, глядишь, на суде и отвергнут частично обвинения. Что ж, применим нажим законный.

– Так что, Витя, проведем опознание?

– Хоть тыщу.

...Оперативник Жора Малевский постарался: пятеро молодчиков сидели рядком один к одному, не только возрастом, но обличьем схожи. У противоположной стены, в уголке, две женщины слушали Хромова, который объяснял им права и обязанности понятых, и дама под пятьдесят солидно кивала, полная достоинства и сознания, что лично борется с

преступностью; молодая плохо слушала Хромова, все взглядывала на пятерых парней, которые чудились ей, наверно, бандой гангстеров из кинобоевика.

Малевский пригласил в кабинет Мамедова. Асхат волновался. Еще в прежние с ним встречи заметил Мельников, что при волнении его смуглое кавказское лицо становится сероватым, на бритом подбородке и скулах выступает синева. Волнение – плохой помощник памяти...

– Мамедов, узнаете вы кого-либо из присутствующих здесь? – задал обычный вопрос следователь.

Сразу же взгляд Мамедова уперся во второго слева:

– Этот бил! Он первый ударил!

– Ты чо, ты чо клепаешь! – сорвался Гирия. – Начальник, я его первый раз вижу!

– Точно он! – указал пальцем Мамедов.

– Когда я тебя бил, падла?!

– Сядьте, Кирыков. Гражданин Мамедов, больше никого не узнаете?

Асхат с трудом отвел колючий взгляд от Гирия.

– Слушай, вот этот тоже! Больше нет... Третьего здесь нет.

Гусаков равнодушно глядел в окно. Гирия же не мог усидеть:

– Его нарочно подставили. Я прокурора требую, пускай его за ложные показания...

– Сделать заявление прокурору ваше право. Уведите Ки-

рякова, дайте листок бумаги, пусть пишет. Понятые, прошу задержаться. Остальные товарищи могут идти, спасибо. Кроме, конечно, Гусакова.

Хромов дал понятым протокол, они прочли, расписались и ушли. Гусаков сидел все так же бесстрастно, положив руки на колени.

– Садись поближе, Гусаков, – сказал Хромов.

Поднялся, пересел на стул напротив Мельникова, замер в той же позе. Из материалов на Гусакова следовало, что он судим дважды, обвинялся в грабеже, и бывал тот грабеж дешевым, бутылки ради, но с применением кулаков, а они у Гусакова веские, так что Мамедов еще легко отделался. По первому разу юного тогда Гусакова как «чистосердечно раскаявшегося» приговорили к условному сроку. Года не прошло, опять суд, на этот раз – три с половиной года лишения свободы. И снова проявили гуманность: направили на стройку народного хозяйства. Недолго хозяйствовал там: за пьяную драку в общежитии, за многократное нарушение режима вернули в зону. Наверно, и туда возвращался он с такой же равнодушной миной: притерпелся к зоне, там не надо думать о себе, все по распорядку, строим. На воле для него всюду примитивные, грубые соблазны, и некому остановить, запретить вовремя. Умей он удержать себя сам, получился бы здоровый рабочий человек, умелец в каком-нибудь ремесле.

Впрочем, может быть, Мельников и сам додумал характер Русакова, глядя на большие его руки, лежащие на коле-

нях как бы вынужденно, вопреки их природе. Опыт подсказывал Мельникову, что с обладателями таких вот рук легче наладить контакт, чем с болтливыми вертунами вроде Гири. За угрюмостью Русакова угадывались остатки достоинства, пусть блатного, но все-таки достоинства. Предложенную сигарету он брал, словно одолжение делал. Каждый свой ответ обмысливал, как гроссмейстер обдумывает ход на международном турнире. Следователь Хромов тоже много курил, так что у Мельникова першило в горле.

Гусакова с ответами не торопили, об очной ставке с потерпевшим пока не заикались. Так, о житье в спецкомендатуре спрашивали, о работе на «химии», на тарном складе.

– На таре? Тоже мне работа!

– Не понравилось?

– Ну. И на пиво не зарабатываешь.

– Тебе надо на коньяк в ресторане?

Молчит. Зряшная для него эта подначка: до ресторанного коньяка фантазия не поднимается, ему бы водки каждый день и где придется, в провонявшей ли квартире Гальки Черняхиной, на кладбище ли глубокой ночью.

Следователь больше слушал, сам в разговор не вступал: у Мельникова с подследственным контакт установился, пусть Мельников нащупывает истину.

– Видишь, Володя, опознал тебя потерпевший, – подошел Мельников к сути дела. – Есть еще и свидетели, можно провести второе опознание. Или достаточно одного, как счита-

ешь?

– Мне без разницы. Делайте, сколь вам надо.

– Но ты признаешь, что седьмого апреля вы с Киряковым избили в лесу Мамедова?

– Опознал, значит, было.

– Кто еще участвовал в избиении?

– Вдвоем мы.

– Мамедов заявляет, трое били.

– Значит, втроем.

– Кто третий? Спрашиваю, кто третий там был? Игорь Корнев?

– Не знаю такого.

– Володя, ну что из тебя вытаскивать по слову! Расскажи лучше сам по порядку, как там получилось.

По порядку у Гусакова получилось так. К «России» они с Гирей приперлись тогда не в кино, а соображали, как бы выпить. Потому что одного пузырька на двоих мало. Думали, может, кто знакомый встретится, денег призанять – лучше без отдачи. Подходит какой-то хмырь. Прежде его встречать не доводилось. Говорит: «Одного тут мильтонского сексота поучить надо, бутылек ставлю». Сели в его машину. Какую? Хрен ее знает. Номер? Им не номер, а бутылка была нужна. Цвет? И цвет им до фени. Поехали за город. Где улица кончается, там налево свертка, по той свертке. На поляне машина стоит, два мужика права качают, друг дружку за глотки хватают. Который привез, он говорит: «Вон того, черного,

сделайте». Ну, сделали. Пару раз по морде. Сели, уехали.

– Бутылку заработали?

– Ну.

– Кто он, ваш наниматель? Игорь Корнев?

– Откуда я знаю? Попутали его, что ли? Вот и спрашивайте, как его фамилия, а я вам не паспортный стол.

– Женщины с вами ездили?

– Какие-то две сидели вроде.

– А Игорь?

– Какой Игорь?

– Который вас привез. Он тоже бил Мамедова.

– Он не бил. В стороне стоял, наблюдал.

– Какой из себя?

– Не разглядывал, он не девка.

– А девок-то хоть разглядел?

– Не. Темновато было, а мы бухие малость. Нет, описать никого не могу.

Протокол своих показаний Гусаков читал долго, внимательно. Подписал. Увели.

Сроки расследования дела истекали. Надо было или передавать материал в суд, или просить прокурора о продлении сроков. Хромов поколебался да и махнул рукой: прокурорское продление сомнительно, пусть идет в суд – это в общем-то законченное дело.

В четверг на очередном политзанятии начальник райотдела, укоризненно оглядывая сотрудников, опять напомнил неприятные цифры: преступность в районе за первый квартал по сравнению с таким же прошлогодним периодом возросла на сорок процентов, а раскрываемость, увы, снизилась... Мельников не удержался от реплики:

– Преступность растет, а штаты милиции прежние, от этого преступность еще больше растет, а раскрываемость...

Полковник прервал реплику банальной, хотя вообще-то правильной фразой:

– Генералиссимус Суворов учил, что побеждают не числом, а умением.

Калитин шепнул:

– Ради бога, не спорь с генералиссимусом, с полковником тем более. Только время затянешь, а нам надо бежать повышать ее, раскрываемость.

Но Мельникова несло:

– Раскрываемость у нас по сравнению с другими райотделами не так уж и низка.

И снова полковник выдал фразу, с которой не поспоришь:

– Равняться, Мельников, следует на передовиков, а не на аутсайдеров.

Вот за такие неопровержимые фразы полковник и поль-

зовался уважением в городских и областных солидных инстанциях. А старший лейтенант Мельников за свои реплики все никак не дорастал до капитанского звания.

Раскрываемость – большая «мозоль» каждого настоящего оперативника милиции. Не ради цифры в отчете – ради справедливости крутишься как белка в колесе, и, будто спицы этого колеса, мелькают происшествия, лица, вещественные доказательства, документы. Одни тотчас же уносятся в прошлое и забываются, другие держатся долго, а то и превращаются в постоянный, колющий память укор за безнаказанные мерзости, нераскрытые преступления.

Уголовное дело Гири и компании не бог весть какое шерлок-холмовское, потерпевшие Сахарков да Зворыкин, по правде говоря, получили по заслугам. И правильно, что Хромов решил передать дело в суд. Но осталась у Мельникова какая-то соринка на совести, чувство не вполне законченной работы. Он говорил оперативнику Малевскому:

– Надо, Жора, все-таки вызвать на допрос этого Корнева.

– Звонил я, в общежитие заходил, он все еще в командировке.

– Сторож – в командировке?

– В стройуправлении он активист, член профгруппы, иногда его посылают к поставщикам выбивать материалы, оборудование. Знаешь, как теперь: я тебе кирпич, ты мне подъемный кран. Характеризуют Корнева положительно, пользуется все общим уважением. Дело Гири мы закрыли, на что

тебе Корнев?

– Не все тут ясно. Кто третий присутствовал при избииении Мамедова? Каким боком причастен к этому положительный Корнев?

– Следователь передал дело в суд, а нам что, заняться нечем? А бандитов-угонщиков искать? А две опять квартирные кражи? А драка у ресторана «Огни Шиханска»? Ты, конечно, начальник, приказывай, доставим тебе Корнева, как вернется из командировки, но не разорваться же нам, верно?

Верно, не разорваться. В ночь на воскресенье кража со взломом на складе вещевого довольствия железнодорожников, вору залили след соляркой, зацепок никаких. В понедельник – труп неизвестного близ городской свалки...

Но в среду принесли из СИЗО записку, изъятую при досмотре из ботинка Кирякова. Гирия прятал ее там, возвращаясь с последнего допроса у следователя. На измятом клочке оберточной бумаги было накорябано карандашом: «Гирия не будь сукой никакво не припутывай, то жить не...» Конец записки оборван, Киряков пытался ее уничтожить. Ну Гирия! Ну темнила!

– Что думаешь делать с этой запиской? – спросил Мельников следователя.

– Придется опять везти его из СИЗО на допрос, – сокрушенно развел руками Хромов. – Дело в суд еще не отправим, но уж все подшито... Понимаешь, загрузили меня, как верблюда, еще эта записка.

– Похоже на угрозу: «...то жить не...» Кто пугает Гирию?

– Меня вот путает, что придется просить прокурора о продлении срока расследования. Он станет ворчать, что следствие затянулось, что Киряков с Гусаковым томятся в СИЗО...

– Но согласись, Саша, что в нашей с тобой работе остались «белые пятна». Неясна роль Корнева...

– Здравствуйте, уважаемые коллеги! – В кабинет следователя вошел Калитин. – Тут кто-то упоминал Корнева? Или мне послышалось? «Без промедленья, сей же час, позвольте познакомить вас»: Корнев Игорь Васильевич, тридцати двух лет, сторож стройуправления номер четыре, женат и разведен, имеет сына шести лет, год назад проживал по улице Мичурина, 126, в июне прошлого года задерживался сотрудниками ОБХСС Кировского РОВД за спекуляцию водкой у вокзала, изъято три бутылки «Российской», составлен протокол, велено было явиться на следующий день в райотдел для оформления административного взыскания, то есть штрафа. – Калитин глянул на оживившиеся лица Мельникова и Хромова и продолжил: – В райотдел Корнев не явился. Поручили участковому доставить приводом. Но оказалось, что Корнев по указанному им адресу не проживает, так как с женой недавно разошелся, нового его места жительства жена не знает. Из семьи он не просто ушел, а уехал на собственной «Волге», гараж стоит пустой, и где та семейная «Волга», жена тоже не в курсе и знать не желает, потому что бывший

муж ее больше не интересуется, – приблизительно так записано с ее слов в прошлогоднем дознании по линии ОБХСС.

– Номер-то «Волги» известен, запросить бы ГАИ.

– Запросили. Ни один гаишник этого номера с тех пор не видел в городе.

– А по месту работы?

– Из СУ-4 он скоропостижно уволился «по собственному», уехал в неизвестном направлении. Из-за трех поллитровок объявлять всесоюзный розыск не принято.

– Но ведь нашелся же?

– Через два месяца. Вернулся в лоно семьи и был прощен. Понимаете его расчет? Кончился срок привлечения его к ответственности за мелкую спекуляцию, и вот блудный муж приехал домой на той же «Волге», но уже с другим номером. Мимо нашего внимания прошло его заявление в ГАИ, что неизвестные жулики украли ночью с его машины номера. Заплатил десятку, дали новые. Жил это время у приятеля. Может, у приятельницы, данный вопрос не входит в компетенцию ОБХСС. Вот и все о Корневе, что я обнаружил в нашем архиве за прошлый год. Ты, Миша, не желаешь познакомиться с ним лично?

– Желание такое есть. Но, во-первых, Корнев в командировке. Расторопный сторож у них по совместительству еще и толкач. Предприимчивые мужики, а Корнев, судя по всему, таков, сейчас в цене. Во-вторых... Ох, во-вторых, текучка, дефицит времени у нас хронический. Сегодня перехватили

у Кирякова записку, и, возможно, это ниточка к еще какому-то его поделнику. А я ловлю себя на мысли, мол, лучше бы той записки и не было, не возвращаться бы к делу, которое хотелось бы считать законченным.

– Записка, разумеется, без подписи?

– И без обратного адреса, – усмехнулся Мельников. – Даже без концовки, ее Гирия успел оторвать и выбросить.

– Тогда чего проще: порви остальное и – с глаз долой, из сердца вон.

– Тебе смешно, а я в цейтноте.

– Утешься, не ты один.

– Гражданин начальник, ну вот сука буду, век свободы невидать, не знаю, кто написал! Вчерась по лестнице от следователя вели, гляжу, бумажка валяется. Думал, может, деньги кто завернул. Так, на всякий случай, нагнулся, в ботинок сунул. В тюрягу приехали, попкарь на шмоне отобрал.

– И не знаешь, что там написано?

– Не знаю, вот чтоб мне...

– Что-то много ты, Витя, клянешься.

– Потому что я чисто и сердечно.

– Хочешь, прочту записку, тебе ведь адресована. Слушай. «Гирия...» Видишь? Гирия у нас только ты, других поблизости не водится, «...не будь сукой, никого не припутывай...» Концовку ты оборвал.

– Не я, попкарь рванул.

– Ладно, пускай прапорщик рвал, а кто написал? Ты, Витя, плечами не пожимай, говори уж до конца, что за тобой осталось. Докажи свою чистую сердечность.

– И так все признал, чо помню.

– Вспомни остальное.

– Да чо надо-то? Напомни, начальник.

Ишь ты, хитрец! Посиживает, покуривает, будто у Гальки Черняхиной на кровати, дым в потолок пускает. Мельников злился. Каждая минута на счету, а вот сиди слушай, нащупывай контакт с туповатым трепачом, чтобы не пропустить в словесной мякине нечаянно оброненное зерно истины. Злился Мельников. И ничем это не проявлял. Терпение, умение выслушивать и пустопорожнюю муру – тоже инструмент розысчника. Сделан этот инструмент из тонких нервных волокон и может со временем истончиться, а то и вообще порваться. Сколько оперативников, следователей, других профессионалов милиции заплатили за капли истины – ранними сединами, инсультами, инфарктами. И жены их, и матери их.

...Провожали на пенсию старого служаку-участкового, капитана Бурова. Грамотешка у мужика – армия да школа милиции. Но за двадцать восемь лет службы – богатый опыт. В столовой, где накрыты провожальные столы, тесно от гостей. Одни жалеют, что Буров уходит, каков-то окажется работник ему на смену. Другие, может быть, с тайной радостью потирают руки: авось при новом участковом станет легче де-

лишки проворачивать, не каждое лыко в строку протокольную попадет. На столах яства из лучшего общепитского ассортимента, постарались поварихи. Пора и за столы. Да ждут жену Бурова, задержалась что-то дома. Уж она-то рада, что кончились постоянные ее переживания за мужа-милиционера! Буров послал внука поторопить бабушку-копушку. Возвращается внук в слезах, белее столовских стен: лежит в горнице жена капитана милиции в праздничном платье – нежива... Всю совместную жизнь стойко выносила тревоги – в радостный день остановилось изношенное сердце. А была на восемь лет моложе капитана, работала в тишине и покое – библиотекарем. Но у мужа, кроме тревог, были и успехи, а у нее только терпеливое ожидание...

– ...И таксер тот барыга, ваш Зворыкин, всю дорогу водярой барыжит, да его не содят, а кто со спекулянтами борется, того в тюрягу, где справедливость?!

– Ты, борец за справедливость, не болтай, а отвечай: кто послал записку?

– Не знаю, ну вот легавый буду... Ой, я извиняюсь, гад буду! Чо от меня надо, не пойму, начальник. Тянешь резину, в тюряге держишь... Гальку ко мне вчерась следователь не пустил, хотя бы сигареты разрешил передать, пожрать тоже...

– Хорошо, уговорил ты меня, завтра же попрошу следователя кончать твое дело, и до следующей встречи, Витя. Но сегодня, чтоб моя совесть была спокойна, давай правдивые показания. Чья записка? На что в ней намек? Кого велят по-

крывать?

– Эх! Раз на то пошло... Я темнить не люблю.

– Ага, я это сразу заметил.

– Только, гражданин начальник, кончай короче волынку, пушай в колонию отправляют, надоела тюряга. Значит, так. В феврале, кажись... Может, в марте, в начале, не шибко уж холодно было... С каким-то хмырем, забыл, как звать, купили мы у шоферилы-бомбежника одну на пару. Четвертак содрал, падла! Воткого сажать надо!

– Дай номер машины, словесный портрет водителя – найдем, посадим.

– Да бр-р-ось, начальник, мозги мне пудрить. Посодите вы! Бомбежник сунет менту на лапу, и ни хрена ему...

– Купили вы бутылку, и что дальше?

– Понятно чо. Выпили, чо больше-то.

– С кем?

– Паспорт евонный я не глядел. Он подошел в магазухе: скинемся на двоих? Ну и порядок. Он недавно «от хозяина», срок оттянул. Ну, распили – мало. В общем, стопорнули мы каких-то двоих пэтэушников по пьянке, шапки, куртки взяли. Одну куртку и шапку толкнули бомбежнику за пузырек, другую ваши оперы забрали, когда у Гальки Черняхи шмон делали. Так получилось... Кабы не бухой был, на такую дешевку бы не обзарился, конечно.

– У тебя, Витя, вся жизнь дешевка сплошная. Не обижайся, я правду сказал. За бутылку мальчишек обидел, за две

таксиста бил, пугал. Или за таксиста больше дали? А, Витя?

– Кто чо дал? Чо ты все подловить меня мыслишься?

– Не подловить, а правды жду: чья записка?

– Наверно, от того хмыря, с которым пэтэушников это...

Боле некому, честно!

– Как звали хмыря? Не молчком же вы распивали.

– Вроде Васька. Или Ванька. В другой раз записывать стану, гы-гы. В общем, так, начальник, я все чисто и сердечно.

Боле ничо на меня не вешай, не выйдет номер, понял?

Как не понять: Гиря опять врет. Зачем бы случайному собутыльнику писать угрозы? Да все равно, срок расследования не продлят из-за какого-то затертого обрывка записки, где ни вновь открывшихся обстоятельств, ни даже намек на них.

Расследование преступления – процесс творческий, и есть тут свои гении и свои бездарности. Капитан Калитин гением себя даже и во сне не воображал: хозяйственные преступления множатся, как амебы под микроскопом, так что нечем обэхээсникам тешить профессиональное самолюбие.

Вообще-то, убедившись в собственной бездарности, порядочный человек должен сменить сферу деятельности. Однако раскрываемость хозяйственных злоупотреблений в Кировском районе была значительно выше, чем в среднем по области. Калитину и девяти его сотрудникам удавалось распутывать довольно хитроумные махинации здешних ловкачей. Взять хотя бы дело Гуровской.

Муза Борисовна Туровская, очень представительная дама бальзаковского возраста, работала до последнего времени директором кафе «Свадебное», была на хорошем счету у руководителей райпищеторга, даже у первых лиц города Шиханска. Поскольку эти лица по традиции снабжались деликатесами как раз через «Свадебное», то к директрисе кафе никогда никаких претензий не было, а если отдельные недоразумения и возникали, то вскоре улаживались к взаимному удовлетворению сторон. Обычные же заказчики свадебного стола платили, не вникая в счета: вроде дороговато обошлось, но в торжественный день бракосочетания стыдно ме-

лочиться.

Однако попался как-то занудливый папаша перезрелой невесты, бывший главбух некоего иногороднего торга. Потому бывший и иногородний, что в том, бывшем его городе и торге тоже был не дурак слегка урвать детишкам на коньячишко. В результате потерпел от тамошнего ОБХСС и едва не загремел в места незлачные и необильные. Он спешно возместил недостающие суммы, благополучно вышел из опасной ситуации, но пришлось уехать от греха в другой город, в Шиханск. Он-то и вздумал проверить счет в кафе «Свадебное», пока свадьба дочери пела и плясала. Прикинул, обнаружил, что сорвали лишнее. Не поднимая шума, бывший главбух обошел пляшущих, приблизился к стойке буфета, познакомил буфетчицу со своим перерасчетом, высказал желание получить обратно переплаченную сумму. Глупая буфетчица, привыкшая к высокому покровительству, вместо того чтобы вернуть требуемое и разойтись с клиентом полюбовно, нахамила правдоискателю, компенсировать разницу отказалась. Бывший главбух возжаждал справедливости: почему то, за что я погорел, кому-то сходит с рук?! Так в ОБХСС Кировского РОВД возникло дело Гуровской.

Городские «верхи» проявили недовольство: что это вздумалось милиции дискредитировать почти образцовый, многократно поощрявшийся коллектив, его инициативного руководителя? Сказано это было не капитану Калитину, а по

инстанции – полковнику, начальнику райотдела. Тот в свою очередь провел профилактическую беседу с Калитиным: глядя на мраморный чернильный прибор без чернил, предостерегал его от бестактных вмешательств в деятельность кафе и частную жизнь директрисы. Тем более что жизнь ее известна скромностью и умеренностью: ни роскошной обстановки в квартире, ни экстравагантных одежд, ни, между нами говоря, крупных вкладов на сберкнижке, ни сомнительных пикников с друзьями. То есть ни намек на дурные деньги. Живет без мужа, но в предосудительных связях никто не дерзнет ее винить. Сын Олег действительно нигде не трудится, но тунеядцем его назвать было бы неверно, ибо он заочник областного вуза. Где же, где следы злоупотреблений? Некоторые неточности в накладных? Но мы только-только переходим к рыночной экономике, к свободе инициативы, возможны отдельные ошибки...

В доводах полковника был резон. Обычно «левые» деньги как шило из мешка «торчат» из образа жизни их обладателя. Гуровская держалась в рамках заработной платы директора кафе: достаток без излишеств. По крайней мере, без внешних проявлений излишеств.

Все же Калитин устоял против товарищеских советов полковника, заявление бывшего главбуха не положил под сукно. Стали выявляться все новые огрехи в отчетности, в документации кафе. И тут очень некстати для Музы Борисовны вскрылось ее семейное горе.

Двадцатилетний Олег Туровский, лицом и осанкой в мать, не унаследовал ее ума, не перенял культуры потребностей. Взлелеянный материнской любовью, неконтактный, застенчивый Олег склонен был к созерцательности, к уединению. У него не было необходимости в какой-либо деятельности, где он мог бы проявить себя. В школе учился средне, на заочное отделение института народного хозяйства поступил по настоянию и при содействии мамы и тоже учился так себе, «ехал на тройках» с постоянными «хвостами». Беспросветная усредненность угнетала парня, порождала комплекс неполноценности, толкала на поиски какого-то пассивного протеста...

Когда Музе Борисовне открылось, что ее сын увлекся наркотиками, она была потрясена. Слезы, упреки, мольбы не возымели действия, дело зашло далеко, без очередной дозы Олег так мучился, что материнское сердце страдало не меньше. Обратиться к врачам она не отваживалась: семейная тайна могла получить огласку. Мало того что пострадает авторитет Гуровской, вмешается милиция, Олега начнут таскать на допросы, а у мальчика и без того невроз...

Она допытывалась, у кого сын покупает наркотик. Олег, обычно податливый, откровенный с матерью, не выдал поставщиков. Ограничила ему карманные деньги – начал глотать какие-то таблетки, нюхать всякую аэрозольную дрянь, и боязнь за его здоровье стала еще острее. В растерянности, в страхе и жалости Муза Борисовна решила на поступок, для

ее характера неожиданный: сама пустилась добывать ампулы с наркотиками. Логика была такова: если сын не может иначе, пусть хотя бы пользуется чистым медицинским зельем. Постепенно уменьшая дозу, мама выведет сына из злосчастной зависимости.

Обширные знакомства в городе Муза Борисовна до сих пор использовала весьма осмотрительно. Теперь пришлось устанавливать связи с людьми ей неприятными, сомнительной порядочности – что поделаешь! Ампулы поставляла заведующая аптекой, обе стороны были заинтересованы в сохранении тайны. Цену аптекарша установила на уровне «черного рынка» – «плата за страх». И опять же – что поделаешь! Уменьшить дозу все как-то не получалось, даже наоборот, стало не хватать прежних доз. Иссакли сбережения, начались злоупотребления на работе. Уже не мелочишка, как бывало, а подсудные махинации. Олег проваливал зачет за зачетом, нервничал, грозил покончить с собой, раз жизнь не удалась. Муза Борисовна героически держала нервы свои в деловом настрое, по виду ее никто не заподозрил бы истину. Но удары судьбы «с фронта» – на работе – и с «тыла» – в семье – изводили женщину, она стала ошибаться в делах, в отношениях с сотрудниками, с клиентами.

Калитину пришлось распутывать дело Гуровской с другого конца – с наркотического. Сотрудники задержали потребителя кокаина – маковой соломки. На допросе парень назвал адрес поставщицы кокаина, шустрой разведенки, про-

живающей на окраине Шиханска. В частном домике разведенки однажды вечером задержали и Олега Туровского в состоянии наркотического опьянения. При нем обнаружили две ампулы омнопона. Последовала ревизия в аптеке, откуда, по мнению экспертов, получены те ампулы. Была установлена недостача сильнодействующих медикаментов группы «А» и «Б». Заведующая аптекой дала показания, что к хищению наркотиков ее побудила просьба Туровской, которой она по доброте душевной не смогла отказать.

Калитин назначил экспертизу документации в кафе «Свадебное». У Музы Борисовны была взята подписка о невыезде, ее отстранили от должности. Олега направили в областной наркоцентр. Попутно было выявлено несколько совсем юных парней и девочек – любителей опасного кайфа. Выяснилось, что время от времени наезжают в Шиханск откуда-то из Средней Азии торговцы опиум-сырцом, анашой, терьяком. Их имена, время приезда местные клиенты скрывали или в самом деле не знали.

Поэтому Калитина живо заинтересовал звонок из городского наркодиспансера. Звонила главврач Елена Георгиевна Ладунина.

– Константин Васильевич, вы помните такую Валькову Елизавету? В прошлом году, в мае, кажется, вы ее к нам определили. В состоянии абстиненции после наркотического... Вспомнили? Так вот, ее только что доставила «скорая» в тяжелейшем состоянии. На этот раз не только абстинен-

ция... Я подумала, что следует известить вас.

– Правильно подумали. Сейчас выезжаю.

Вот и планируй тут рабочий день! Калитин оставил эксперта одного корпеть над бухгалтерскими подшивками конторы Заготсырье, выискивать в них подчистки, приписки, неточности с ценником («Извините, Яков Израилевич, у меня очень срочное дело») и сбежал по лестнице во двор райотдела. «Коломбина» не хотела ехать в наркодиспансер, капризничала, фыркала на хозяина. Пришлось копаться в пахнущих бензином и маслом внутренностях машины, уговаривать шепотом, пока сердитое фыркание не перешло в деловитое урчание. «Коломбина» выехала со двора.

Елизавета Валькова, Лиза-наркоманка... Очень хорошо помнит ее Калитин. Год назад – да, в мае это было – ее задержали на вокзале ребята из комсомольского оперативного отряда – была еще тогда у комсомольцев активность... Посчитали пьяной, привезли в вытрезвитель. Фельдшерница разобралась: наркотический сон. В сумочке, куда успели заглянуть ребята из ОКО, лежали завернутые в полотенце шприц, шесть ампул с раствором морфия, иглы, коричневый порошок – опий. Дежурный по вытрезвителю позвонил в Кировский райотдел. Здесь, в ОБХСС, уже имелась ориентировка из города Усть-Лагвинска, что возможно появление в Шиханске разыскиваемой Елизаветы Вальковой. Калитин на «Коломбине» отвез задержанную, пребывавшую в сумеречном состоянии, в городской наркодиспансер, передал на

попечение главврача Ладунинной, написал протокол об изъятии наркотиков.

По паспорту Елизавете Павловне Вальковой, уроженке Усть-Лагвинска, было всего-то двадцать лет. Но какая же она увядшая, жалкая лежала на клеенчатой кушетке приемного покоя, с трудом приходя в сознание! Допрашивать было бесполезно: Елена Георгиевна предупредила, что вслед за пробуждением начнется «ломка», по-жаргонному «хумар», мучительное наркотическое голодание. Понадобится дней пять-шесть, чтобы больная пришла в относительную норму, могла давать показания.

На четвертый день был получен из Усть-Лагвинска ответ на запрос о Вальковой. Она, работница Усть-Лагвинской фармацевтической фабрики, была недавно задержана вахтером на проходной при попытке хищения восьмидесяти граммов опия-сырца. Началось дознание, с Вальковой взяли подписку о невыезде. Но на следующий день она из города скрылась. Оперативным путем выяснилось, что возможен ее приезд в Шиханск. Проживала она в частном домике на окраине Усть-Ла-винска с матерью, и теперь мать каждый день ходит в милицию, умоляет отыскать исчезнувшую дочь. Усть-Лагвинский ОБХСС просил этапировать Валькову по месту жительства.

Калитин ежедневно справлялся по телефону о ее самочувствии. Главврач отвечала, что больная еще не в состоянии дать показания. Внезапно Калитину пришлось выехать в ко-

мандировку по делу о крупной спекуляции. Вернувшись через неделю, он узнал, что Валькова из больницы сбежала. Сообщил об этом в Усть-Лагвинск. За многими заботами вскоре забылась история чужой, не местной наркоманки.

И вот сейчас профессиональная память воспроизводила, сперва смутно, потом все отчетливее, бледное испитое лицо женщины без возраста, отстраненный взгляд больших, чуть монгольского разреза, слезящихся глаз, тоже словно выцветших. Что же она, так целый год и в бегах? Почему опять в Шиханске? Родственники здесь, знакомые? Но в тот раз, в прошлогоднем мае, никто ее в больнице не навещал, никто ею не интересовался. Связана с шиханскими наркоманами? Вопросов много, и надо не упустить Валькову, допросить немедленно, ничего, что состояние тяжелое, в легком-то как бы опять не упорхнула, не ставить же милицейский пост в наркодиспансере.

В раздевалке Калитину накинули на плечи халат, в трех местах залатанный, – ох уж этот остаточный принцип снабжения медицины... как, впрочем, и милиции. На втором этаже дежурная сестра, грубоватая толстая тетка, велела подождать, кивнула на расшатанный стул. Тут же, в коридоре, стояли две железные казарменные койки, на одной спал кто-то, на другой сидел пожилой мужчина с седой щетиной на щеках. Он вяло поглядел на Калитина осовелыми бессмысленными глазами, потом вновь уставился в стену.

Вышла из палаты доктор Ладунина. Провела Калитина в

свой тесный кабинет: стол, шкаф, кушетка под клеенкой, три стула.

– Не вздумайте допрашивать. Ни в коем случае! Повторяю, состояние тяжелое. Знаете, откуда ее на этот раз привезли? Из бани. Ну да, из бани, что возле рынка. Купила билет в душевую, есть у них такие номера, один душ, безо всяких там удобств. Банщице показалось, что клиентка выпивши: глаза смурные, хотя и не пахнет ничем таким. Через какое-то время банщица подошла к тому номеру, прислушалась. Вода течет... и стоны, плач ли... Стучать давай – не откликается. Позвала кассиршу, вдвоем заколотили в дверь – молчит, стонет только. Сорвали крючок, вошли. Лежит на полу в одной мокрой сорочке, без сознания, вся в крови, левое запястье бритвенным лезвием искромсано... Не прояви банщица любопытства, был бы труп. Банщица вызвала «скорую», врач поставил диагноз: попытка самоубийства в состоянии наркотического отравления. В травматологии мест нет, привезли к нам. Сделали переливание крови, жить будет. Но – значительная кровопотеря, постнаркотический психоз, абстиненция. Так что допрашивать сейчас бесполезно и бесчеловечно.

– В прошлый раз вы так же говорили, – напомнил Калинин.

– И тоже правильно говорила. Что упустила девчонку, моя вина. Но сейчас во много раз хуже, как вы не понимаете!

– Она в сознании? Можно хотя бы взглянуть?

– Взглянуть можно. Даже следует, чтобы вы убедились. Мне кажется, что в прошлом году было у нее намерение с вами о чем-то поговорить, несколько раз спрашивала, когда вы из командировки вернетесь. Не дождалась, дуручка, сбегала.

– Сбежала... На нее в Усть-Лагвинске уголовное дело заведено, хищение наркотиков с фармацевтической фабрики, где работала.

– Об этом с ней после, после, не травмируйте, пожалуйста. Без того ей жизнь не мила, если по венам лезвием... Плохо, что на вас сегодня милицейская форума, может отреагировать стрессом. Запахните халат. Идем.

То была единственная однокоечная палата в стационаре. Калитин с первого взгляда понял, что имела в виду Ладунина, говоря о тяжелейшем состоянии больной. Как ее корчило! Левую руку ей забинтовали до локтя, обвязали шнуром, чтобы она не могла сорвать повязку. У изголовья стоял штатив с перевернутым флаконом раствора, но прозрачная пластмассовая трубка от него свисала свободно, передавленная зажимом.

– Она никак не дается, – сердито сказала за спиной Калитина дежурная сестра. – И так вены еле заметны, все исколоты...

На голос медсестры больная раскрыла полубезумные, страдающие глаза.

– А-а... дайте же, дайте до-озу! Лю-юди вы или не-ет! О,

не могу, не могу-у больше, дайте чего-нибудь!

Невидящий взгляд скользнул по белым халатам, по лицу Калитина, по видневшемуся из-под халата погону – и тут осмыслился, обострился.

– А-а, милиция... Пожалейте хоть вы, скажите им, чтоб укол сделали-и... Ради бога-а!

– Лиза, ведь вам уже делали, – сказала Ладунина.

– Нет, врет она, одной водой колола, сволочь! Дайте настоящую до-озу, понятно?! Настоящий укол, а то сорву ваши повязки, подохну, не могу-у больне-е жить, не могу-у!

– Надо потерпеть, Лиза, без этого не обойтись, – мягко уговаривала Елена Георгиевна.

– Вы! Следователь или кто... Я все вам скажу, только пускай дадут настоящую до-озу! Нету сил терпеть! Господи, да сделайте же что-нибудь, лю-юди! Акх-х!.. – Ее начало рвать, медсестра успела подставить эмалированный тазик.

Калитин наблюдал наркоманов, задерживал их, не раз слышал крики, брань, просьбы, угрозы, но вот такие муки на грани человеческого терпения видеть не доводилось. К тому же страдала женщина, израненная физически и душевно.

– Послушайте, надо же в самом деле что-то... Может, малую дозу?

– Малая не поможет, слишком далеко у нее зашло.

– Милиционер... следователь! Пусть укол мне дадут, все вам скажу, мне все одно не жить, только пускай укол настоящий!..

– Скажете, когда выздоровеете, Лиза. Елена Георгиевна, сделайте ей под мою ответственность.

Больная примолкла, с надеждой переводя наполненные болью глаза с Калитина на доктора.

– Ответственность у меня и своя есть, – пожала плечами Ладунина. – Вы видели состояние больной, ну и уходите. Маша, введите больной два кубика, я подпишу расход.

«Коломбина» непрытко катилась, позвякивая на рытвинах. Тянулись с двух сторон дома, тополя, киоски, мигали навстречу светофоры. А Калитину все мерещились истекающие болью глаза... Только в райотделе, в кабинете, за работой над накладными, калькуляциями, номерами и датами бухгалтерских документов, актами на списание, стушевались они, глаза человеческого несчастья.

Елена Георгиевна позвонила через неделю. Отложив намеченные дела, Калитин поехал в наркодиспансер.

– Допрашивать рановато, но для просто разговора, я думаю, она достаточно окрепла, – наставляла Ладунина. – У человека в ее состоянии бывает даже потребность выговориться кому-то заинтересованному. Что вы лицо заинтересованное, она понимает, потому и сбежала в прошлый раз. А вчера сама спросила, когда вы придете. Постарайтесь внушить, что ей надо не бежать от нас, а основательно лечиться, иначе погибнет. Молодая, жить бы да жить – без «иглы», конечно. Долго не беседуйте, не касайтесь пока острых тем,

и уж пожалуйста, без всяких протоколов.

– Слушаюсь, доктор. Вы ведь знаете, что у нас заведено дело на аптечного работника, торговавшего наркотиками незаконно. Как ваше мнение, не связана ли Валькова? По клинической картине, по иным признакам? Медицинские это препараты или...

– Нет, вряд ли. Впрочем, наверняка утверждать трудно.

– Не исключено, что найдутся в нашем городе лица, заинтересованные в этой «бедной Лизе» и помимо меня. Никто о ней в эти дни не справлялся?

– Нет. Я уже научена, предписала персоналу уделять Вальковой пристальное, но незаметное внимание, докладывать в случае чего мне в любое время. По правилам я должна, компенсировав абстиненцию, направить ее для дальнейшего лечения в областной наркоцентр. Но данный случай осложнен травмой... и попросту жалко мне девчонку, так что пусть пока лежит у нас.

Да, бедная Лиза... Не по Карамзину, но тоже не лучше. Та в омут головой, эта бритвой по венам. Выглядит куда краше, чем тогда, в отчаянии, в муках, в рвоте. Глаза уж не безумны. Но и не спокойны.

– Допрос пришли снимать, да? А я не виновата ни в чем, ясно?

– Что вы, Лиза! Я звонил в Усть-Лагвинск, мне сказали, что уголовное дело против вас возобновлять не собираются.

– Значит, справки наводили!

– Конечно. Ведь тут вопрос жизни и смерти. И потом, надо же известить вашу маму, перед ней вы особенно виноваты.

– Воображаю, как расписали ей обстановку наши мильтоны!

– Зачем вы так? Надеюсь, усть-лагвинская милиция проявит милосердие, которого вы, похоже, лишены...

Калитин пожалел, что вырвался этот упрек: бледно-серое лицо больной покрылось синеватыми пятнами.

– Вон как вы меня хлещете, гражданин начальник!

– Меня зовут Константин Васильевич. Так и называйте, если можно. И пришел я не допрос снимать, а посоветоваться, подумать вместе, как же вас выручить из беды.

– Вы-то тут при чем? Моей беде я хозяйка.

– Многим бедам вы хозяйка, Лиза. Скольким людям испортили жизнь наркотики, которые вы с фабрики выносили...

– Ну и судите, сажайте! Давно жду, когда поведут в наручниках за все беды рассчитывать.

– Оставьте, Лиза. Вы чуть жизнью не рассчитались. Надо помочь вам выбраться...

– Выберусь, нет – мое дело.

– Лиза, мне уйти?

Отвернулась. Худющая, бледная. Вот уж верно – краше в гроб кладут, хотя сперва, по контрасту с прошлым разом, она показалась свежей, не такой убогой по крайней мере.

Вот же: минутная одурь кайфа – и жизнь под откос. Но глаза осмысленные, выразительные сегодня. Когда-то, в недавней, неотравленной юности, красивые, наверно, были у нее глаза, карие, с монгольской раскосинкой.

– Знаю, знаю, зачем вы пришли, знаю. Сбрехнула вам, дескать, за дозу все расскажу. Вы и врача уговорили насчетукола, и сегодня заявили.

– Я вас ни о чем не спрашиваю. Пришел как человек к человеку.

– Это у вас приемчик такой, да? Пожалеете, поворкуете, авось дурочка и расколется, всех своих заложит...

Вошла в палату Ладунина.

– Ну как вы тут? Почему у нас глазки, как у дикой кошки? Ого, пульс частит. Все, Константин Васильевич, больная несколько возбуждена, а это нам никак нельзя, никак!

Калитин поднялся с белого табурета.

– До свидания, Лиза. Поправляйтесь.

Не сразу, как бы нехотя, она спросила:

– Когда еще придете?

– Не знаю. Работа у нас непредсказуемая. Если потребуется в чем-то моя помощь, Елена Георгиевна позвонит, у нее есть номер моего телефона.

Калитин подумал, что так и не попытался убедить Валькову, чтобы не сбегала, чтобы приняла курс... Как это называется? Дезинтоксикация? Денаркотизация?

– Подождите! – Калитин и Ладунина остановились у две-

ри. – Подождите. Доктор, я не устала. Нет, правда, не устала. И не возбудилась... ну, в норме я, можно еще немножко... поговорить? – И опять к Калитину: – Или вам уже некогда?

Глаза просили. Не лихорадочно уже, без истерического надрыва – просили.

– Мне, Лиза, всегда некогда, – улыбнулся Калитин. – Но если Елена Георгиевна позволит нам еще...

– Доктор, еще немножко, ладно? А то наговорила я тут...

– Хорошо, хорошо, только спокойненько, без напряжения, нервочки беречь надо, слышите, Лизонька? Константин Васильевич, прошу без острых тем.

Легко сказать – без острых! Для Вальковой сейчас все крутом сплошное острие.

Елена Георгиевна вышла. Калитин вернулся к белому табурету. Валькова несколько минут лежала молча, прикрыв глаза синеватыми тонкими веками. Он не стал ее торопить, только искоса взглянул на часы. Может, она уж пожалела, что сама продлила разговор, да боязно остаться опять наедине со своими думами. Может, ничего и не скажет. Но если сейчас поторопить, то уж точно не заговорит.

– Конечно, я дура, – наконец вздохнула она, не открывая глаз, – что верю, будто вы меня жалеете, вот просто так жалеете.

– Можете не верить, но я в самом деле...

– Вы тогда выпросили для меня дозу и за это никаких признаний не требуете. Наши усть-лагвинские следователи, те –

у-у!

– Они кричали на вас?

– Нет... Но как пристанут, как начнут вдвоем вопросики подкидывать! Я в хумаре, в ломке, значит, мне и без них хоть в стенку головой, а они...

– Лиза, вы же тогда были подозреваемой, даже более того...

– Ну верно все это... Я только хочу объяснить, почему уехала из Усть-Лагвинска, хоть и подписку давала о невыезде. Я их боялась и тюрьмы боялась... И тех, кто заправлял у нас всем этим делом.

– Этих и без вас выявили, судили. Выяснилось, что вы там мелкая сошка. Но как вас втянули? С чего пошло?

– По дурости, с чего больше. Никто не тянул, не заставлял. У всех нас, таких, одна причина – собственная дурость. Из любопытства: надо, мол, всего в жизни испробовать хоть разок для интереса. Ну и хана! Когда втянешься, в башку пакость лезет: чем, дескать, другие лучше, пускай и другие вяпаются.

– Расскажите все с самого начала.

– Да? Вам вправду интересно? Охота, так слушайте. Только никого называть не буду. Сама погорела, так не стану других хоть теперь впутывать.

– Хорошо, не называйте никого.

Ему как раз и требовалось, чтобы она назвала имена сбытчиков и потребителей дурмана, особенно местных, шихан-

ских. Но была понятна и оглядка Лизы на «законы» тайного, мышиноного мирка, в котором она существовала: «своих» не выдавай! Ладно, пусть будет без имен. Пока ей просто нужно выговориться.

Калитин слушал нервные, неровные слова и, имея кое-какой печальный опыт таких бесед, понимал полнее, чем говорилось.

Ничего такого рокового в биографии Лизы не было. Обыкновенная девчонка из обыкновенной «неполной» семьи – отец ушел от них так давно, что о нем не вспоминали. А поскольку не вспоминали, то и алиментов с него не справляли. «Спасибо, что ушел, – говорила мама. – А с пьяницы денег как с козла молока».

Лиза никакой ущербности не ощущала: подумаешь! Одна она разве безотцовая растет, сколько угодно таких, и ничего, не расстраиваются.

Жили скромно, однако не бедствовали. Мама работала на фармацевтической фабрике упаковщицей, зарабатывала маловато, но при их собственном, доставшемся еще от деда, окраинном домике имелся огород, так что свои овощи, куры – жить можно.

Когда Лиза училась в десятом классе, случилось несчастье: маму на улице сбил грузовиком пьяный шофер. Пролежала в травматологии почти месяц. Выписали с третьей группой инвалидности.

Не закончив школу, Лиза пошла работать. Куда? Тоже на

фармацевтику, ученицей.

– Вам все это до лампочки, да? – спохватилась Лиза. – Или я болтаю, а гражданин начальник на заметку берет, не капну ли случайно...

– Почему «гражданин начальник»? Вы разве в колонии бывали?

– Нет покуда. Вся жизнь впереди, надейся и жди, как поют в одной бодрой песне. Вот и жду почти два года, когда посадят. Да вы чего спрашиваете, вам и так про меня все известно.

– Только то, что сообщила усть-лагвинская милиция. Хотелось бы понять, как привлекательная, разумная девушка становится наркоманкой. И как вас убедить, что не следует вам убегать снова из больницы? И что вообще нужно, чтобы вас из трясины вытащить? Вот что понять хочу.

– Не обижайтесь, но мне все как-то странно... Ну врачи, это понятно. Милиция-то чего хлопочет?

– Надо вернуть к жизни человека. Вы же не преступница по складу характера. На себе испытали такое, что впредь не поднимется рука воровать с фабрики, людей травить.

– На фармацевке мне уж не работать. Из больницы прямо в тюрьму, и все дела.

– Не о тюрьме думайте, а о том, как нормальную жизнь строить будете. Лишение свободы, я думаю, вам не грозит.

– Утешаете, да? Чтоб не смылась, как в прошлый раз? Если ничего мне не грозит, так почему же гражданин началь-

ник из уголовки ко мне в палату запохаживал? За красивые глаза, да?

Шаткое у нее настроение, то исповедальное, то истерически-недоверчивое.

– Глаза у вас, Лиза, в самом деле красивые. И уже поэтому надо вас из болота вытаскивать. Достоевский сказал: «Красота спасет мир». Читали Достоевского?

– Проходили в школе. «Преступление и наказание» он написал? Ну, мне такое наказание, что никакой Достоевский не опишет. Разве что вы – в протоколах, уголовный розыск.

– Я не из уголовного розыска.

– Ну да, вы из дошкольного сектора. Я так сразу и подумала.

Психика неустойчива, но уже есть способность шутить, хотя и саркастически. Значит, самый тяжелый период ломки миновал. Теперь ей нужна поддерживающая терапия, или, на жаргоне наркоманов, «лестница». Лестница из пропасти: общеукрепляющие препараты и все еще небольшие дозы наркотика. Ну, Елена Георгиевна обещала лечить ее здесь, с этим порядком.

– Я из ОБХСС, Лиза. Это значит – отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности.

– Выходит, висит на мне кража с аптечки? Так надо понимать, гражданин начальник? Выходит, все же тюрьма мне?

– Вот что, не называйте меня так. Не хотите по име-

ни-отчеству, обращайтесь «товарищ капитан». Рассказывайте дальше, если не устали. И перестаньте о тюрьме.

– Ишь вы как... мягко стелете. Да ладно уж, все равно про мою житуху слушать больше некому. Про что вам надо? Как на иглу села? Да очень просто, как все. На дискотеке познакомилась с одним...

Познакомились на дискотеке... Константину Калитину едва перевалило за тридцать, не старик, не ханжа. Но он считал дискотеки в том виде, как они у нас бытуют, источником криминальных побуждений. Сколько на его памяти уголовных дел начиналось с этого: «Познакомились на дискотеке...» Оглушенный ритмическим грохотом разум, как под наркозом, спит, парализован, зато в человеке пробуждается низменное, грубое, животное: пить, курить, кого-то бить, еще больше взвинтить себя, уставшего от ритма и одиночества в толпе, подстегнуть нервы дурманной сигаретой, обрести большую раскованность уколом наркотика...

– Я слушаю, Лиза, слушаю.

– Да? Показалось мне, что задумались. В общем-то я все понимаю, задним числом, задним умом. А тогда казалось: вот какая я особенная, не как другие девчонки. Им бы киношка, видео, дискотека, ну, изредка бутылка на пятерых, все в пределах нормы. А вот меня все это не устраивает. Где-то читала, по телеку тоже передавали, что, мол, прежде, при Сталине, все люди винтиками считались, так они и теперь такие. А я не хочу винтиком быть, я – личность. Ага, вот

так примерно думала. Меня, дескать, не удовлетворяет проза жизни, я от нее ухожу в забвение, в кайф. Смешно, правда?

– Не смешно, Лиза.

– Да? Ну и у меня скоро веселье кончилось. Если не кольнуть, такая тоска сосет... А они, ну, из моей компании, и говорят: мол, эта штука дорого стоит, чего это мы должны тебя задарма раскумаривать, у нас у самих денег нету. Хочешь кайфа, сама шустри. Как? Ты ж, говорят, на фармацевке работаешь, там этого добра навалом. Достань, вынеси, нам долг вернешь и самой останется. Понимаете? Меня всю ломало... Это только поначалу кайф – весело станет, легко, жизнь хороша, и я в ней хорошая, красивая, умная, всем нравлюсь, никаких тут проблем, и укол мне делают так, за красивые глаза...

Она печально усмехнулась, посмотрела на Калитина.

– А что, по-вашему, у меня и вправду глаза красивые?

– Правда, Лиза.

– Хм... Давно мне приятных слов не говаривали. Ладно, замнем... В общем, поначалу оно так, баловство. Когда опомнишься, уж и не до кайфа, хоть бы нормальное самочувствие вернуть, ломать бы перестало.

– И сколько вам требовалось для нормального состояния?

– Сколько? Ну хоть грамм опия.

– А сколько стоил этот грамм?

– О, в то время у нас в Усть-Лагве недорого брали, ведь не я одна с фармацевки тянула. Грамм за десятку можно было

достать.

– Значит, за нормальное здоровье, которое природа всем людям бесплатно дарит, вы выкладываете по триста рублей в месяц?

– Так получается.

– Откуда же брали столько денег?

– Не деньги, как вы не понимаете! У них там все схвачено и налажено. На фабрике один человек дает мне целлофановый пакетик, я прячу его на себе, через проходную проношу, передаю кому следует, мне за это два грамма. Кто давал, кто принимал, говорить не хочу, лучше не спрашивайте. Вам и ни к чему, в прошлом году всю ихнюю лавочку прихлопнула милиция. Сидят, меня поджидают.

Лиза нервно стерла пот с бледного лица. Дышала она неровно, губы кривились. Пора прекращать беседу. Но Лиза продолжила, и Калитин не решился ее остановить.

– Они тогда еще не знали, что за ними следят. Когда я на проходной погорела, они думали, что случайно влипла. Меня не посадили, подписку взяли, что не уеду никуда, явлюсь по повестке. Послала я записку в компашку свою: влипла, мол, никого не заложила, все на себя взяла. Ко мне пришли ночью, тихонько вызвали во двор, мама и не услышала. Смывайся, говорят, а то засадят. Дали товар... ну, вы понимаете. Грамм двести. Для меня тоже несколько ампул, настоящих, аптечных. Денег немного. Явку в Шиханске. К кому явку – не скажу. Это мое дело...

– Лиза, вам плохо? Позвать Елену Георгиевну?

– Не нужно, я сейчас, сейчас... Перед вашим приходом мне укол сделали... Как начнешь вспоминать, тошно до блевоты... Дайте попить. Спасибо. Прошло.

– Оставим до другого раза, когда вам станет лучше.

– А вы и еще придете? Правда? Нет, не уходите, я доскажу.

На чем я остановилась?

– Приехали в наш город...

– Да. Вы знаете, как получилось... У себя дома я без дозы не могла, но держалась в пределах, чтобы мама не заметила, на работе не засекали бы, не выгнали с фармацевки. А тут все вместе, и страх, и неизвестность, чужое все... И саданула укол в вокзальном туалете, большую дозу... Забрали меня...

– Забрали, и слава богу, не надо было удирать. На год раньше избавилась бы от зависимости.

– Тюрьмы боялась. И теперь боюсь, да что поделаю...

Надо было все же уходить, долгая исповедь явно утомила больную. Или переменить тему?

– Куда же вы сбежали? Ведь у вас в Шиханске никого нет.

– Ну почему, явка... Я товар передать успела, прежде чем такого дурака сваляла, дозу перебрала. После больницы жила там месяц. Ну, приелась ему... На что я сдалась без товара-то... Чего морщитесь? Да, жила с ним, а как же. Если девчонка на иглу села, она и ляжет... за дозу с кем попало...

Глаза у Лизы слезились, горло сдавливали спазмы тошноты.

– Лиза, довольно, успокойтесь. Я позову доктора. Завтра мы с вами договорим, хорошо?

– А вы придете? Ладно, зовите врача.

Корнев круто развернул машину, врубил задний ход, лихо зарулил на стоянку, с самого края. Вынул ключ зажигания, неторопливо вылез, обошел кругом «Волгу», оглядел, погладил ладонью черную поверхность корпуса. Хорошая машина. Красивая. Новенькая. Руля слушается безотказно. Игорь Корнев любит, чтоб его слушались. Всегда, во всем. Даже машины, не говоря о людях.

У прежнего хозяина на ветровом стекле красовалась броская наклейка: «Мустанг». И это тоже понравилось Корневу: звучит. Мустанг – дикий конь в прериях Дикого Запада, сильное, свободное животное. «Мустанг»... Но, поразмыслив, Корнев наклейку не без сожаления содрал: кто занят не вполне законным бизнесом, тот должен пока что выглядеть скромно, без особых примет. Но про себя он продолжал называть своего красавца коня «Мустангом».

Сперва Корнев нацеливался купить «Жигули» – «девятку». Запросили по-божески, двадцать пять тысяч. Хвалят ее знающие люди, и новая «девятка» потянет на все тридцать кусков. Но та, что продавалась, была пожарно-красного цвета – где и отхватили такую? Чрезмерно патриотично, ярко, бросается в глаза, у милиции в памяти остается на веки вечные. Черная «Волга» прельстила не тем, что малость дешевле запросили. Игорь Корнев не мелочник. Черная машина –

цвет начальственный. На таких машинах советские мэры и секретари горкомов-обкомов всю жизнь ездили. И отъездили. Настал черед Игоря Корнева и подобных ему. В черных «Волгах», «Чайках», «мерседесах» будут кататься те, у кого деньги. Жалко, «мерседесов» в Шиханске пока не видать. Надо съездить в Свердловск, нельзя ли там купить. Или «вольво». В Москве, слышать, за «вольво» берут полтора-два тысяч. Зато вещь! Престижная машина. Для деловых разъездов «Мустанг», а эта – для отдыха у моря. Покойный Леонид Ильич любил дарить родне «мерседесы». Игорю Корневу никто не подарит. Но ничего, есть голова на плечах, не только для красивой прически.

Окинув безразличным взглядом пяточок перед входом в кинотеатр «Россия», улицу Дзержинского в обе стороны, Корнев возвратился на уютное водительское место в «Мустанге». Японский плеер негромко выпевал приятный шлягер, звенели ударные ритмы.

Справа от «Волги» выстроились одиннадцать легковушек, Корнев их сосчитал и обозрел, подъезжая к стоянке. Три из них так, случайные. Надо присмотреться и либо турнуть отсюда, либо прибрать к рукам. Пятерых завсегда-таев Игорь знал достаточно хорошо, чтобы относиться к ним терпимо. Эти почти каждый день тут промышляют, могут пригодиться: отшить приبلудного или разделаться с рэкетирами, если опять сунутся. Еще троих он знал настолько, чтобы доверять им в пределах разумного. То есть оформить на них старые,

по дешевке купленные «Запорожцы» – металлолом, не техника. Да и людишки-то все народец бракованный, шакалы, мелочь, глаз да глаз за ними, чтобы не смылись вместе с машинами и водкой, чтобы деньги не захамили, чтобы перед хозяином ходили по струнке. Для пригляда имелся один из этой шараги, которого Корнев знал так хорошо, что не только доверял, но и побаивался. Ничего не поделаешь: желаешь кататься по кооперативным кафешкам на черных машинах с красивыми дамами – умеешь дрессировать не только шакалов, но и волков, чтобы покорный хищник умирал рычанием мелкую сволочь и приносил хозяину овцу на шашлык.

Да, так насчет «мерседеса». Лучше всего слетать бы в столицу. После того как завершится намеченная операция на тридцать, ну, при всех издержках, на двадцать пять тысяч – вместе с накопленным должно хватить...

Откинув голову на подголовник, мечтательно щурясь на голубоватый ароматный дымок «Мальборо», Корнев позевывал томно, поигрывал пальцами по баранке в такт шлягеру.

Правая дверца рывком открылась, шлепнулся рядом парень в коричневой спортивной куртке, в клетчатой ковбойке и джинсах.

– Здорово!

– Привет. Чего вы все тут торчите, обэхээсникам глаза мозолите? Других мест в городе вам не хватает?

– Тебя ждали. Сегодня ж основным цехам получку дают,

на выпивку жор большой, клиенты косяками ходят. У кого чего было, все толканули. Ханыги вон, пехота похмельная, кляччат хоть одну в долг, а у меня нету.

– В долг? Бог подаст. Я им не общество «Милосердие». Такса известна: девять бутылок продадут, десятая им премиальная. И чтоб деньги несли сполна, иначе морды бей, чтоб порядок был.

Парень повернул к Корневу крепкое, плотное лицо с прямым, по одной линии со лбом, носом, глянул вприщур, полез в карман джинсов, выгреб горстью мятые десятки, рубли, трешки, кинул на колени хозяину.

– На вот, считай.

Корнев стал расправлять купюры, раскладывать синенькие к синеньким, красные к красным... Прикинул, сколько тут.

– Все-таки дал бутылку в долг? Эх, Сережа, добрая ты душа.

– С похмеляги же мужики. Не бойсь, рассчитаются. На вот мой четвертак и не скули.

– Не надо, забери обратно. Я ведь не от жадности, а чтоб не разбалтывались от подачек. Забери, сказано, свою бумажку. Скоро мы с тобой начнем тысячи считать.

– Тыщи? Наколот фраера, что ли? Или этот твой нюхач Сопляк все же марафет нанюхал?

– Вот именно. Говорит, на днях привезут из Средней Азии.

– Когда – на днях?

– Должны на этой неделе. С кило сырца.

– Ого! Тыщ на сорок?

– Возможно, и больше.

– Ты уж, поди, и деньгу приготовил?

– «Куклой»² обойдешься. Чего нос воротишь?

– Грязное ты дело мастыришь.

– Не грязнее твоих делишек, Сережа. Я-то никого не насилиую, не душу, не граблю. Мне добровольно деньги несут...

– Падла ты, понял?! Я на тебя тут бомблю, тебе шестерю, а ты старье напоминаешь, чего и легавые забыли! Послать тебя к...

– Не пошлешь, Сережа. Забыл, на чем «Жигуле» едешь?

– На своем. Ксивы на мою фамилию!

– А чья у меня расписка на пять тысяч? Под ней тоже твоя фамилия стоит.

– С моей распиской в суд побежишь?

– Надо будет, представлю, кому следует. Мне бояться нечего.

– Ну ж ты и коз-зел!

– А ты не будь ослом, когда тысячи сами в руки плывут.

Помолчали, покурили.

– На хрена тебе это сдалось? Сколько народу на тебя шуст-

² «Кукла» – пачка нарезанной по размеру денег бумаги с настоящими банкнотами сверху и снизу, имеющая вид банковской упаковки.

рит, от бомбежки самое малое две сотни в день имеешь, мало?

– С вами займешь. После праздников в торговле все лимиты выпиты, сам говоришь, что жор сегодня...

Левую дверцу «Мустанга» дернула, приоткрыла распи- санная орлами и якорями рука, сильный голос проблеял про- сительно:

– Друг, пару бутылков мне...

– Этим не занимаюсь! – отрезал Корнев, захлопнул двер- цу. – Видал? А вы тут филоните.

– Чего – мы? Давай товар, будем бомбить.

– Прямо здесь, что ли, с бутылками шарашиться? Выле- зай. Заруливай за мной.

Через минуту черная «Волга» отъехала. За ней из легко- вушечного ряда выскочил и помчался серый «Жигуль».

– Как сегодня ваша подопечная?

– Наша подопечная скоро станет вашей, – покачала головой Ладунина. – Подследственной, или как это называется? Что, тюрьма для нее неизбежна? Жаль. Девчонка только приходит в разум, хочет избавиться от наваждения, а вдруг суд, камера, общество преступников... Как обстоят ее дела?

– В прошлом году Усть-Лагвинский ОБХСС выявил группу расхитителей и сбытчиков лекарственных препаратов с фармацевтической фабрики. На общем фоне преступной группы роль Вальковой довольно скромная, уголовное дело против нее было приостановлено, и возобновлять его, кажется, не намерены. У них тоже не хватает сил прорабатывать досконально каждый мелкий эпизод.

– Скажите ей это еще раз. У нее постоянно на уме всякие страхи, пусть успокоится, не помышляет о побеге.

– Как она себя чувствует?

– Уже без наркотика, на общеукрепляющем лечении. Прежней депрессии нет, хотя травмированная психика не скоро придет в норму.

Шагая за главврачом по коридору, Калитин опять с горечью замечал на всем печать опрятной бедности. Реставрировать человеческие души в таких условиях – поистине гражданский подвиг. И врачей, и больных. Многих пациентов го-

нит сюда не осознанное желание излечиться, а угроза увольнения, отправки в лечебно-трудовой профилакторий. Или больше некуда деваться, кроме как в эти до предела заселенные палаты, на коридорные койки.

– Да, такие вот наши пациенты, – заметила Ладунина его оглядки. – Вон того хрипуна привезли ночью на «скорой» в состоянии белой горячки. Чудилось, что угрожают какие-то враги, договариваются убить, сидят они под койкой, под подушкой. Шумный был, возбужденный, кричал, метался. Следовало бы его в изолированную палату, но у нас одна такая, в ней лежит Валькова, она тоже нуждается в покое. Пришлось алкоголику ввести снотворное и уложить в коридоре. Поступит еще такой буян, придется и Лизу переводить в общую палату. А рановато, всех она еще боится. И что отратно – стыдится. Осталась совесть, значит, не все потеряно.

– Не создаете ли вы ей тепличные условия? Ведь скоро она снова столкнется с разными ситуациями...

– Тепличные? Да, пожалуй. Трогательная она. У меня дочь ненамного моложе. Жаль и этих, залившихся, но ее еще больше. За краткую глупость расплачивается буквально кровью.

– Такое, доктор, дорогое удовольствие – глупость, за это и жизнь платят. К сожалению, не только собственной.

Елена Григорьевна приоткрыла дверь палаты.

– Лиза, к тебе Константин Васильевич, можно?

«Правильно, – мысленно одобрил Калитин доктора. – Са-

мо уважение тоже нуждается в реанимации...»

Лиза выглядела совсем молодцом. Сидя на койке, торопливо поправляла правой рукой распущенные волосы, в левой, забинтованной, держала книгу в серой обложке. Калитин поздоровался, подвинул табурет ближе к койке и сел. Елена Георгиевна осмотрела повязку, посчитала пульс больной и ушла.

– Я думала, вы больше не придете, – застенчиво улыбнулась Лиза. – Думала, теперь меня к вам привезут, на «черном вороне».

– И опять настроилась убежать? – улыбнулся и Калитин.

– Больше не побегу. Некуда. Хватить заячьей житухи. Елена Георгиевна обещала в область не отправлять, здесь лечить, я так обрадовалась! Только, говорит, сама не раскисай, поставлю тебя на ноги. Вот книжку из дому принесла, чтоб я отвлекалась.

– Нравится книга?

– Ничего. Я читать отвыкла... Но книга завлекательная. «Белая полоса» называется. Как одна женщина встретила настоящего парня... В общем, про любовь. Читаешь и переживаешь, расстанутся они, нет ли. – Лиза провела по странице ладошкой. – Только неправда все. Так не бывает.

– В жизни, Лиза, бывает всякое. Вам всего-то двадцать лет, будут и радости, и любовь. Теперь вы уже научены, что искусственный кайф – подделка опасная.

– Когда отроду настоящего добра не видишь, и подделка

сойдет. Мне и поговорить не с кем было. Мама больная, с ней лучше не откровенничать, а то заплачет и сляжет с дистонией. Все другие только и смотрят, как бы обдурить, как с тебя урвать. Видите, до чего дошло: кроме больницы, и места нету на всем белом свете, кроме милиционера, не с кем... Ой, извините, не от ума сказалось. Разучилась с людьми говорить, второй год все с подонками.

– Где же скиталась после побега?

– Где? Ну, как смылась из больницы, два месяца в вашем городе жила, может, полтора месяца. У одного тут... Он узнал как-то, что в Усть-Лагве всех добытчиков пересажали, дошуру пил, что больше оттуда ему не светит, а от меня один расход. Боялся меня. Мол, если не дать мне дозу, такое отколю, весь квартал сбежится.

– Наркотики ему поступали не только из Усть-Лагвинска?

– Из Средней Азии тоже привозили. Туда он меня и спроводил. Напялил на меня обноски, не в больничном же халате да тапочках выгонять. Купил билет до Душанбе. Дал в дорогу шприц треснутый да наркоты разов на пять кольнутья, вот добрый какой, гаденыш. Больше, говорит, в Шиханске тобой чтоб и не пахло. А я и не собиралась сюда возвращаться, он мне еще больше осточертел, чем я ему. Только из-за марафета и держалась за этого барыгу.

– Все-таки кто он, ваш щедрый благодетель? – осторожно затронул Калитин нужную тему. Лиза досадливо поморщилась, плечом повела, как бы отстраняя нежелательный во-

прос.

– Ну, в Душанбе заявила по адресу, который он мне дал. Ничего, приняли. Только азиатские деляги еще откровеннее. Правда, насчет наркоты не жмутся, этого добра у них хватает. Ясное дело, за это я им все, что захотят... Бр-р, как вспомню...

– Понятно, Лиза, рассказывайте дальше, – поспешил отвлечь ее Калитин, опасаясь нервного срыва. Ему хотелось побольше услышать о здешних, шиханских, делягах, не зря же она сюда вернулась.

– Ладно, про это вам ни к чему, – кивнула Лиза. – Вам про другое надо. Вы толкуете, что в Усть-Лагве мое дело закрыто, ничего мне не будет. Будет, еще как будет! Я-то про себя знаю, чего натворила. Знаю и вам сейчас расколюсь, берите, сажайте, мне все одно, а вам звездочка на погоны за раскрытие.

– Лиза! Зачем вы...

– Все, проехало. Вы слушайте. Они меня гонцом заделали, понятно вам? Приодели более-менее, чтоб на бомжу не походила, гнусным видом милицию не раздражала. И гоняли по разным городам. Могу перечислить, которые помню. Возила барахло, косметику, видеокассеты с порнухой, всякий там дефицит. Наркоту тоже. В Сибирь, на Север, где длинные рубли зашибают, а развлечься нечем. На Урал. В Москву два раза. Туда один товар, оттуда другой. Доверяли. Я как верная собака на цепи у них, куда денусь без наркоты.

– И в наш город привозили?

– Не-ет. Они знали, что в Шиханске меня разок попутали, что я тут на замете. Они тоже не дураки, осторожные, гады. Адресов мне не давали, только телефонные номера велели запоминать, позвоню, мне встречу назначат. Прямо кино про шпионов. Не знаю, как про них милиция пронюхала.

– Разоблачили их, ваших опекунов?

– Ага. В апреле накрылась лавочка. Тоже всех пересажали, наверно.

– Как же вы-то?

– Мне везет как утопленнику. Во всем всегда неудачи, а тут как заколдованная.

– Вот видите! Так что не надо считать себя невезучей.

– Толку-то что? Все равно конец свободе. Хотя... Здесь лечат как путевую, не так жутко стало на мир божий глядеть. Можно сказать, пофартило. И конечно, сама вам сдаюсь, а не вы меня хватаете, тоже как бы легче, самой-то.

– Но как получилось, что вы избежали ареста? И в Усть-Лагвинске, и в Душанбе оказались осторожнее всех осторожных?

– У меня и везение-то дурное. Безо всякого моего старания. Так получилось. Послал меня Курбан... Это мой хозяин. Послал в Туркмен-Кала, есть такой в Азии город. Велено было на базаре найти киоск, сразу от входа справа, сказать, что от Курбана, взять сумку и сразу же автобусом в Душанбе. Киоск нашла, а он закрытый, заколоченный даже. Целый

день вертелась на базаре, уж обращать внимание стали, какой-то тип подъезжать начал, в гости приглашать. Отвязалась и в тот же вечер смылась из Туркмен-Калы этой. Приехала в Душанбе, иду к дому. Думаю, ох сейчас Курбан материть будет, по-своему и по-русски, что пустая воротилась. В смысле без товара. И вот, верите, иду, а ноги так идти не хотят, вот здесь, на сердце, нехорошо, предчувствие, верите? Чем ближе, тем тише иду. Думаю, убьет Курбан, что ли? Прямо хоть назад вертайся, да вертаться-то некуда. Отлупит Курбан, думаю, так не привыкать, хуже, если дозу не даст. К дому подходя, вовсе остановилась, ну не идут ноги. И выскакивает из соседнего двора девчонка. Малость меня моложе, на личико смазливенькая, не то что я, потасканная. Она давно на меня косилась, сама на Курбана, видно, глаз положила, он парень видный вообще-то, только сволочь. Ну, и эта девчонка вдруг ко мне сама подходит, глядит пантерой. И говорит: убирайся, Курбана милиция забрала, за его домом следят, и если тебя тоже заберут, всем больше срок выйдет. Она думала, что я с товаром вернулась. Вот, значит, почему сердце ныло. Я скорей хожу. А куда мне? Деньги, сколько Курбан дал, в Туркмен-Калу проездила, при мне шприц треснутый да на пару раз уколиться. Побежала, хоть и не велено было, к дружку Курбана, он в чайхане работал кем-то. Сказали, в тюрьму его увезли. Что делать? На последние рубли, голодная, хворающая, в хумаре, купила билет в общий вагон, приехала сюда, в Шиханск, к прежнему гаду-хозяину.

– Почему не домой к маме?

– Такая-то полудохлая?! Да маму сразу от моего вида удар хватил бы. Я ей писала иногда, что живу хорошо, работаю экспедитором. Потому экспедитором, что письма опускала на разных станциях. И вдруг бы вот она – дочка – заявила, как блудная кошка облезлая! Нет, не совсем уж я такая конченная дрянь.

Должно быть, в школьные времена, относительно благополучные, Лиза Валькова увлекалась чтением: рассказ ее, несмотря на волнение, получался связным, почти без жаргонных словечек, какими, за скудостью лексикона, любят щеголять такие вот неприкаянные. Но он ей давался нелегко: говорила все возбужденнее, часто сглатывала слюну, плечи дергались, кривился рот... – Лиза, вы устали, отложим до другого раза?

– Нет, доскажу. Не бойтесь, истерики не закачу. Так приехала я, значит, опять в ваш город. Поезд опоздал, к моему... знакомому заявила в полночь. Как нечистая сила, хм. Так он меня и встретил... и проводил... как нечистую, как заразную...

– Лиза, довольно!

– Знать не знаю, говорит, впервые вижу, напилась и шляется тут, вот я милицию вызову. Вызывай, кричу, пускай мои показания записывают, как ты марафетом барыжил. А это, говорит, с твоей стороны оговор невинного, потому что, говорит, доказательств у тебя нету. И верно, чем докажу? Слы-

шу, из-за его спины, из комнаты, голос: «Боря, кто там?» Понимаете, он поджениться успел, а я тут... Ладно, говорю, ты занят, пес с тобой, я уйду, только дай, ради бога, дозу. Нету, говорит, у меня никаких доз и не бывало, ты пьяная, с кем-то меня путаешь. И дверью перед моим носом хлоп! Как собачонку, выгнал... Нет, погодите, я доскажу. Да в норме я, в норме! Только вспоминать противно. Пересидела я ночь на вокзале... Денег полтинник с медью. Идти некуда. Ломает всю, прямо с ума схожу... Утром с вокзала едва жива выползла. Иду, вижу – баня. Купила билет в душевую на последнюю мелочь. Все, думаю, хватит с меня. Нету жалости в людях, так сама себя пожалею... Мойку, ну, лезвие от безопаски, всегда при себе носила...

Калитин налил в стакан воды из графина, подал ей. Выпила, расплескивая на халат.

– Спасибо. Ничего, я в норме... почти. Голова болит немного. Ничего, бывало хуже. Чего еще рассказать вам, не знаю.

Калитин не утерпел:

– Вы сказали, нет жалости в людях, а в вас она есть, жалость?

– А что я плохого кому сделала? Себе – да. Еще маме, вот уж грех на мне вечный.

– Себе да маме – это еще полвины. Вынесенный вами с фабрики опий – сколько горя он причинил другим мамам, дочкам, сыновьям! Помогали Курбану торговать наркотика-

ми – сколько людских судеб искалечили! Умейте же смотреть правде в глаза, не прикрывайтесь собственным горем.

– Правда ваша, честное слово... За все это и в тюрьму сяду.

– И тюрьмой не прикроетесь, ведь причиненное людям зло этим не поправится, сделанное вами необратимо. Для порядочного человека не в тюрьме наказание, а в собственной совести.

– Так то для порядочных. Я... подстилка для подонков, что с меня взять...

– Тогда не понимаю, зачем вы мне все рассказывали.

– Да сколько можно все это в себе носить! Раз умереть не сумела, надо же как-то попробовать жить! Пускай тюрьма...

– Не рвитесь в тюрьму, она не спасение от грязи. Вы устраняетесь, а кто-то будет продолжать торговлю отравой, и вы даже не пытаетесь помешать им, искупить...

– Но что же мне делать, что?! Научите, если можете!

– Давайте оформим наш разговор как явку с повинной.

– Тогда не посадят? Правда не посадят?

– Если чистосердечное признание...

– Я чистосердечно, вот честное слово!

– Почему же скрываете, кто бывший ваш соучастник здесь, в Шиханске? Скрываете и этим множите зло, калечите чьи-то жизни.

– А чем я могу доказать? Кто мне поверит? Он скажет, оговор из ревности, из мести.

– Я поверю, Лиза.

– Вы? Спасибо. Ну и что? Наркоту он у себя не держит, точно знаю. Я одна оставалась в квартире, такой шмон учиняла, все щели обшарю, обнюхаю, бывало, – нету. Где хранит, у кого...

– Мы выясним.

– Да? Ладно, скажу. Явка с повинной, значит? Вы напишите, что с повинной. Знал бы кто, как страшно мне в тюрьму! Есть такой Борька Переплетченко, на базаре рубщик мяса. Живет на Новостроевской, в девятиэтажке, где гастроном. Квартира тридцать восемь. Вот.

– Борис Переплетченко? – наморщил лоб Мельников. – Переплетченко, гм. Не помню такого. Кличка у него есть? Не знаешь? Надо было хорошенько допросить девицу.

– Она и так на пределе была. Меня совесть грызет, что вытянул признание из больной, с расстроенной психикой.

– Явку с повинной ты протоколом оформил? Не откажется, когда выздоровеет? Сейчас это у них модно, отказываться от собственных «чистосердечных», заявленных при дознании. Или после душевной исповеди преподобному отцу Константину Калитину...

– Не иронизируй, Михаил. Ты ее не видел, а я видел, и мне не до шуток. Собственно, дело это не обэхээсовское, а уголовного розыска. Но поскольку я начал, так уж и быть, тебе остается только помогать. Пусть твои хлопцы установят связи Переплетченки, и я скажу спасибо.

– Нич-чего себе! У рубщиков мяса связей больше, чем у сотрудников угрозыска во всей республике! Попробуй тут отличить агнцев от козлиц. Хм, он нам спасибо скажет! Из твоего спасибо не сошьешь приличный рапорт начальству.

– Чего же ты хочешь?

– Как минимум размотай всю шиханскую мафию, если таковая в самом деле имеется.

– А как максимум?

– Ну, заодно раскрой парочку дохлых дел, повисших на угрозыске. От водки столько мороки, вот еще и «травка» добавляется в наш букет. А насчет связей рубщика Переплет-ченки дожди свою наркоманку.

– Вряд ли ей что-нибудь известно. Год назад сидела, как мышка, в квартире этого Бори, боялась нос высунуть, пока он не вытурил ее в Душанбе. По ее словам, Боря осторожен, недоверчив.

– С ним ты уже познакомился?

– Визуально. Съездил на базар, полюбовался.

– Впечатления?

– Силен мужик. Мускулатура культуриста, кулаки боксе-ра, челюсть супермена, усы запорожца, глаза стрелка по тарелочкам.

– Какие по делу соображения?

– Соображения такие. Наш шеф любит уголовный розыск больше, чем ОБХСС...

– Вот как?! Рад слышать. До сих пор не замечал такой любви. В чем она проявляется?

– К тебе в отдел он направил троих стажеров из школы милиции, ко мне – ни одного. Стажеров в Шиханске в лицо никто не знает...

– Понял. Предлагаешь установить наблюдение? А что, пусть мальчишки знакомятся с черновой работой сыщика.

«Мустанг» остановился в полуквартале от парикмахер-

ской «Гармония». Двигатель урчал деловито, но сдержанно, как и подобает двигателям черных лимузинов. «Мустанг» старался успокоить хозяина.

А Корнев злился: Наташка опаздывает, как обычно. Конечно, не на свидание, это у нее всегда пожалуйста, а на работу. Сегодня ее смена с двенадцати, но уже десять минут первого, а ее не видать. Вот же дисциплина в их «Дисгармонии»! Да что говорить про службу быта, везде такой развелся бардак. Все охают, ахают: ох, подпольные сделки, ах, теневая экономика процветает! Потому и процветает, что разгильдяев и дураков не держит. Все просто: мозги и руки работают толково – делай деньги, прошляпил – деньги ваши стали наши, дисциплину ослабил – сам ходи строем в зоне, сколько тебе за ошибку нарсуд насчитает. Вот это и есть закон рыночной экономики, который все внедряют разные деятели своими бесконечными разговорами. Черт с ними, пусть болтают, деловому человеку и так неплохо, пока никто не знает, что делать, как жить дальше...

Где эта Наташка завязла? Должна же она... А, вот! Ишь, семенит, аж с пробежками. Корнев открыл правую дверцу. И когда женщина поравнялась с «Мустангом», свистнул.

– Ой, Игорек! Меня ждал? Ой, я, как назло, опаздываю!

– Уже опоздала. Садись. Садись, говорю!

Плюхнулась на сиденье, захлопнула дверцу, чмокнула его в щеку, вытерла след помады ладошкой.

– Где тебя черти носят?

– К Зинке в косметический забежала, им должны чего-то там забросить из дефицита, нам же работать нечем, снабжение паршивое...

– Своей заве это ври.

– Игорек, ну опять ты сердисься. – Наташка надула губы в лиловой помаде. – Давно ждешь? Игорь, я же никогда не знаю, что тебе от меня надо. Говори скорее, да побегу, а то и верно задержалась. Или лучше приходи сегодня, а? Приходи вечером, Светку вытурим ночевать домой, пускай с родителями пособачится, она после этого прибегает как шелковая.

– Сегодня не могу.

– Ох, ну каждый раз «не могу»! Раньше вот мог. Или этой ночью другая по графику? Может, твоя законная права предъявляет? Вроде в разводе, а ночевать к ней похаживаешь?

– Не забывай, я работаю ночным сторожем.

– Ага! Баб в постелях сторожишь. А на стройке за тебя Сопляк дежурит, думаешь, я не знаю? Тоже мне, нашел работенку! С твоей башкой каким-нибудь директором...

– На что мне такая радость? В наше время, Натаха, умный в гору не пойдет, умный устроится сторожем. И будет иметь больше директора. А насчет жены... Ей чего не хватает? У нее трехкомнатная кооперативная, обстановочка, японский телек, видик, маг тайваньский, библиотека лучше городской. За комфорт, Натаха, надо платить. Ну, мои семейные дела не твоя работа. А Светку держи при себе.

– Сколько можно, Игорь! Она со своим пьяным ментом в постели моей, а я в кухне на раскладушке корчусь! Вот я вообще прогоню эту сучку Жучку...

– Прогонишь, когда прикажу. Пока – нужна. И милиционера глядите не упускайте. Доставят Эльке товар, провернем дело, тогда всех разгоним, Натаха. Тогда мы с тобой и про семейные дела потолкуем.

Он обнял женщину за костлявые плечи, приблизил, прижал, стараясь не запачкать светло-серую рубашку ее обильной косметикой. Она заласкалась, замурлыкала, подставила губы.

– Игорь, а как ты мыслишь повернуть дело? Ну скажи-и.

– Много будешь знать, плохо будешь спать. Что там у Эльвирки слышно?

– Говорит, должны привезти на днях.

– Когда точно? И сколько?

– Игорь, как я буду подробности выспрашивать, она ж догадается. Я вообще вид делаю, что мне это до лампочки, она сама похвальноется. Как-нибудь попробую выяснить, мы ж подруги, про разное болтаем, когда клиентов нету.

– Про разное? И про меня?

– Ну что ты, Игорь!

– То-то же. Эльвиру выспроси осторожно, но не тяни, а то опять дело накроется, как в прошлый раз.

– От меня, что ли, зависит? И так ей две пачки «Честер-филда», польские тени...

Тоша Наташка, как вобла. Поддержаться не за что. Наштуратурена – ничего своего. Такие дуры с детсадика морды мажут, годам к тридцати, если отмыть, – живой трупик, а строят из себя! Тем и полезна Натаха, что за импортную мазню тысячное дело провернет, если подойти к ней по-умному.

– Чего глядишь, Игорек? Влюбился? Ну да, ты влюбишься. Что еще сказать хотел? Все у тебя? Тогда я побежала, ладно?

– Иди. Поакkuratней с Элькой. Узнаешь, что привоз был, так ко мне сразу.

– Прямо домой можно? – ехидно хохотнула Наташка.

– Сама знаешь куда. Да, вот что. Ходит еще в вашу «Дисгармонию» та дамочка из книжного склада, которую ты упоминала?

– Она в женском салоне завивается.

– Ничего. Найди подход. Может она доставать дефицитные книги? По госцене, понятно.

– Ты читателем заделался?

– Допустим. Намекни ей, что есть французские духи, колготки английские.

– Игорьь, и мне!

– Иди, иди. Нехорошо опаздывать.

Чмокнула в щеку, вытерла поцелуй ладошкой. Выскочила, засемила на высоченных каблуках. Опоздала больше чем на полчаса, еще и оглядывается, рукой машет. При такой дисциплине как не быть всяким дефицитам. И правиль-

но, что деловые парни этим пользуются.

– Костя, можно к тебе на прием? Третий день, как ни ткнусь, все твой кабинет заперт.

– Значит, моя «Коломбина» не требовалась, а то нашел бы меня хоть под землей.

– Не все старушку «Коломбину» мучить, надо и казенный транспорт использовать, пока он на ходу. Отремонтировали наш «газик», может самостоятельно передвигаться и нас возить. Душно у тебя тут, Костя. Открою окно, ладно?

– От завода сильно фенолом тянет.

– Ничего, мы, шиханские, привычные. Дым отечества сладок и приятен. Майское солнышко вон как пригревает. Погода шепчет...

– Погода шепчет, что опять на овощной базе появились объективные причины списать порчи на несколько тысяч.

– Преступная халатность, статья 172-я Уголовного кодекса РСФСР?

– Халатность – да, преступная – да, но чья – вопрос. Овощные базы города устарели, находятся в аварийном состоянии, реконструкцией тут не поправишь, необходимо строить новые, на современном техническом уровне. Деньги, проекты, материалы, исполнители – всего этого нет и в обозримом будущем не предвидится. Так на кого заводить уголовное дело по статье 172-й? Да, но ты, Миша, не про овощебазу слушать меня искал. Говори, с каким сюрпризом пожаловал.

– У тебя на уме база, у меня базар. Хрен редьки не слаще. – Мельников положил перед другом лист машинописного текста. – Тут данные об интересующем меня лице, которые удалось добыть. У Переpletченки связи – весь Советский Союз.

– Спасибо, но нельзя ли поконкретнее?

– Если поконкретнее, то Боря отдает предпочтение приедем из Средней Азии. Все в пределах взаимного уважения: он им лучшую вырезку на шашлык, они ему лучшие фрукты. Наводит на мысль такая дружба народов?

– Возможно, кто-то из них привозит в Шиханск не только фрукты. А кто?

Мельников развел руками:

– Внедриться в их приятную компанию нашим агентам не удалось. Но эти парни из Нижнетагильской школы милиции разглядели, похоже, дорожку наркотика от рынка к потребителю. Есть у Переpletченки дама сердца. Это, естественно, не криминал. Но можно допустить, что она же и дама его кармана, то есть пособница. Ее зовут Эльвира Сорочкина. Работает парикмахершей в мужском салоне ателье «Гармония». Проживает в доме напротив «Гармонии». Если верить твоей наркоманке Вальковой, что Переpletченко поторговывает наркотиком, то версия такова: у себя в квартире это добро осторожный Боря не держит, только находит покупателя, направляет к Сорочкиной, и она клиента отоваривает. Ну как?

– Молодцы стажеры! Надо поговорить с полковником, чтобы после выпуска их к нам направили.

– Слушай дальше. Парни по собственной инициативе все три дня присматривали за парикмахерской.

– Не примелькались там?

– Говорят, нет. Особенного ничего не заметили, кроме... Мужской зал «Гармонии» ежедневно посещает некий клиент. И есть тут одна любопытная деталь. Когда на третий день он явился в третий раз, стажер Иконников позвонил из автомата мне. Я на «газике» сразу туда. Застал клиента, когда он выходил из парикмахерской. Гляжу, а ведь где-то я эту личность видел. Этакий юноша бледный со взором дебильным. Вспомнил: в позапрошлом году он проходил у нас по делу о краже цветов из городской теплицы. Он тогда в ПТУ учился, малолетка.

– Парикмахерша ему что-нибудь передавала?

– Не установлено.

– Тогда, как пишется в молодежных изданиях, «а может, это любовь»?

– И я так подумал. Но любовь – к чему? Я поднял из архива то цветочное дело двухгодичной давности. Фамилия юноши Ципляков, присудили ему тогда год условно. В характеристике из ПТУ любопытная строчка: этот юноша любил нюхать не только цветы, но и всякие аэрозоли. Не возлюбил ли ныне опиум?

– Как стажеры? Не остыли?

– Наоборот, воодушевились.

Корнев явился на объект без пяти восемь. Строители работали до девяти вечера, и другие сторожа приходили не раньше половины девятого. Но Корнев всегда к восьми, как положено. Строители ничего уже не делали, курили, анекдоты травили. Считалось даже как бы неэтичным по отношению к товарищам вкалывать «до упора»: «Тебе что, больше всех надо?»

Корнев строителей не укорял: сами с башками. Но к ним и не примыкал, а шел осматривать объект, запирали двери, где они уже были навешены и имели замки, иной раз требовал от бригадира или прораба, чтобы прибрали небрежно брошенный инструмент, материалы, предметы сантехники, прочие соблазны для несунов.

Начальство уважало Корнева за дисциплинированность, за бережливость к народному добру. Он самый молодой из сторожей стройуправления, физически крепкий, может и по шеем надавать кому следует, окрестные ханьги в дежурство Игоря не отваживаются проникать на стройку в поисках «чего плохо лежит». Профсоюз время от времени подкидывал скромному труженику премии: парень учится заочно в вузе, работает сторожем ради свободного для учебы времени, и лишний червонец для него подспорье. С женой не повезло, характерами не сошлись, и он квартиру ей оставил, сам в общежитие ушел – есть же еще благородные мужчины! Над-

менные конторские девы, шумливые малярки-отделочницы заговаривали с Игорьком, завлекали как умели – и вздыхали разочарованно: все безответно, разведенную жену забыть не может, бывают же верные мужчины!

В полдевятого строители побрели мыться, переодеваться. Корнев еще раз обошел стройку. Шугнул из подъезда куривших там пацанов. Вернулся в голубой вагончик с трапиком, где перед сменой переодевались строители, а по ночам, запершись от хулиганов, спали сторожа. Корнев никогда на посту не спал. Считал, во-первых, что когда можно не нарушать закон, распорядок ли, то и не следует нарушать, а когда без этого не обойтись, то надо действовать с умом; во-вторых, лучше не позволять себе поблажек, дабы не расслабиться во-все – жизнь слабаков не уважает. Ночью Корнев читал детективы. Иногда готовился к зачетам в вузе. Правда, за пять лет учебы в Свердловском институте народного хозяйства он добрался только до третьего курса, и то с «длинными хвостами», но это не беспокоило: числится студентом-заочником, ну и порядок, а настанет время, будет и диплом.

В половине десятого пришел к нему в вагончик Сопляк. Белобрысый, с россыпью прыщей на бледной песьей мордочке. Обычно вялый, заторможенный, сегодня он выглядел как нормальный придурок: глазки водянистые блестят, движения суетливые, на толстых губах улыбка.

– Так, – сказал Корнев. – Значит, привезли?

– Ага! – осклабился Сопляк всеми порченными зубами.

– Сколько?

– У меня было полсотни, на два раза дали!

– Нет, сколько у нее всего?

– Откуда знаю.

– Славик, две дозы мало.

– Ну!

– Надо у нее все купить.

– Все? Хы-хы! Денег нету.

– Я дам.

– Чо-о? Врешь ты. Может, там на тыщу рублей.

– Найдем и тыщу, раз надо. Но ты уж сам, Слава, понял?

Она ж меня не знает, верно? Ты для нее свой в доску, ты и купишь. Скажи ей, брат в кооперативе большую деньгу зашибает, тоже колется. Скажи, все берем, деньги сполна и сразу. Понял? Но смотри, чтоб никому ни слова.

– Чо ты меня учишь, не дурак, чтоб об этом трепаться, – построил Сопляк умную рожу. – А ты не врешь? Не для хохмы, а? По натуре? Деньги прямо сейчас дашь?

– Слушай, Слава, и запоминай. Завтра точно к восьми вечера подойдешь к магазину, который напротив «Гармонии». Знаешь магазин?

– Ну.

– Я буду ждать тебя в машине. Знаешь мою «Волгу»? Дам тебе дипломат с деньгами. Подойдешь к Эльке, скажешь, давай товар, мы с братом сразу все покупаем, бабки на бочку сполна. Покажи ей деньги в дипломате. В руки, смотри, не

давай, она баба тертая, обманет. Пускай глянет, и сразу дипломат закрой, пускай бежит по-быстрому за товаром. По-быстрому, понял? Чтоб никому не успела сказать из своих корешей, а то они налетят, деньги отнимут, понял?

– Ну.

– Когда товар вынесет, пойдешь с ней в тот магазин, есть там контрольные весы. Взвесьте товар. Потом отойдете за магазинный склад, вот тогда ей деньги отсчитаешь, сколько скажет. Остальные мне принесешь сюда. Деньги большие, так что гляди в оба. Ну, ты парень толковый, другому я бы и не доверил такое дело.

– А она продаст?

– Чего же не продать, если деньги при тебе. Чтоб по-быстрому все обделать, скажи ей, мол, братан сегодня вечером уезжает на курорт, срочно велел марафету достать, а то он в хумаре.

– Слушай, Игорь, а если меня с этим накроют?

– Не беспокойся. Знаем ты да я. Ну уж если что, бери вину на себя, понял? Дипломат с деньгами нашел, скажи, на вокзале, марафет хотел для себя купить. Не вздумай меня заложить, Славик, тогда тебе хана. А я тебя в любом случае выручу, у меня везде схвачено. Ну, шагай домой. Значит, завтра ровно в восемь напротив «Гармонии».

– Будь спок!

Сопляк ушел довольный. Много ли такому надо для счастья – грамм опия, и мечта сбылась. Так и быть, станет Кор-

нев творцом Соплякова счастья. Недолгого счастья: нюхал, курил, кололся, теперь в скором времени светит Сопляку дурдом. Туда и дорога: сопляки засоряют человечество. Корневу он нужен для одноразового применения, как тот безопасный шприц. Другой на месте Сопляка, поумнее, заломил бы цену дикую, еще и шантажировать вздумал бы, а этот нюхач дешев, и, хоть режь его, все будет надеяться, что друг Игорь выручит.

Книжка уже не читалась. Корнев вышел из навек прокуренного вагончика. Недостроенная громада девятиэтажного дома слепо зияла провалами незастекленных окон, через них местами проникали желтыми стрелами лучи вечернего солнышка. По широкому двору от обжитых домов квартала разносились вечерние звуки: писк ребятни, ломкие бари-тоны подростков, тьяканье прогуливаемых шавок... Корнев сел на бетонную плиту. Слушал разноголосицу, думал. Было о чем поразмышлять. Гласит пословица: дескать, дурак думками богатеет. Врет пословица, дурак живет как скот, не мысля дальше «выпить» да «пожрать», а человеку умному всегда есть стимул поднапрячь извилины.

А вот и Наташка семенит, несет известие – с опозданием, по обыкновению. Штаны прямо клоунские, сизые патлы дыбом, ну что за мания бросаться в глаза? Самый невнимательный милиционер с первого взгляда запомнит навек такое чучело. Как завершится дело, надо с ней развязаться. Хотя, если по-человечески, ее тоже можно понять: когда ни зада, ни

грудей и рожа не как у людей – приходится заявлять о себе заемными прелестями. Сам-то заметил ее из-за идиотской окраски, сперва захохотал, потом приблизил для хохмы, а она и для дела сгодилась...

– Чао, Игорек!

Обняла за шею, прижалась.

– Привет. Узнала, сколько привезли?

– Уже в курсе? Сопляк доложил?

– Земля слухом полнится.

– Сопляк, больше некому, видела, как он с Элькой шептался.

– Я тебя не про Сопляка спрашиваю. Так сколько там?

– Элька по секрету хвалилась, что больше кило.

– Всего-то?

– Тебе мало? Игорь, а как ты собираешься...

– Тихо! Больше не спрашивай про это, вообще забудь. Иди приведи Светку.

– Где я тебе ее возьму? Она дома. В смысле у родителей. На работу поступать намылилась. Представляешь, в ресторан официанткой! Она там в первый же день наофициантится...

– Иди, с автомата ей позвони.

– У них телефон сломался.

– Так сама сбегай, черт тебя дери!

– Игорь, я к ним больше не пойду. Мать как рысь кидается, будто я хорошую девочку на худое сманиваю. Кто-то ви-

новат, что их дочка сучка.

– Ты слышала, что я сказал?

Руку ей на плечо, подтолкнул легонько в спину – пошла как миленькая. Через полчаса привела встрепанную Жучку.

– Спасибо, Натаха. Теперь погуляй. Ступай, ступай, у нас дела.

Резко повернулась, буркнула что-то себе под нос, засемила. Ничего, пусть попсихует малость.

– А ты заходи, – распахнул Корнев дверь вагончика. – Садись. Что, заели тебя предки?

– А ну их... – Жучка сказала куда. – Всю душу вымотали.

– Душу надо беречь. Слушай внимательно, Светланка. Сегодня ночуй у Наташки, а то остатки души вынут. Завтра у тебя день рождения.

– У меня?! – удивилась Жучка.

– У тебя. Позвони своему милиционеру Алику, пригласи по сидеть вечерком у Натки, отметить. Самой Натки не будет дома, вы вдвоем. Но дверь не запирай, поняла?

– Игорь, я не хочу. Что ты меня под кого попало подкладываешь!

– С Аликом ты не в первый раз, так кого из себя строишь? Он парень ничего из себя, твой Алик.

– Какой он мой, ты ведь тогда меня напоил...

– Хватит! Сама напилась, в рот тебе не лили. Сейчас так надо, чтобы ты Алика вусмерть накачала. В стельку чтоб. Завтра в шесть вечера жду тебя в моей «Волге» возле уни-

версама, который на Курганной, знаешь? Чтоб мне без опозданий, слышишь? Будет тебе пара бутылок коньяку, хорошая закусь. Еще югославский ликер. От меня на день рождения.

– Я в январе родилась.

– Ну и что? Алик не паспортист, в твои метрики заглядывать не будет. В январе мы с тобой еще разок отметим, по-настоящему, лады? Алик, по моим расчетам, завтра выходной, позвони ему утром в общежитие. Как хочешь приглашай, но чтоб пришел и часам к семи бухой был в дым.

– Игорь, а зачем?

– Зачем? Только ты молчи, никому...

– Что ты! Разве я когда...

– Я с Наташкой поспорил на полторы сотни, что ты можешь любого мужика без дзю-до наповал уложить. Наташка говорит, слабо ей. Но я-то по себе знаю, какая ты секс-бомба! А? Точно, Светик? Только чтоб – могила, ясно?

– Игорь, ну вот сука буду, никому!

– Выиграю спор, полторы сотни твои. Я не из-за денег, из-за принципа спорил.

Еще полчаса задушевного вранья с объятиями, и Жучка доведена до кондиции. Интересно, поверила она в спор с Наташкой? Поверила. Даже и умная баба поглупела бы, дай ей доказать сопернице свою женскую власть над мужиком.

В восемь без пяти пришел бригадир первой смены. Пока он надевал робу, Корнев поболтал с ним о том о сем. Сказал, между прочим, что близится сессия в институте, надо ехать в Свердловск. Бригадир равнодушно пожелал ни пуха ни пера, Корнев сказал «к черту». Когда «Маяк» в транзисторе пропищал шесть раз, что означало восемь часов местного времени, Корнев тоже пожелал бригадиру трудовых побед и покинул стройку.

Автобусом доехал он до молодежного общежития, где ему, лучшему сторожу СУ, постройком выкроил тесноватую, зато отдельную комнатку. Корнев умылся, переоделся, позавтракал в столовке на первом этаже. Поварихи-раздатчицы с симпатией относились к трезвым, самостоятельным мужчинам, поэтому питание Корнева отличалось повышенным качеством.

В девять с минутами он был уже в управлении стройреста. Тучный, одышливый начальник административно-хозяйственной части блеснул очками на раннего посетителя и снова углубился в ведомости. На «здравствуйте» буркнул «р-с-с».

– Что вы хотели, товарищ, э-э, Корнев?

– Арон Лазаревич, у вас лежит мое заявление, прошу отпуск без содержания для сдачи курсовых и зачетов в инсти-

туте.

– Э-э, что вы сказали? Какое заявление, какие зачеты?

– Арон Лазаревич, не век же мне в сторожах сидеть, надо заканчивать учебу.

– Да-да, э-э, да... – Начальник АХЧ развязал тесемки коричневой папки, перебрал листки. – Вот заявление, «прошу» и так далее. А где дата? Почему не указано, с какого числа просите отпуск?

– Вы говорили, что подменить некем, я и тянул, сколько мог. Больше уже нельзя, отчислят, чего доброго...

– Некем, голубчик, с дорогой бы душой, но некем заменить!

– Я с Марковым договорился, Арон Лазаревич, он на пару недель соглашается.

– Марков? Э-э, Марков... Который на пенсии? Послушайте, ваш Марков подвержен, э-э, пьянству!

Начальник АХЧ, в подчинении которого пребывали сторожа, до страсти любил поволокитить, потянуть резину в самом безобидном вопросе. Менее терпеливый посетитель-проситель крыл Арона Лазаревича хорошим матом и уходил ни с чем. На сей раз начальник АХЧ не на такого напал: Корнев гнул свое, мешал работать, грозил пойти к генеральному директору треста, и все это без крика, корректно, зато напористо. В конце концов начальник понял: этот так не уйдет. И сдался.

– Э-э, ну хорошо, ну пусть две недели поработает Марков,

разве я могу отказать учащейся молодежи.

Вот так. На успех надейся, а сам не плошай, готовь запасной ход на всякий непредвиденный случай.

Теперь вздремнуть. День предстоит ответственный. Такой день, как говорят крестьяне, год кормит. И нужно прожить его так, чтобы комар носа не подточил. Нужна бодрость, свежесть мысли. Корнев вернулся в свою комнатуху, разделся до трусов, лег в постель, приказал себе уснуть. И уснул без сновидений.

Поднял его транзистор в три часа дня. Корнев сделал зарядку с гантелями, побрился, умылся. В кожаный саквояж уложил бритву, лосьон, белье, полотенце, туго набитую мужскую сумку. Все? Все. Портфель-дипломат приготовлен еще неделю назад. Открыл, проверил. Что ж, неплохо, полное впечатление.

Есть не хотелось. Корнев, с сумкой и дипломатом, сбежал на первый этаж, подошел к дежурной по общежитию.

– Ну, тетя Паша, пожелайте мне удачи!

– Да ты, кажись, и так везунчик. – Пожилая вахтерша подняла очки от вязанья.

– Грех жаловаться, тетя Паша. Но сейчас я прямо на вокзал, еду в Свердловск сдавать зачеты в институте. Экзамен всегда лотерея, повезет – не повезет. Через час мой поезд.

– Сдашь, Игорек, ты самостоятельный, не то что некоторые. Господи, моей бы Нюрке бог послал такого мужа...

Корнев улыбнулся тете Паше, молвил ободряюще:

– Ничего, образуется. Я тоже на одном экзамене засыпался, но потом хорошенько подготовился и пересдал. Авось и Нюра ваша в другой раз не промахнется. Так я побегу, тетя Паша, надо еще билет купить.

– С богом, Игорек.

– Спасибо, тетя Паша.

Вот так. Если спросят – будем надеяться, что никто не спросит, – тетя Паша поклянется хоть на Библии, хоть на Уголовном кодексе, что Игорек Корнев побежал в четвертом часу дня на вокзал, в Свердловск поехал поездом.

А он пошел в свой гараж, вывел черного «Мустанга». И в начале пятого красивым виражом въехал на стоянку у городского рынка.

Здесь царил дух предпринимательства. За квартал встречали прохожих цыганки: «Жевачка, жевачка, тени, тени, польские тени, лезвия, лезвия, французская помада, жевачка, жевачка!..» Смуглые их мужья и братья молча покуривали над планшетами, где в специальных гнездах сияли золотом латунные перстни. Ближе к павильону тянулись ряды индивидуалов с их изделиями: штанами, куртками, обувью, все из отечественных материалов, но с «фирменными» нашлепками. Корнев бесстрастно миновал эти дорогие соблазны для дешевого вкуса. Вместе с людским потоком вошел он в бетонный павильон рынка. Направо – розы, гвоздики, тюльпаны, брюнеты с бровями, похожими на сапожные щетки. Налево – киоск Союзпечати: «Правда», «Комсо-

мольская правда», «Пионерская правда», на любой возраст «правды». Тут же брошюрка эпохи гласности: «Секс приносит радость».

Но вот прямо – мясной ряд. Два мужика торгуют свиной. Очереди нет – цена уж очень договорная. Кого Корневу надо, того не видать. Может, в чайхане?

В конце рыночного павильона, в самом тупичке, некий джигит-кооператор спроворил крохотную чайханушку для торговцев-южан: четыре столика, восемь стульчиков, маленький прилавочек с большим самоваром, подсобка за ситцевой занавеской. Местные чаелюбы не заглядывают в это заведение, а кто и вопрется во хмелю, на него так воззрятся черные глаза, что пришелец поскорее уберется дебоширить на безопасную для него шиханскую улицу. Тут свои потребители, свои вымогатели, свой бизнес.

Здесь Корнев увидел искомого человека. Мордатый, плечистый, с висячими усами, посиживал за столиком рубщик из мясного ряда. С каким-то казахом или киргизом. Пили действительно чай. Но, видимо, так уважали друг друга, без градусов. Казах Корнева не интересовал, разве что в дальнейшем... Рубщика он разглядывал из приоткрытой двери пристально. Да, силен. В черной майке, в желтом клеенчатом фартуке не санитарной свежести, высится Боря Переплетченко над белым железным столиком, как гранитный монумент. Не в первый раз Корнев созерцал исподтишка низколобое лицо и борцовскую мускулатуру, обкатывая в уме

возможные варианты: мирное урегулирование? акционерная шарашка? или рэкет? Такого бугая не напугаешь, такого низколобого не уговоришь. Ладно, Боря, без тебя обойдемся.

От Центрального рынка путь «Мустанга» пролег почти на окраину города, в Заводской микрорайон. Оставив машину внутри квартала пятиэтажек, Корнев вышел на улицу. Возле небольшого коопторговского магазина сидели на пустых ящиках женщины с кошелками, громогласно рассуждали, не выбирая выражений, на продовольственно-промтоварные темы. Ожидали, не выбросят ли колбасу.

В магазине духота, пахнет кислой капустой. Две продавщицы лениво переговариваются за прилавком, жалуются друг дружке на трудную жизнь. Пока не привезли колбасу, делать им нечего. На единственного посетителя ноль внимания. Корнев прошелся вдоль прилавка, обозрел ряды стеклянных банок с яблочным соком, овощной солянкой, пласты шпика в витрине. И вышел. Уселся на свое место в «Мустанге», выбрал кассету, включил магнитофон. Слушал, прикрыв глаза. Отдыхал.

Минут через пять в правое боковое стекло заглянуло чье-то лицо, открылась дверца, рядом с Корневым шлепнулся на сиденье Сергей, работающий подсобником в этом украинском магазинчике.

– Привет. Чего надо?

– Как жизнь?

– Как... Водяры еще дня на два хватит. Деньги надо? Счас

могу отдать.

– Успеется. Мелочь это. Сегодня, Сережа, по-крупному сыграем.

Носач отвернулся, насупился.

– Вон ты зачем приканал!

– Мы ж договорились.

– Это ты все договаривался, я свое слово не сказал. На подянку я не ходок, понял? Деловых шарашить ищи кого другого.

– Как хочешь, Сергей. Упрашивать не стану, ходоки без тебя найдутся. За полчаса работы отхватить двадцать тысяч... Ну все. Считай, разговора меж нами не было. Иди работай, мне ехать надо.

– Сколь? Двадцать косых? Конечно, за меньше и мараться не стоит. А если двадцать на рыло... Ну, риск двойной, от ментов и от деловых...

– Без риска – только зарплата. Сколько у тебя выходит в месяц? На сигареты «Астра» хватает?

– Двадцать косых, значит? Погодь, дай подумать.

– Думай. Только не очень долго думай, время – деньги. У меня уже все подготовлено, вечером проведем акцию, и товар наш.

– С тобой на пару пойдем?

– С бабой и придурком один не справишься, что ли?

– Вообще-то меня не поманивает на такой гоп-стоп. Но с тобой на пару рискнул бы. Чего заежился? Хватит тебе на

чужом горбу в рай ехать.

– Извини, Сережа, но ты балда. Будто и не слыхивал, что за групповое преступление срок больше. Если ты риска бояться стал, прими к сведению. В моей же акции риск минимальный, навар максимальный, и брать в дело третьего смысла нету. Пойдешь один, я подстрахую. А не хочешь, так иди вкалывай за зарплату. Вылезай, некогда мне.

– А-а, мать твою! Рискну, не в первый раз! Рвану на юг, заделаюсь фраером хоть разок в жизни. Ишачишь в зоне на «хозяина», на воле на тебя...

– Так не искать тебе замену?

– Не темни ты. Знал ведь, что лучше меня не найдешь.

Когда?

– Часам к семи подъедешь на своем сером к кафе «Лето», там ждать буду.

– А шмотки ментовские?

– Будут. Все как договаривались.

– Лады. Ну, я пошел. Обещали к концу дня колбасу под бросить.

– Иди.

Пивной ларек рядом с продмагом – скверное соседство. Беседуют ли «друзья до гроба», накачиваясь пивом, дерутся ли в очереди лютые враги – словесная грязь льется и пенится, булькает на весь квартал. Женщины, девушки, дети, подростки слушают, смотрят, терпят, привыкают, перенимают.

Жаловались жильцы квартала и продавцы соседнего магазина:

– Житья нет от пивососов! В магазине шарашатся, в подъездах мочатся, взрослым не пройти, детям не погулять, убери́те этот гадюшник!

Торговое начальство отвечало солидно:

– Наше дело – давать государству выручку, а за порядком пускай милиция глядит.

Милицейское начальство отвечало авторитетно:

– К каждому ларьку и подъезду милиционера не приставайшь, пускай горпищеторг переносит пивную точку в другое место.

Были случаи, возле «точки» в драке убивали человека – вот тогда приезжала милиция. Опрашивала свидетелей, кто не успел смыться от греха, и уезжала. «Скорая» увозила труп. Ларек оставался, и возле него опять топталась, исходила матом толпа.

Курсант Юрий Иконников пятый день околачивался возле пивного ларька. С утра вместе с помятыми, небритыми, осипшими похмелягами дожидался желанной автоцистерны с пивзавода. На склоне дня, когда разбитная продавщица Файка звонко кричала из окошечка: «Задние, не стойте, кончаю бочку!» – все-таки терпеливо занимал очередь, перекуривал, договаривал, дослушивал завсегдатаев. Юру толкали, синюю его тенниску оплескивали пивной пеной, обругивали, обнимали, уважали, грозили. Разок пришлось слегка

подражаться, но занозистый блатной, испытав на себе отработанный тренировкой приемчик, сразу расхотел «качать права», заужавал.

Если человек каждый день топчется в пьющей компании, а сам и глотка не вкусил, это в конце концов начинает действовать ему на нервы. У Иконникова накопилась злость, стал портиться характер. Вон того, татуированного, что матерно кроет женщину, Юра так бы и отметелил... Однако и встрепанная, неряшливая женщина загибает в кровь и в душу еще хлеще, целится пустым бидоном в коротко стриженную башку. А Юра сидит на перевернутом ящике рядом с пожилым завсегдаем, которого все тут зовут Кирюхой, и слушает, как тот, с трехлитровой банкой в руках и пеной у рта, орет, что торговая мафия – это и есть правящий класс в нашем государстве, потому что делают что хотят, хотят – торгуют, хотят – закроют, и управы на них нету, везде у них подмазано и схвачено, и народ мучают, обирают, мать их... Юра слушал, кивал, поддакивал. Пора бы уходить от Кирюхи, надоел. Старый пиво-сое уже дважды великодушно предлагал глотнуть из банки, и не скажешь ведь «на работе не пью».

– Не-е, – отвечал Юра нетрезвым голосом. – Вон моя очередь подходит, а у тебя у самого мало.

Но уйти медлил: через плечо Кирюхи отлично просматривались подходы к парикмахерской «Гармония»... и подходил к ней, озираясь на каждой ступеньке, тощий бледный

парень в истертых отечественных джинсах и когда-то зеленой, выцветшей футболке. Тот самый парень, которого Юре показывали из райотдельского «газика». По словам старшего лейтенанта Мельникова, его зовут Слава Ципляков и он, вероятно, как-то связан с парикмахершей мужского салона Эльвирой Сорочкиной, а что это за связь, надо разгадать...

– У них же всякий-разный дефицит, у них все начальники во где! – пенился Кирюха, припадая то и дело к краю банки.

– Это точно, – кивал Юра.

Каждый денюсЦипляков ходит в парикмахерскую, а волосы год не стрижены, не чесаны, брить на прыщавой мордочке нечего. Сегодня в і руках у него новенький черный портфель-дипломат, идет он ему как корове седло.

У Юры глаз приметливый, недаром он Иконников, потомок Соликамских богомазов, умевших в лице живого человека разглядеть мысль, душу и придать лику святого на доске строгость и милосердие, святость и причастность суете земной. Курсант Нижнетагильской школы милиции слушал Кирюху, который крыл уже все Политбюро вкупе с Советом Министров, а сам примечал, что сегодня Ципляков нервничает. Головой вертит, как обезьяна в цирке, дипломат держит не за ручку, а под мышкой.

– Файка, стерва, пиво водой разводит, – бубнил из банки Кирюха,

– Не все же в торговле жулики, – возразил Юра, чтобы что-нибудь сказать.

– Все! Год проробят – можно сажать. Другие набегут? Покудова эти обнаглеют, попьем пивка доброго. Потом пушай и их содут.

Может, позвонить в райотдел? Приказано – в любое время. А кому? Скоро восемь часов вечера, в райотделе только дежурный, с ним говорить пустой номер, отбрешется, что машина на выезде, что бензину не хватает по пустякам ее гонять. У старлея Мельникова телефона дома нет...

– ...а начальство с заднего хода отоварится, ему все до фени...

Надоел Кирюха до чертиков. Но под его прикрытием удобно наблюдать. Вот Ципляков зашел в «Гармонию»...

Юра провел ладонью по подбородку – щетина для пивной компании в самый раз, для парикмахерской тоже.

– Кирюша, гляди, Файка сейчас закроет. Слышишь, орет! Айда вставай в мою очередь, вон за тем рыжим, бери пару литров, а я тут у кореша трояк займу.

Кирюха уже хромал к ларьку, на ходу доглатывая из банки. Юра, стараясь не суетиться, перешел улицу и, убрав с лица захмеленную осовелость, толкнул дверь «Гармонии».

Скучают в ожидании три клиента. Работают две парикмахерши.

– Кто последний? Я за вами буду.

Где же Эльвира? Где Ципляков? Перед третьим в салоне креслом разложены ножницы, бритвы, расчески – ее кресло? Юра шагнул в салон, как бы прикидывая, стоит ли ждать.

А вон она, в тамбуре между мужским и женским залом. И парень тут, ей что-то втолковывает. Дипломат держит плашмя – продает что? Или меняет на... «травку»? Заглянуть бы... Настоящий сыщик нашел бы предлог. Нет, все испорчу. Мельников дал на крайний случай домашний телефон капитана Калитина из ОБХСС. Сейчас крайний случай или нет? Звонить Калитину, пока они тут, рядом?

– Так я за вами, пойду перекурю, хорошо?

Будка телефона-автомата через дорогу, возле продмага. Вложил двушник, набрал номер. Гудки, гудки... Если нету дома, что тогда?

– Алло?

– Товарищ капитан? Докладывает курсант Иконников, пост у парикмахерской «Гармония».

– Слушаю вас, Иконников.

– Товарищ капитан, они что-то затевают! Вы ведь знаете кто... Парень с дипломатом... ну, портфель такой. Он у нее... Ой нет, он выходит! К магазину идет...

– Иконников, продолжайте наблюдение, не спугните, я выезжаю, «Москвич-412», бежевый...

– Вашу машину знаю, тов...

– Ждите.

– Есть ждать!

Гудки.

А где ждать? Ципляков зашел в магазин, а Эльвира?.. Вот и она. Из «Гармонии» чуть не бегом через улицу... прямо

к Юре Иконникову! Догадалась, что ли? Скорей обратно к пивному ларьку... Нет, она бежит к телефону-автомату. Напрасно отошел, надо бы подглядеть номер, по которому звонит, настоящий сыщик обязательно бы... Но капитан Калитин велел не спугнуть. Спокойно, Иконников, спокойно. Приказ только наблюдать. Однако работник милиции должен сам проявлять инициативу! Да, но и выдержку тоже. Спокойно, курсант Иконников.

Долго она там, в будке. Не дозвонилась? Вешает трубку резко, монетку выцарапывает – не дозвонилась. Лицо растерянное. Скорей бы капитан Калитин приехал. Ага, теперь домой к себе идет. Или в магазин? Нет, домой. Что же у них не сладилось? Вот бы разоблачить мафию! Размечтался... Как бы их не прозевать. Впрочем, замполит школы подполковник Барановский говорил, что здоровое, не гипертрофированное честолюбие необходимо как стимул деятельности...

Ладно, хватит, курсант Иконников. Где там у нас Ципляков? Чего он так долго в магазине покупает, когда там и покупать-то нечего? Пойти взглянуть? Только бы капитан Калитин не опоздал на своем драндулете.

Юра поднялся по четырем ступенькам магазина. Через стеклянную дверь парня не видно. Народу много, очередь за чем-то. Зайти? А Эльвира? Она, может, дома чай пьет. Зайду, гляну.

Калитин через две ступеньки взбежал на третий этаж, ко-

ротко дакнул кнопку звонка. Открыл сам Мельников, в синем тренировочном костюме, с вилкой в руке. Сказал, жуя:

– Заходи.

– Стажер звонил. Подробности доложу в «Коломбине».

– Один момент! Зайди, я быстро.

Из комнаты выглянула жена Мельникова.

– Узнаю тебя, Костя, по деловитому звонку. Заходи, ужинком накормлю. Котлеты с лапшой будешь?

– С удовольствием, Зинуля! Но примерно через часок.

– То есть опять ты увозишь моего супруга в неизвестном направлении? Когда ты наконец женишься, одомашнишься?

– Да хоть завтра. Ищи невесту, такую же терпеливую, как ты.

Вышел из спальни Мельников, в штатском костюме.

– Константин, не наговаривай женщине много комплиментов, она возгордится. Я готов, едем.

Уже с лестничной площадки Калитин крикнул:

– Извини, Зина, мы недолго.

– Да знаю, не первый год замужем.

Сбегая по лестнице, Мельников спросил:

– Давно он звонил? Не опоздаем? Надо бы тебе сразу туда.

– Попутно же. Пять минут затратим, зато ты полностью в курсе дела, в отличие от меня.

– Куда ехать? «Коломбина» не подведет?

– Ехать к «Гармонии». А «Коломбина», хоть и железная, понимает сложность оперативной обстановки.

Корнев сидел на барьерчике детской песочницы посреди двора. Курил. Поглядывал в проем между жилым домом и парикмахерской. Отсюда просматривался вход в продмаг, пивной ларек со все еще не рассосавшейся, не насосавшейся толпой, автобусная остановка. Кругозор ограничен, зато как раз все нужные объекты. В острых обстоятельствах сосредоточить внимание на конкретном – залог успеха.

Кому звонила Элька-парикмахерша? Переплетченко, кому еще, не в милицию же. Этот ее звонок предусматривался планом операции, но все-таки Корнев был уверен на девяносто процентов, что она, увидя в чемодане пачки денег, обзарится с ходу. А если и позвонит своему шефу, так впустую, что и получилось, судя по ее поведению. В этот час Переплетченко не в базарной чайхане сидит, не с казаками, не чай пьет, а что покрепче. Пей, Боря, пей, завтра будет тебе похмелье. Ну уж покажет он Эльке, мало не будет. И правильно: зачем связалась с недоноском Сопляком.

А вот и серый «Жигуль» подрулил. Все о'кей, как он, Корнев, рассчитал.

Игорь бросил недокуренный «Мальборо» в песок. Зевнул. Двор наполнился вечерними звуками, как и на его рабочем месте – на том рабочем месте, на стройке. Фыркал и тархтел мопед, пищала ребятня, стучали костяшки домино, женский голос взывал: «Санчик, иди ужинать. Саня, кому сказано! Санька, сейчас же домой, не то получишь у меня!!» Из ок-

на подвала рыдал кот, не успевший жениться в марте, с ним состязались сразу два транзистора, тоже были про любовь. Под такую какофонию и мысли рождались в стиле рок: максимум движения, минимум соображения. Корнев поймал себя на том, что и сам запритопывал в такт ритму транзисторной любви. Что ж, можно будет сплясать в самое ближайшее время, еще полчаса, еще даже четверть часа... Все до секунды продумано, исполнителям вдолблено, осталось вот так, со стороны, созерцать ход событий. Корнев нервно зевнул.

Ага, бежит Элька к магазину! Ключула баба на приманку в дипломате. В руках продуктовый пластиковый пакет. В нем продукт... примерно на сорок пять тысяч. Если, конечно, продавать не наспех, а без горячки, по дозам, в розницу.

Вошла в магазин! Ну, Носатый, ну!

Серый «Жигуль» тронулся, подкатил ближе. Так, хорошо, довольно, стоп! У пивного ларька шумок, драчка закипает – очень кстати, отвлечет внимание... Из «Жигуля» вылез старший сержант милиции. Все о'кей. Корнев достал сигарету, щелкнул зажигалкой.

Прямо из дверей Юра пристроился в хвост очереди. Что дают, спросить не догадался. Стоять в таких вот хвостах он терпеть не мог, а сегодня уже третью по счету очередь занимает: за пивом, в парикмахерской и тут. Иногда и проклятые очереди оказываются полезными.

– Молодой человек, вы крайний? Не знаете, сосисок нам

хватит?

Итак, стоим за сосисками. На миг захотелось есть: горячую бы сосиску с горчицей, к ней холодного пивка... Но тут же забылось: вот он, Ципляков, никуда не делся. С дипломатом своим в обнимку, будто у него там тысячи. У такого тысяч, конечно, быть не может, однако волнуется он, это ясно – то к окну сунется, то к двери, то вон контрольные весы лапает, а лицо такое, как у курсанта перед экзаменом.

О, Эльвира явилась. За обоими сразу легче наблюдать. Сумка у нее пластиковая, с детским рисунком: снеговик с клюшкой, в хоккейном шлеме. Сговор у них какой-то... Правильное было решение – позвонить капитану Калитину. Ишь, парень в сумку ей заглядывает. Спекулируют импортной косметикой? Или в самом деле там наркотик, как Мельников подозревал? К контрольным весам идут...

– Молодой человек, ну вы стоите или нет?!

– Да стою, стою.

– Так двигайтесь же, чего остолбенели!

– Я двигаюсь.

– Ну и нечего вертеться, всю мне авоську испинали, а там яйца.

Эльвира достала из сумки со снеговиком газетный сверток. Взвешивают на контрольных весах. Ну где же Калитин, сломалась, что лиг его «Коломбина»? Эти двое сейчас разойдутся, за кем следить? Или ждать, как приказано?

Ого, вот повезло, старший сержант милиции вошел в ма-

газин, с его помощью надо немедленно задержать Циплякова с Эльвирой, узнать, чего они там химичат.

Иконников покинул очередь и шагнул навстречу старшему сержанту.

«Коломбина» резко тормознула у светофора.

– Гони, Костя, гони на красный свет, от ГАИ отмахнемся, а этих кабы не упустить... Эх, уже потянулись!

По пересекающей улице шла – до обидного неспешно! – вереница машин.

– Спокойно, Миша, побереги нервы для задержания наших знакомых. А законы, в том числе гаишные, надо неуклонно соблюдать.

– Не успеем же! Напрасно за мной заезжал.

– Ум хорошо, а четыре лучше.

– Ты, я, курсант... а четвертый кто?

– Твоя голова за двоих работает. Наблюдение установил ты...

– Но началось с твоей «бедной Лизы».

– Уже не моя. Подлечили, и уехала домой, в Усть-Лагвинск. С моим письмом к тамошним обэхээсникам. Обещала написать, как там у нее образуется. Дальнейшее от нее зависит. А нам с тобой делить лавры рано...

– Жми, Костик, зеленый!

Иконников покинул очередь и шагнул навстречу старше-

му сержанту. Привыкнув за эти дни ничем не выделяться, он и шагнул как бы нехотя, как бы взглянуть только, хватит ли сосисок... и отпрянул: старший сержант направлялся прямоком к тем двоим! В «своем» Кировском РОВД этого парня Юра не встречал... Выходит, из другого райотдела тоже вели наблюдение? Но об этом знали бы Мельников с Калитиным.

– Послушайте, молодой человек, в конце-то концов!..

– Я стою, стою, я только глянул, хватит ли.

Что-то тут не так. Спокойно, Иконников. Приказано наблюдать, вот и не вертись, как советует эта тетка. Форма на старшем сержанте сидит неловко, как с чужого плеча. Лицо обыкновенное, ничем не примечательное. Разве что нос... Нет, не длинный, а прямой, римский, самая заметная деталь в его облике.

Ага, удостоверение им предъявляет, красные корочки. Сверток, сумку берет... Так он же произвел задержание, уводит!.. Неужели капитан Калитин решил обойтись без стажера Иконникова? Мельников бы так не сделал. Подойти, принять хотя бы участие? Нет уж, пускай. Какая разница, кто задержал, важно, что подозрительные лица будут проверены. Странно, однако, что сержант задержал их в одиночку, без подстраховки, без понятых изъял сумку и дипломат... Выводит из магазина. Сажает парня в «Жигули» серого цвета, номер 28-07. Не в милицейскую машину, а в «Жигули». Парикмахершу... Что он ей говорит? Отпустил? Да он что, вчера на свет родился?! Странно это. И что теперь? Калитина

уже нечего ждать...

Эльку отпустил, Сопляка в машину. Вот так. Корнев бросил окурочек. Потянулся. Конец операции. Когда все продумано, то и нюхач Сопляк, и чужая любовница Элька послушны замыслу режиссера, будто куклы на ниточках. Они все восприняли всерьез, поджилки трясутся, тюрьма мерещится. А Носатый, вот артист! Двадцати тысяч он не стоит, а на десять наработал сполна. Завтра же дать ему деньги, и пусть поскорее катится на юг или куда подальше, здесь его держать становится опасно. Надо ехать, проследить, кабы не рванул с добычей...

А это еще кто? Что за типчик в синей тенниске из магазина выскочил как настеганный? Глядит вслед «жигулю»... Он уже тут мелькал, на ступеньках. Милицейский шпион? Не может быть, про операцию никто не знал. Или тоже Элькин клиент, хотел себе дозу купить? Что он тут лицо заинтересованное, это точно, вон как мечется... Да будь он чемпионом по бегу, серого «жигуля» уже не догнать.

О, вот он кто! Подбирает его бежевый «Москвич-412», эту машину все бомбежники знают как облупленную: обэхэ-эсника Калитина рухлядь! Но не может же быть! Кто наследил? Парикмахерша на трепливого клиента нарвалась? Сопляк кому-то похвалился? Переплетченко навел в отместку? Кто б ни навел, все вдребезги! Надо выходить из ситуации по крайней мере, запасному варианту. Знает ли Калитин, куда

умчался серый «жигуль»? Можно успеть предупредить Носатого?

Корнев чуть не бегом пересек двор, на параллельной улице стоял «Мустанг».

– Чуть бы вам пораньше, на минуту бы! – В голосе Иконникова не то чтобы упрек, но вроде этого.

– Так уж успелось, – сказал Калитин. – Вы, курсант, на перекрестках по сторонам хорошенько смотрите, пожалуйста. Серого цвета «Жигули»?

– Да, товарищ капитан, серого. Номер 28-07. На багажнике небольшие вмятины, эмаль местами облуплена.

– Ясно. Спасибо, курсант.

О проезжей части городских улиц местные газеты писали много, на все лады. Бедная «Коломбина» стонала, жаловалась, но бежала послушно, с недурной для ее возраста скоростью. У Юры Иконникова прямо на языке вертелось, чтобы товарищ капитан еще поднажал на акселератор, но при встрясках на ухабах у него было такое чувство, что машина вот-вот распадется на части. Движение здесь, вдали от транзитных магистралей, было не столь интенсивное и обходилось без светофоров, но Калитин на перекрестках притормаживал, давая стажеру и Мельникову осмотреться.

– Вот он! Проскочил, товарищ капитан! Развернитесь!

Случается такое, что капитан мгновенно исполняет команду курсанта-стажера: «Коломбина» с протестующим визгом совершила каскадерский разворот на приличной скоро-

сти.

– Видите, видите?! Смотрите, он парня высадил, Циплякова этого! Надо его брать!

– С Ципляковым успеется. «Сержанта» бы не упустить.

– А я ведь чуть было не подошел к нему, к «сержанту»!

Но, понимаете, интуиция...

– Вы молодец, курсант Иконников...

– Сейчас мы его догоним, быстрее, товарищ капитан!

– Быстрее не надо, – хладнокровно ответил Калитин. –

На оборот, приотстанем еще немного. «Коломбину» многие знают. Будем надеяться, что липовый сержант нас еще не заметил.

«Неужели он их не видит в зеркале обзора?! – с надеждой и тоской думал Корнев. – Бежевую развалину каждый бомбежник знает. Тоже и «жигуль» не ракета, но уйти на скорости можно. Или сейчас за угол, еще в переулок, из машины рвануть через забор, уходить огородами частного сектора... Нет, едет, дурак, как святой по раю! Наведет, всем посадку устроит, себе первому! Ах ты, ведь все шло нормально, я и сам едва не прохлопал того, синюю тенниску! Носатый свои тысячи считает, от удачи обалдел, в зеркале обзора южный пляж ему видится. Будет всем пляж – на нарах. Оглянись ты, оглянись, милиция на хвосте! Нет, уже все, навел! Без паники, только без паники. Что можно предпринять? Назад, к «Гармонии!»»

Калитин резко вывернул руль вправо, «Коломбина» едва не ткнулась бампером в зеленеющие кусты сирени, посаженные кем-то добрым вдоль проезжей части улицы. Все выскочили из машины. Сквозь кусты видно было: из «Жигулей» вылез коренастый мужчина в синих брюках, в светло-синей рубашке с распахнутым воротом, без пиджака и головного убора. Оглядел улицу – трое оперативников отпрянули за сирень. Не заметив ничего подозрительного – идет по улице старуха с девчушкой, женщина с кошелкой, – водитель нагнулся, извлек из машины черный дипломат, большую коричневую сумку. Запер машину и скрылся в подъезде пятиэтажного дома.

– Этот дом, кажись, знаком, – сказал Мельников. – Если не изменяет память, здесь обитает барышня с голубой прической.

– Улица Курганная, дом тридцать один, – прочитал Иконников. – Товарищ старший лейтенант, а откуда вы этот номер знаете?

– В апреле разбирали дело, трое избили одного, при сем присутствовали две девы, одна прописана по этому адресу, а именно Вепрева Наталья. Квартира? Гм, кажется, двадцать восьмая. Между прочим, один из троих избивавших так и остался неустановленным. Потерпевший уверял, что у этого третьего нос... Юра, у «сержанта» нос не заметил?

– Не длинный, но... видный. Прямой, как у древнерим-

ских статуй.

– Надеюсь, сейчас рассмотрим.

В дверь двадцать восьмой квартиры Мельников стукнул дважды и сразу толкнул дверь. Оказалась не заперта.

– Хозяева, можно войти? – И, не ожидая отклика: – Молчание – знак согласия.

Жест Юре: осмотри кухню. В два шага миновал коридорчик. Комната. У стола, на котором бутылки, объедки, окурки, замер со стаканом в руке водитель «Жигулей», уставясь неверяще на вошедших. На полу у его ног валялся, раскинув рукава, милицейский китель с погонами старшего сержанта, под столом – фуражка с кокардой, на единственном кресле – черный дипломат и пластиковый мешок с картинкой: снеговик в хоккейном шлеме.

– Здравствуйте, – сказал Калитин, – Давайте знакомиться. Мы из милиции. Нет, мы действительно из милиции, вот удостоверение. Впрочем, и у вас как будто имеются «корочки»? Позвольте взглянуть, чьи они?

Человек с прямым римским носом все еще пребывал в остолбенении, только глаза, широко раскрытые, неверяще перебежали с Мельникова на Калитина и обратно, а рука так сжимала стакан, что грозила его раздавить. Мельников отнял стакан, понюхал, поставил. Взял бутылку.

– Коньяк? О, армянский! Роскошно живете. Но выпивку придется отложить на неопределенное время, поскольку у вас предвидятся большие заботы. Документы у вас при себе?

Кроме, конечно, чужого сержантского удостоверения.

Калитин подошел к разложенному дивану.

– Ба, знакомые все лица! Одна из наших недавних свидетельниц в объятиях... Ах, вот чей китель ездит в серых «Жигулях»: старший сержант Демидов, протеже капитана Репеева... Эй, поставь на место!

Всего на миг отвлекся Мельников, и Носатый схватил стакан, выпил единым глотком. Утерей горстью, сказал сдавленным голосом:

– А чего вы врываетесь в чужую квартиру? Ксива у вас, бумага от прокурора, есть, чтоб вот так?.. Вы ж права не имеете.

– Заметно, что не в первый раз вы встречаетесь с милицией. Ну, с правами мы еще разберемся, а сейчас, пока не подействовал на вас коньяк, давайте проясним интересующие нас факты. По нашим данным, вы доставили в эту квартиру наркотики. Согласны ли выдать их добровольно?

– Ничего не знаю. Случайно зашел к знакомой, вот и все.

– Зашли, а она в объятиях соперника, и вы решили запить огорчение коньяком? Но если криминалист обнаружит отпечатки ваших пальчиков вон на том дипломате и сумке, то сказочка ваша вызовет большое сомнение. Юра, на кухне ничего интересного? Сбегай, пожалуйста, на первый этаж, там есть квартирный телефон, вызови опергруппу с криминалистом. И найди понятых.

– Есть опергруппу и понятых!

Наташка у окна сидит, семечки грызет. Нервничает. Помада на губах размазана, лицо и под румянами бледно. Держись, Натаха, то ли еще будет. Предстоит тебе ролька потрудней, чем у заслуженных артисток. И оваций не жди.

Увидела «Мустанг», семечки из ладони посыпались. Корнев поманил ее пальцем. Выскочила, как была, в халате бледно-голубом.

– Игорь, ну что?

Ответил как мог хладнокровнее:

– Поехали домой.

– Ты что! Мне еще больше часа тут. Элька отпросилась, да еще и я, старшая возникать начнет.

– Давай домой по-быстрому. Там у тебя милиция возникает.

– Ой! Что случилось, Игорь?

– Да быстрее ты! Объясню по дороге.

Когда минут через пять она села рядом и «Мустанг» рванулся от «Гармонии», Корнев сказал:

– Ну не могу понять, как милиция дошурупила! У тебя они в квартире. Носатого, Жучку, сержанта ее там застукали. Не стони ты, не рожаешь! Слушай внимательно, что делать надо. Я тебя подкину до Курганной. Зайдешь домой и сразу в крик: дескать, подругу Свету приняла как родную, приютила, ключ доверила, а она тут бардак развела. Сыграй им истерику похлеще! Насчет наркоты ты без понятия, сержан-

тика считала Светкиным женихом, Носатого – ее другом. Со мной... Говори, что со мной жила, уголовной статьи за такое нету. Ты одна, я разведен, кому какое дело. Но я постоянно живу в общежитии, не у тебя, потому что учусь, занимаюсь много. А сегодня в полдень уехал в Свердловск сдавать экзамен, понятно? Сегодня с обеда меня в Шиханске не было, ты меня не видела, запомни! Если меня не впутывать, то и тебе ничего не будет. Носатый сгорел, ему уже не поможешь, но он не продаст, я про негр много знаю. Светка Жучка сдурю да с похмелья сболтнуть лишнее способна, вот что опасно. Вряд ли ее заберут в камеру, один раз за такое дело там уже был разнос, она через своего сержанта узнала. Надо этим воспользоваться: вдолби Жучке, пусть имени моего не упоминает, чтоб ей же за соучастие срок не подкинули. Если все же ее заберут... Есть там у них Мельников такой, рискованный сыскарь. Передачу тогда ей снеси, понятно?

– Игорь, но как же так, ты ведь клялся, что все продумано до секунды!

– И сделано все точно до секунды. Где прокол вышел, не представляю. Видать, в уголовном розыске тоже не лопухи.

– А меня не посадят?

– Делай, как я сказал, и все обойдется. Главное, помни: меня при этом не было и быть не могло, в Свердловске я, в отпуске. Когда вернусь, не знаешь. Все, Натаха. Приехали. Дальше сама добежишь.

– Игорь, а ты?

– За меня не переживай. Дней через пяток забегай на главпочту, получишь письмо до востребования, доложишь, как тут обернется. – Он потянул замок черной сумки, вынул пачку двадцатипятирублевых купюр. – Держи, на расходы. Потом еще пришлю. Адвокат потребуется кому из наших... да мало ли. Придется сунуть кому на лапу, я в долгу не останусь, ты меня знаешь. С деньгами сейчас домой лучше не заходи, спрячь в почтовом ящике.

– Игорьь, мне страшно!

Обнял, притянул, погладил по спине.

– Иди.

Чмокнула в щеку, вытерла помаду ладошкой. Он подтолкнул ее из машины.

– Иди.

Засеменила прочь, худущая, нескладная, ссутулившаяся. Шла лгать, закатывать истерику, отводить от Игорька опасность. Словом не упрекнула... Корневу стало на миг жаль невезучую дуреху, которая пытается все подкрасить: лицо, одежду, жизнь серую. А получается смешно и трагично.

Но на чувства не было времени. Корнев придвинул черную мужскую сумку поближе к себе, развернул «Мустанг» и погнал прочь от улицы Курганной, от расплаты за неудачу. Придется утешиться хотя бы тем, что хватило предусмотрительности и на невероятный вариант: провал отлично задуманной операции.

Да, обэхээсник Калитин, и этот, второй, с ним, и тип в си-

ней тенниске – они выиграли раунд. Если честно, так вот их-то и есть за что уважать. Поздравляю от души, капитан Кали-тин, празднуйте без меня. Я уйду по-английски, не проща-ясь. Того гляди, при вашем-то напоре сладкими речами, лов-кими приемчиками выдавите из дуры Жучки, а то и из Но-сатого признания... Прав был бедняга Носатый: лучше ма-лый верняк, чем большой скачок...

Не ошибается тот, кто ничего не делает, – но для нормаль-ного человека деятельность необходима как воздух. Кто-то изобретает машины, кто-то ворует, одни честно вкалыва-ют лопатой и кайлом, другие честно проворачивают бизнес. Кто-то ловит жуликов. Или тех, кто в данный момент счита-ется жуликами. Но новая «Волга» имеет много преимуществ перед дряхлым «Москвичом», так что есть у нас шанс и на «мерседес» в перспективе, а у вас, Калитин?

Черный «Мустанг» со скромным достоинством бежит по улицам Шиханска, скоро конец городской застройке, нач-нутся поля. Перекурим тревожное время где-нибудь подаль-ше от Шиханска, есть ведь и другие города. В них тоже жи-вут Наташки, Жучки, Переплетченки, Носатые. А Сопляков и вообще, товарищ Калитин, на нашу с вами жизнь хватит с избытком. Авось найдутся и сержанты Демидовы, пока ге-нералы нам не по карману.

Пост ГАИ на выезде из города черная «Волга» миновала на дозволенной скорости. И умчалась в направлении Челя-бинска.